УДК 811.111:005.92

И. Ю. БУЛГАКОВА

Омский государственный технический университет

К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ РАЗВИТИЯ ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье рассматривается характеристика донаучного этапа развития английского документоведения с последующим этимологическим анализом терминов и историей возникновения некоторых из них.

Ключевые слова: термин, прототермин, терминосочетания, документоведение, письменность, лексико-семантические группы.

Задача данной статьи — дать общую характеристику английской терминологии документоведения, показать процесс ее формирования и развития в донаучную эпоху. Для исследования развития терминологии документоведения были привлечены работы по истории и теории данной области знания, а также толковые, энциклопедические, этимологические и исторические словари на английском и русском языках, с помощью которых устанавливалось время появления отдельных терминов.

С развитием международных связей все большее значение приобретают вопросы изучения соответствующей терминологии. В связи с этим мы попытались проследить становление и развитие терминологии документоведения и соотнести языковые факты развития данной области знания с внеязыковыми, поскольку, как верно отмечает Л. Б. Ткачёва, «...лишь обращение к самой науке и технике, соотнесение фактов лингвистических с фактами научно-техническими, изучение причинных связей между социально-экономическими и языковыми явлениями, позволяет дать исчерпывающее объяснение многим лингвистическим процессам, имеющим место в терминологии» [1, с. 45].

Отправной точкой диахронических исследований должно являться время появления терминологической лексики. Было принято считать, что поскольку понятия появились одновременно с возникновением науки, то и появление терминов, выражающих эти понятия, также следует отнести к моменту возникновения науки. Вместе с тем некоторые исследователи выделяют и донаучный период развития знаний и специальной лексики. Документоведение является именно такой областью знания, которая начала формироваться задолго до официального признания ее в качестве науки и профессиональной деятельности в конце XIX – начале XX века. В человеческом сознании представление о необходимости фиксирования своих мыслей начали складываться до появления различных теорий.

Документоведение — это дисциплина, изучающая закономерности формирования и функционирования систем документационного обеспечения управления. Она является очень важной отраслью знания, так как язык делового общения тесно связан с лексикой законодательных и нормативных актов и неточное употребление того или иного термина может иметь нежелательные юридические последствия. Как считает В. М. Лейчик, «терминосистема отражает не просто систему понятий, а систему понятий определенной теории» [2, с. 87].

Общую историю развития документоведения в доэлектронный период можно рассмотреть следующим образом:

1) обмен информацией возник на Земле несколько миллионов лет назад вместе с первыми приемами общения (мимика, жесты, прикосновения) наших далеких предков. Вместе с возникновением речи (примерно 100 тыс. лет назад) появилась возможность целенаправленного общения и накопления информации, индивидуального в памяти человека. При этом объект воздействия — данные в форме звуковой информации, носитель — воздушная среда, методы воздействия — возможность индивидуумов воспроизводить и воспринимать звуковую информацию;

2) возникновение письменности (5 – 6 тысячелетий назад) позволило реализовать полный набор процессов циркуляции и переработки документов: их сбор, передачу, переработку, хранение и доведение.

Сама информационная символика претерпела ряд существенных изменений: пиктографическое письмо, идеографическое письмо, рисуночное идеографическое письмо, клинопись, линейное слоговое и алфавитное письмо.

Текстовые данные наносились на тот или иной материальный носитель (выделанные шкуры животных, папирусные свитки, берестяная кора, глиняные и деревянные дощечки, ткани и бумага).

Революцией стало изобретение в Германии книгопечатания (середина XV века), придавшее ей форму массовой деятельности, особенно с конца XVII века, т.е. со времени возникновения науки и появления парового двигателя — основы машинного производства, что привело к появлению систем научно-технической терминологии в основных отраслях знаний.

В ходе исследования мы столкнулись с такой проблемой, как отграничение специальной лексики от общеупотребимой, поскольку в терминологии документоведения функционируют лексические единицы, которые встречаются не только в профессиональной, но и в обыденной речи. Специальные лексемы, появившиеся в это время, вслед за С. В. Гриневым мы будем называть прототермины. «Прототермины — это первоначальные, подчас достаточно древние обозначения расплывчатых по семантике

понятий донаучного периода осмысления мира» [3, с. 87].

Характерной чертой английского документоведения является то, что оно начало формироваться задолго до признания документоведения профессиональной деятельностью и наукой. В данном подъязыке функционирует группа терминов, которые по своей семантике изначально связаны с данной дисциплиной, хотя в словарях они не отмечены как специальные.

Известно, что документоведение представляет собой открытую систему, связанную с другими социальными системами: экономикой, политикой, правом, историей и т.д. В исследуемом подъязыке имеется большое количество терминов, привлеченных из смежных научных дисциплин; причем среди этих единиц есть такие, которые одновременно функционируют в нескольких подъязыках, т.е. так называемые надотраслевые термины. Установить пути появления таких терминов в исследуемом языке особенно сложно и выяснить, из какой именно области знаний они привлечены в терминологию документоведения, удается не всегда.

Информация о времени появления терминов, полученных в ходе экстралингвистического исследования, проверялась по этимологическим и историческим словарям английского языка. Все это позволило предложить следующую периодизацию формирования английской терминологии документоведения, соотнеся ее с основными вехами становления данной науки:

1. Первый период VII век — начало XV века.
2. Второй период начало XV века — конец XIX века.
3. Третий период с конца XIX века — до наших дней.

Считается, что зарождение представлений о способах и формах совместной жизни происходит на стадии родового общества. Уже в этот период выделяется потребность в фиксации определенных знаний и передачи их на расстоянии и во времени. Однако проследить отражение этих явлений в английском языке не предоставляется возможным в связи с тем, что история самого языка, как принято считать, начинается с VII века, момента появления первых письменных памятников. Именно это и стало точкой отсчета в нашей периодизации появления терминов документоведения в английском языке.

Два первых из выделенных нами периодов в формировании английской терминологии документоведения мы считаем донаучными, поскольку зарождение документоведения как вида профессиональной деятельности и науки приходится на конец XIX века. Все, что предшествовало этому, можно рассматривать как предысторию документоведения.

Первые памятники английского языка относятся к очень древней эпохе, и число их по сравнению с другими европейскими языками велико, хотя в Англии и утеряно много древнейших памятников. В результате вторжения датчан, происшедшего в древнеанглийскую эпоху, разрыва со старыми традициями после норманнского завоевания и реформации многие памятники были уничтожены.

Уже в древнеанглийский период количество рукописей и их объем были больше, чем в каком-либо другом древнегерманском языке той же эпохи. Первые рукописи — это немногочисленные глоссы начала VIII века; в IX веке число их увеличивается, но большинство относится к X—XI векам, некоторые — к XII веку, в первой половине которого старые тексты переписывали еще, придерживаясь старых форм. Писцы включают в рукописи все больше новых грамматических и лексических форм, которые, вероятно, уже давно существовали в разговорном языке. Кроме объемистых рукописей в данном периоде обнаружен ряд древних документов в подлинниках, а еще больше в списках, которые стремились сохранить языковую форму подлинников.

В конце VI века началась так называемая христианизация Британии, т.е. распространение христианской религии среди ее населения в результате стремления папской власти подчинить себе эту богатую новую область. В первые же века после введения в Британии христианства монастыри стали не только проповедниками новой религии и политического влияния папской власти, но также центрами научной и литературной жизни древнеанглийского общества. В них велась большая работа по написанию летописей, по созданию истории Британии, по составлению сборников древнеанглийской поэзии, учебников, грамматик и глоссариев латинского языка, по переводу научных и богословских произведений с латинского языка на английский.

Официальные документы, за исключением немногих государственных актов XI и XII веков, находившихся под влиянием древнеанглийской письменной традиции, писались сначала на латинском, позже на французском языках. В государственном управлении английский язык начинает вытеснять французский. Несколько французских оборотов сохранились в языке парламента и до настоящего времени.

Первое завещание на английском языке было написано в 1383 году; однако до 1400 года таких завещаний встречается мало; число их увеличивается только в XV веке. Языком двора английский стал к концу XIV века.

Отчеты о судебных заседаниях (Law Reports) до 1731 года составлялись на французском языке, и даже в XVIII веке введение английского языка в юридическую литературу наталкивалось на сопротивление, хотя давно были приняты английские и латинские переводы этих документов. В судопроизводстве также сохранилось несколько французских оборотов, не говоря уже о множестве французских юридических терминов, которые были заимствованы даже американскими судами. Английские документы начинают появляться лишь к концу XIV века.

Мы считаем возможным говорить о начале формирования английской терминологии документоведения именно в этот период, поскольку проведенное исследование позволило выявить ряд терминов, которые появились в данной области в это время.

В рассмотренной нами выборке, насчитывающей 3658 терминологических единиц [4], их оказалось только 102: **amanuensis** — переписчик, **yeoman** — старший писарь, делопроизводитель, **vestry-clerk** — письмоводитель прихода. Этимологический анализ показал, что прототермины первого периода были образованы:

1. В результате заимствования из других языков, а конкретно из латинского было заимствовано 39 единиц: **signature** — подпись, **amanuensis** — переписчик; из французского языка: **agreement** — соглашение, **paper** — документ и др., всего 7 единиц. Из греческого языка было заимствовано 5 единиц: **catalogue** — опись, **chronicle** — летопись. Из Древнего Рима были заимствованы и существовали некоторое время две единицы: **secretum** — личная печать, **scrinium** — ларец для хранения манускриптов. Из турецкого языка пришла одна видоизменившаяся единица **parchment** — пергамент. Кельтский язык

обогатил английское документоведение единицей **agent** — распорядитель имущества. Всего таким способом образованы 55 единиц.

2. В результате переосмысления общелитературной лексики, а именно: **bond** — договор, **wax** — сургуч и т.д., всего 18 терминологических единиц.

3. Синтаксическим способом, представляя собой терминологические сочетания и фразовые термины: **clerky hand** — хороший почерк; **pen and ink** — письменные принадлежности и т.д., всего 13 прототерминов.

4. Путем соединения в одном слове двух корневых морфем, например: **doombook** — свод древнегерманских законов, **semi-bull** — папская булла, изданная в период между избранием и коронацией и др. Всего 13 терминологических единиц.

5. С помощью морфологических средств: **penner** — писарь, **clerkship** — должность секретаря; всего 5 единиц.

Далее рассмотрим историю возникновения некоторых из этих прототерминов.

Термин **bond** является самым ранним из употреблявшихся. Период его возникновения относится к XII веку. Первоначальное его значение было — «раб, слуга», позднее оно расширилось до «узы, оковы, связь», и метафорически его значение было перенесено на «письменные обязательства». Наиболее широко оно использовалось в Шотландии при заключении договоренностей различного рода, хотя и носило условный характер, т.к. в свете политических событий того времени понятие «честь» носило достаточно условный характер. Скрепленный подписью, **bond** мог подтвердить обязательства того или иного лица, но это зависело от финансового положения и социального статуса спорящих. В настоящее время этот термин утерял свое первоначальное значение «письменное обязательство», произошло сужение понятия до «долговое обязательство или расписка», и этот факт зафиксирован в 1677 году [5, с. 400].

Термин **contract** в своем прямом значении — это договор, соглашение с взаимными обязательствами для договаривающихся сторон — появился в XIV веке и является наиболее распространенным в мировой практике до настоящего времени. Необходимость в письменном виде оговаривать условия сделок для того, чтобы избежать отказа выполнения обязательств или неверного их истолкования, возникла еще в Древнем Риме, т.к. этот термин является заимствованным из латинского: «*contractus», «contrahere*» — соединять, уговариваться, заключать договор с кем-либо; а именно от *con* — с, вместе и *trahere* — извлекать, получать, тянуть, увлекать. Эта единица послужила ядром для образования позднее целой группы терминов.

Латинские заимствования притекали в английский язык как книжным, так и устным путем, т.к. не следует забывать, что латинский язык служил в качестве письменного языка в известных кругах английского общества — ученых, духовенства, юристов, врачей и т.д. Широкое применение латинского языка было характерно не только для Англии, но и для всей католической Западной Европы в течение более 100 лет. Поэтому обилие латинских заимствований характерно для множества языков. Термин **контракт** в значении «письменная договоренность» появился в русском языке в XVII веке. Что касается конкретного примера, то его произношение и написание практически не менялось, и он является интернациональным термином: **контракт** — в русском языке, **Kontrakt** — в немецком, **contract** — в польском, **contratto** — в итальянском.

Термин **agreement** в своем прямом значении «соглашение или обещание сторонами выполнить что-либо» является синонимом к термину **contract**. Он появился в XV веке и является заимствованием из французского языка *agreer, a gre* — по желанию, произошедшего от латинского *ad+gre* (воля, желание, удовольствие), от латинского *gratum* от *gratus* — приятный. Французские заимствования входили в английский язык из нормандского диалекта и из французского национального литературного языка начиная с XV века [6, с. 115].

В течение двух столетий после Норманнского завоевания языковая обстановка в Англии была исключительно сложной. Феодальная верхушка говорила на нормандском диалекте, народные массы — на английском, научная и богословская литература создавалась на латинском языке, художественная и придворная литература — на французском, административная документация и школьное обучение было на латинском и французском языках. Именно поэтому объясняется существование этих двух терминов, имеющих практически одинаковое значение.

Round robin — это способ подписывания документа кружком, чтобы не было понятно, кто подписался первым. Такой способ подписи был распространен в период царствования Марии I Тюдор (1516—1558), т.к. она безжалостно карала всех, кто не принадлежал к ее вере, которую она считала истинной. Многочисленные жалобы и прошения от горожан подписывались именно таким образом, чтобы избежать наказания [7].

Все прототермины первого периода можно разделить на девять лексико-грамматических групп (ЛСГ):

1. Прототермины, передающие понятия «документы и виды документов»: **chronicle** — летопись, **vestry book** — церковная книга записи рождений, браков, смертей, и т.д. Это самая многочисленная группа, она составляет 45 единиц.

2. Прототермины, обозначающие материал, на котором может происходить фиксация документа: **vellum roll** — пергаментный свиток, **wax tablet** — восковая или вощеная дощечка для письма острой палочкой и т.д. Всего 17 единиц.

3. Прототермины, обозначающие лиц, производящих действия с документами. В эту группу вошло 14 терминологических единиц: **yeoman** — старший писарь, **clerk** — писарь.

4. Прототермины, служащие для номинации письменных принадлежностей: **quill** — гусиное перо для письма, **pen and ink** — письменные принадлежности. В эту ЛСГ вошло 8 прототерминов.

5. Прототермины, обозначающие письмо и виды письма: **quillscript** — написанное гусиным пером, **pencrft** — искусство письма, каллиграфия, **clerky hand** — хороший почерк, всего их 5.

6. Прототермины, обозначающие заверение подлинности документа, подписи, и виды подписей: **round robin** — подписи, которые располагаются кружком, чтобы не было известно, кто расписался первым, **subscript** — подпись, их количество 9 единиц.

7. Прототермины, обозначающие маркеры: **visa** — пометка на документе, **postil** — пометка на полях, **notadum** — памятная записка на полях. В эту ЛСГ входит 4 прототермина.

8. Прототермины, обозначающие способ формирования документов в пачке: **tool** — тиснение на коже переплета, **calf binding** — переплет из телячьей кожи, т.е всего 2 прототермина.

Прототермины, обозначающий помещения, где происходит работа с документами: **tabulary** — государственный архив, **muniment room** — несгораемая комната для хранения документов, всего 2 прототермина [8, 9].

9. Прототермины, обозначающий помещения, где происходит работа с документами: **tabulary** — государственный архив, **muniment room** — несгораемая комната для хранения документов, всего 2 прототермина.

Библиографический список

1. Ткачёва, Л. Б. Основные закономерности английской терминологии / Л. Б. Ткачёва. — Томск : Изд-во Томского ун-та, 1987. — 199 с.
2. Лейчик, В. М. Терминоведение. Предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. — М., 2006. — 256 с.
3. Гринев, С. В. Введение в терминоведение / С. В. Гринев. — М. : МГУ, 1993. — 309 с.
4. Булгакова, И. Ю. Англо-русский словарь терминов документоведения / И. Ю. Булгакова. — Омск : Полиграфический центр КАН, 2009. — 86 с.
5. Longman Dictionary of Contemporary English. The living Dictionary. Fourth Edition with Writing Assistant, Oxford University Press, 2005. — 1950 p.
6. Амосова, Н. Н. Этимологические основы словарного состава английского языка / Н. Н. Амосова. — М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. — 218 с.
7. Бруннер, Карл. История английского языка : в 2 т. / Бруннер, Карл. — Изд. 2-е. — М. : Едиториал УРСС, 2003. — Т 1. — 720 с.
8. The Oxford Dictionary of the English Language. — Oxford University Press, 1996. — 828 p.
9. Practical English Dictionary, Holland Enterprise LTD. — London, 1990. — 582 p.

БУЛГАКОВА Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков. Адрес для переписки: bulgakova-i@mail.ru

Статья поступила в редакцию 13.02.2015 г.
© И. Ю. Булгакова

УДК 81'42

Т. А. ВИННИКОВА

Омский государственный технический университет

ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ КИНОТЕКСТА В РАЗЛИЧНЫХ НАУЧНЫХ ПАРАДИГМАХ

В статье рассматриваются различные подходы к проблеме понимания кинотекста как сложного семиотического устройства, знаки которого представляют собой результат культурных конвенций и обусловливаются кодами культуры. В работе предполагается, что декодирование кодов кинотекста обусловливается включенностью получателя и автора кинематографического сообщения в единый контекст.

Ключевые слова: кинотекст, кинематографический код, семиотическая природа кино.

В настоящее время все большее внимание лингвистов привлекает изучение особенностей организации, коммуникативных и когнитивных функций текстов, продуцируемых в сфере кинематографа. Это обусловлено тем, что кино является важным средством по осуществлению существенной для общества и, соответственно, для индивида коммуникации, оказывающей значительное воздействие на мышление воспринимающего субъекта.

Проблема создания модели понимания кинотекста, учитывающей сложную семиотическую структуру произведений кинематографа, и в то же время принимающей во внимание особенности концептуальной системы воспринимающего субъекта, является значимой для современной лингвистики, поскольку неисследованным остается принцип построения модели ментальной репрезентации содержания кинотекста в сознании носителей культуры. Важной задачей остается определение возможных смысловых трансформаций в категориальной структуре сознания реципиента в результате работы по пониманию и интерпретации такого рода текстов.

Первые работы по изучению кинотекста как особого вида текста, а также специфики его смысловой организации осуществлены представителями русской формальной школы, такими как В. Шкловский, Тынянов, Эйхенбаум и др. Их труды, оказавшие большое влияние на развитие гуманитарных наук XX столетия, в особенности на ученых системно-семиотического направления, способствовали формированию концепций кинотекста, в дальнейшем разработанных в трудах Ю. Лотмана, В. В. Иванова, Р. Барта, У. Эко и многих других.

В своих работах о кинематографе теоретик формальной школы В. Шкловский вводит понятие «киноязыка» и его нормы («О киноязыке» 1926) [1, с. 35], выделяет его смысловую единицу — кинослово, под которым понимает «отрезок кинематографического материала, имеющий определенную значимость» («Семантика кино» 1925) [1, с. 33] и определяет ключевой прием кино: «кино, для того, чтобы показать мир, обобщить мир, должно монтировать, потому что само мышление человека — это монтаж, а не только отражение» [1, с. 85]. Об особом языке кино,

с особыми семантикой и синтаксисом, основанном на монтаже, говорит Эйхенбаум в статье «Проблемы киностилистики», опубликованной в его программном сборнике по киноведению «Поэтика кино» 1927 года: «отдельный жест в фильме может иметь разные значения, подобно слову в словаре. Но только их взаимосвязь придает им содержательный смысл или смысловое содержание. Монтаж... — синтаксис фильма. ... Содержательные знаки сцепляются в кинопредложения, которые соотносятся между собой благодаря определенному типу киномонтажа» [2, с. 19].

Изучение текстов кино как текстов, порожденных при помощи специфического языка, проводится в работах Ю. Тынянова. В статье «Об основах кино» (1927 г.) устанавливается, как посредством данного языка видимый мир в кино преобразуется в элемент киноискусства, в смысловой знак. «Видимый мир в кино не как таковой, а в своей смысловой соотносительности, иначе кино было бы только живой (и неживой) фотографией» [3, с. 330]. Указанная смысловая соотносительность видимого мира «дается его стилистическим преображением. Колоссальное значение при этом получает соотношение людей и вещей в кадре, соотношение людей между собою, целого и части — то, что принято называть «композицией кадра», — ракурс и перспектива, в которых они взяты, и освещение» [3, с. 330]. Стилистические средства, системно организованные, выступают в качестве смыслового фактора: «Смещение зрительской перспективы является в то же время смещением соотношения между вещами и людьми, вообще смысловой перепланировкой мира. Смена различных освещений ... точно так же перепланирует среду» [3, с. 332]. Таким образом, «... «видимая вещь» заменяется вещью в искусстве» [3, с. 332].

Ю. Тыняновым поднимаются вопросы о самостоятельности смысловых законов кино как искусства, отграничивающихся от литературных законов [3, с. 334], о роли технических приемов киноискусства (ракурс, освещение, монтаж и т.д) в формировании смыслов кинотекста. Исследователь полагает, что данные смыслообразующие элементы кинотекста используют лингвистические модели порождения знаков и оказываются значимы как элементы многомерной структуры, которые находятся в отношениях противопоставления [3, с. 326—334].

В 1935 году сценарист и теоретик кино Бела Балаш в своей работе «Дух фильмы» выразит схожую мысль о том, что кино приобретает особый язык благодаря крупному плану, ракурсу и монтажу вследствие ограниченного рамками кадра, поля зрения, а также вследствие особой перспективы ракурса. Таким образом, только в кадре выявляется субъективная воля режиссера-толкователя: «И это поле зрения, благодаря которому драматическое содержание сцены приобретает композицию в кадре, мы можем видеть только посредством киноаппарата, то есть только на экране. Точно так же только на экране воспринимаем мы особую точку зрения аппарата, то есть «ракурс». Только в монтаже, в ритме и в ассоциативном процессе образного ряда выявляется самое существенное: композиция всего произведения. Это основные элементы оптического языка» [4, с. 11].

Идеи смыслообразующего значения кинематографических приемов, и в первую очередь монтажа, разрабатывались в работах С. Эйзенштейна. Открытие эффекта Кулешова, состоящего в том, что монтажное сочетание кадров может придавать им самый разнообразный смысл, в том числе создавать в кинотексте любые события и персонажей, а также собственный опыт постановки классических фильмов («Стачки», «Броненосца «Потемкин», «Октября» и «Старого и нового») приводят кинорежиссера и теоретика кино к пониманию монтажа как важнейшего средства порождения смысла в киноискусстве: «Кинематография — это прежде всего монтаж. ... Точно то, что мы делаем в кино, сопоставляя по возможности однозначные, нейтральные в смысловом отношении, изобразительные кадрики в осмысленные контексты и ряды» [5, с. 28—30]. Смыслопорождение возникает благодаря склейки двух монтажных кусков, в результате чего возникает качественно новая единица, всегда отличающаяся от каждого изолированного элемента [5, с. 64]. «Сопоставление подобных частных деталей в определенном строе монтажа вызывает к жизни, заставляет возникнуть в восприятии то общее, что породило каждое отдельное и связывает их между собой в целое, а именно — в тот обобщенный образ, в котором автор, а за ним и зритель переживают данную тему» [5, с. 65].

В последующих трудах Эйзенштейн («Неравнодушная природа», 1945—1947) продолжает разрабатывать философию киномонтажа как способа производства смыслов. «Базовым алгоритмом этого производства является такое сопоставление двух элементов, при котором на основании их формальных свойств возникает «третий элемент», качественно превосходящий оба исходных. Этот алгоритм насколько вербален (в плане поэтического языка и его базовой единицы — метафоры), настолько и визуален (принцип внутрикадрового и межкадрового монтажа). Из этих «третьих элементов», располагающихся в монтажных стыках видимого, слагается динамический, кинематографический текстуальный смысл фильма. Из формальных, «расфактуренных» монтажных элементов (изгибов форм, выхваченных траекторий движения, мелодических линий музыки) складываются смысловые фигуры, контуры или «кино-иероглифы», в которых радикальным образом переосмысливается классическое противопоставление видимого (визуального, непосредственно воздействующего, континуального, динамичного) и невидимого (вербального, смыслового, опосредованного, артикулированного, неподвижного)» [6, с. 360]. Таким образом, понятие монтажа в терминологии Эйзенштейна закладывает основы его семиотического понимания как синтаксической установки на отношения между знаками внутри текста.

Последующее развитие научной мысли привело к установлению семиотической природы смысловых единиц кинотекста и определению самого понятия «кинотекст». Представитель Таллинской научной школы Ю. Г. Цивьян пишет: «В определенном приближении любой фильм можно определить как дискретную последовательность непрерывных участков текста. Назовем эту последовательность кинотекстом. Непрерывные сегменты кинотекста будем называть кадрами. ... Кинотекст — это цепочка ядерных кадров. ... Таким образом, некое сообщение, присущее кинотексту, может быть выявлено лишь после рассмотрения как минимум двух ядерных кадров и выяснения, какой из типов присоединения они осуществляют. То есть единицей кинотекста всегда является пара ядерных кадров. Назовем ее базовой цепочкой или базовой синтагмой кинотекста» [7, с. 109—111].

Ведущий отечественный ученый семиотического направления Ю. Лотман определяет кинотекст как коммуникативную систему, с помощью которой

создатели фильма передают зрителю определенную информацию. «Их лента — это как бы письмо, послание зрителям. Но для того, чтобы понять послание, надо знать его язык» [8, с. 5]. Говоря о языке кино, Лотман подчеркивает, что «как только перед кинематографом возникла необходимость повествования, он оказался перед задачей имитации структуры естественного языка. Грамматика естественного языка принималась за норму, по образцу которой предполагалось строить грамматику нарративной структуры киноязыка... Этот процесс привел к обогащению киноязыка и к тому, что в настоящее время практически все, что может быть рассказано словами, может быть передано и языком киноповествования» [9, с. 6].

Исследуя кинотекст и его природу, Ю. Лотман отмечает особенности его структуры: «Сама природа рассказывания состоит в том, что текст строится синтагматически, т.е. соединением отдельных сегментов во временной (линейной) последовательности. Элементы эти могут иметь различную природу: представлять собой цепочки слов, музыкальных или графических фраз. Последовательное развертывание эпизодов, соединенных каким-либо структурным принципом, и является тканью рассказывания» [9, с. 2]. Таким образом, кинотекст определяется как текст, состоящий из синтеза знаков разной семиотической природы — иконических (изобразительных) и условных (вербальных): «кино по самой своей сути — синтез двух повествовательных тенденций — изобразительной («движущаяся живопись») и словесной. Слово представляет собой не факультативный, дополнительный признак киноповествования, а обязательный его элемент» [8, с. 49]. Смыслы в кинотексте возникают благодаря характерному для кинематографа сцеплению семиотических элементов [8, с. 54].

Идея семиотической неоднородности кинотекста и его несводимости к сумме изобразительных и языковых знаков возникла давно, о ней высказывался в своей работе 1948 года французский феноменолог М. Мерло-Понти: «В действительности их (изображения и звука) соединение еще раз создает новое целое, не сводимое к составляющим его элементам. Звуковой фильм — это не просто немой фильм, к которому добавлены звуки и слова, предназначенные лишь для усиления кинематографической иллюзии. Связь звука и изображения гораздо более тесная; изображение видоизменяется из-за соседства звука... Единство звука и изображения осуществляется не только в каждом из персонажей, оно осуществляется в фильме как целом» [10, с. 20].

О семиотической сложности кинотекста пишет Р. Барт в работе «Проблема значения в кино», указывая на то, что «знаковая система кино неоднородна (может обращаться к двум разным органам чувств (зрению, слуху), поливалентна (одно означающее может выражать несколько означаемых, а одно означаемое может выражаться несколькими означающими), комбинаторна (обладает синтаксисом)» [11, с. 360—362]. Р. Барта поднимает вопрос мотивированности кинознака: «промежуток между означающим и означаемым очень мал; это семиология не символики, а прямых аналогий» [11, с. 365].

Исследователи психологического направления, напротив, считают, что смыслы кинотекста необходимо искать в области символического, поскольку сам кинотекст и его природа неразрывно связаны с работой бессознательного. Так, французский психоаналитик и философ Ж. Лакан утверждает, что кинематографическое означающее возможно не просто психоаналитического, но и эдиповского типа, а французский теоретик К. Метц полагает, что в кино нет языка как такового [12, с. 115] С точки зрения исследователя, кинематограф не имеет определенного словаря знаков подобно естественному языку. «Элементарные единицы, по мнению К. Метца, не материальны по своей природе, они относительны (реляционны) — при их помощи художник передает свое отношение к предмету, свою интерпретацию образов и замысел всего произведения. С этой точки зрения, кадр не может быть приравнен к слову; в лучшем случае его коррелятом можно признать фразу или несколько фраз. Содержательная сторона кадра ограничена тем, что он показывает» [13, с. 148—149].

Минимальной единицей кинотекста К. Метц предлагает считать кадр, так как именно он передает определенную смысловую информацию, а его составляющие являются только изображением реального (или нереального) мира и выполняют репрезентативную функцию.

О знаковом характере кино, а также о роли в кинотексте знаков, относящихся к разным кодам (системам знаков) говорится в трудах итальянского писателя и кинорежиссера П. Пазолини. «В отличие от обычного языка, знаки которого — слова обозначают вещи условно (благодаря чему одна вещь может иметь разные названия в разных языках), киноязык характеризуется непосредственной связью изображения с предметом. Из огромного (в принципе бесконечного) числа предметов, которые могут быть изображены в кино, в соответствии с каждой темой выбирается ограниченный «словарь» элементарных единиц кино, которые П. Пазолини называет «кинемами» (по образцу таких лингвистических терминов, как «фонема» — элементарная звуковая единица)» [14, с. 283].

В отличие от П. Пазолини, другой представитель семиотического направления У. Эко полагает, что кинотекст строится не по модели языкового кода, он «предстает как язык, выстроенный на основе другого языка, причем оба эти языка обусловливают друг друга» [15, с. 165]. Составляющие кадр различные объекты он называет иконическими семами, являющимися продуктом конвенции. Именно на семиотику иконического знака и анализ его компонентов делает акцент У. Эко, анализируя природу кинотекста. Он пишет, что у иконических знаков нет общих материальных элементов с вещами. Например, киноизображение человека и этот же человек в реальности не одно и то же. Иконические знаки воспроизводят некоторые общие условия восприятия на базе обычных кодов восприятия, отвергая одни стимулы и отбирая другие, те, что способны формировать некую структуру восприятия, которая обладала бы благодаря сложившемуся опытным путем коду тем же значением, что и объект иконического изображения [15, с. 126]. У. Эко подчеркивает сложный семиотический характер кинотекста: «на протяжении одного кадра комбинируются разные знаки, сочетающиеся в синтагмы и образующие такое богатство контекстуальных связей, что кинематограф безусловно предстает более насыщенным способом коммуникации, чем речь, поскольку в нем, как и уже во всякой иконической семе, различные означаемые не следуют друг за другом по синтагматической оси, но выступают совместно, взаимодействуя и порождая множество коннотаций» [15, с. 169]. Последнее, однако, не исчерпывает всей сложности кинотекста, поскольку в нем соединяются и знаки другой семиотической природы — словесные и звуковые [15, с. 169]. Говоря

об исследовании такого рода текстов, автор уточняет, что, как и со всякой системой знаков, они должны рассматриваться в их соотношении с отправителем и получателем, в отношении кодов, на которых они основаны и которые должны быть общими и для отправителя, и для получателя, и в связи с контекстом, в котором происходит коммуникация. У. Эко утверждает, что в процессе коммуникации могут участвовать не один, а несколько кодов и субкодов, а сообщение может порождаться и восприниматься в различных социо- и лингвокультурных обстоятельствах. По мнению исследователей, продолжающих теорию кодов Эко, коды адресата и коды отправителя могут отличаться, в силу чего сообщение становится не более чем пустой формой, в которую могут быть вложены различные смыслы [16, с. 14]. Для того, чтобы ограничить число интерпретаций и увеличить возможности передачи сообщения, необходим культурный код, оперирующий уже известными элементами культуры и способный прикрепить к ним новые семиотические элементы.

Особая сложность кинематографического кода, по теории У. Эко, состоит в том, что он представляет собой неустойчивую систему, постоянно трансформирующую правила коммуникации, и поэтому опирающуюся на слабые коды временного характера, которые часто видоизменяются [17, с. 83]. Исследователями семиотического направления делается важный вывод, что коды кинематографического текста определяются культурой и традицией. «Кино запечатлевает не природную стихийность действий, окультуривая их, а использует уже окультуренную систему, со своими кодами и референтами» [17, с. 89]. Таким образом, знаки кино представляют собой результат культурных конвенций и обусловливаются кодами культуры, а не являются универсальными. Кинематографический код приобретает смысл, будучи включенными в определенный культурный контекст.

Несмотря на некоторую разницу в подходах к кинотексту, можно выделить общие положения, характерные для исследований в области кинематографа, согласно которым кинотекст представляет собой сложное лингвосемиотическое образование, а именно продукт деятельности ряда неоднородных по своей природе семиотических систем (вербальных и изобразительных), организованных между собой при помощи особых кинематографических кодов, таких как ракурс, кадр, свет, план, сюжет, художественное пространство, монтаж и т.д. Коды кино опираются на определенные культурные коды и могут быть расшифрованы получателем кинематографического сообщения максимально приближенно к замыслу отправителя при условии включенности всех участников коммуникации в единый культурный контекст.

Библиографический список

1. Шкловский, В. Б. За 60 лет. Работы о кино : сб. ст. и исслед. / В. Б. Шкловский. — М. : Искусство, 1985. — 573 с.
2. Эйхенбаум, Б. М. Проблемы киностилистики / Б. М. Эйхенбаум ; под ред. Б. М. Эйхенбаум // Поэтика кино. — М.-Л., 1927. — С. 11—52.
3. Тынянов, Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. — М. : Наука, 1977. —575 с.
4. Балаш, Б. Дух фильмы / Б. Балаш ; пер. с нем. Н. Фридланд ; под ред. Н. А. Лебедева. — М. : Гослитиздат, 1935. — 200 с.
5. Эйзенштейн, С. М. Избранные произведения. В 6 т. / С. М. Эйзенштейн. — М. : Искусство, 1964—1971. — Т. 2. — 672 с.
6. Грицапов, А. А. Постмодернизм. Энциклопедия / Сост. и науч. ред. А. А. Грицапов, М. А. Можейко. — Мн. : Интерпрессервис, Кн. Дом, 2001. — 1040 с.
7. Цивьян, Ю. Г. К метасемиотическому описанию повествования в кинематографе: труды по знаковым системам. — Тарту : Тартуский ун-т, 1984. — Вып. 17. — С. 109—121.
8. Лотман, Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики / Ю. М. Лотман. — Таллин : Ээсти Раамат, 1973. — 137 с.
9. Лотман, Ю. М. Диалог с экраном / Ю. М. Лотман, Ю. Г. Цивьян. — Таллинн : Александра, 1994. — 215 с.
10. Мерло-Понти, М. Кино и новая психология / М. Мерло-Понти // Киноведческие записки. — 1992. — № 16. — С. 13—23.
11. Барт, Р. Проблема значения в кино / Р. Барт ; пер. с фр., вступ. ст. и сост. С. Н. Зенкина // Система моды. Статьи по семиотике культуры. — М., 2004. — 512 с.
12. Разлогов, К. Э. Психоаналитическая теория кино во Франции / К. Э. Разлогов // Вопросы философии. — 1985. — № 8. — С. 112—124.
13. Разлогов, К. Э. Строение фильма. Некоторые проблемы анализа произведений экрана / К. Э. Разлогов. — М. : Радуга, 1984. — 278 с.
14. Иванов, В. В. Эйзенштейн и культуры Японии и Китая / В. В. Иванов // Восток—Запад. Исследования. Переводы. Публикации. — М. : Наука, 1988. — Вып. 3. — С. 279—290.
15. Эко, У. К семиотическому анализу телевизионного сообщения / У. Эко ; сокращ. пер. с англ. А. А. Дерябин. — М. : Прогресс, 1998. — С. 103—121.
16. Мачужак, А. В. Язык и культура в философии Умберто Эко : автореф. дис. ... канд. филос. наук / А. В. Мачужак. — Тверь, 2006. — 24 с.
17. Усманова, А. Р. Умберто Эко: парадоксы интерпретации / А. Р. Усманова. — Мн. : Пропилен, 2000. — 200 с.

ВИННИКОВА Татьяна Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков.

Адрес для переписки: vitalexa@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 02.02.2015 г.

© Т. А. Винникова

Книжная полка

Винникова, Т. А. Особенности построения модели понимания кинотекста : моногр. / Т. А. Винникова. — Омск : ОмГТУ, 2014. — 99 с. — ISBN 978-5-8149-1909-0.

Монография является психолингвистическим исследованием, затрагивающим аспекты когнитивной лингвистики и общей теории понимания текста. Предложены технологии выявления закономерностей в ментальных репрезентациях образов содержания кинотекстов в сознании реципиентов. Может представлять интерес для ученых, студентов, аспирантов, преподавателей, интересующихся вопросами современной теории текста о сущности сложных семиотических речевых произведений и о механизмах их понимания и интерпретации.

УДК 811.111:656.2

Е. В. ДЕМИШКЕВИЧ

Омский государственный университет путей сообщения

ЗАИМСТВОВАНИЕ КАК СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ ТЕРМИНОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

В данной статье рассматривается заимствование как способ образования терминов железнодорожного транспорта. Проанализировав материал, стало возможным определить количество терминов, пришедших из других языков и проследить пути их ассимиляции. Данный способ терминообразования очень активно используется для исследуемых нами английских терминов железнодорожного транспорта.

Ключевые слова: заимствования, исконные термины, фонетическая ассимиляция, графическая ассимиляция, грамматическая ассимиляция.

В процессе длительной истории своего развития английский язык воспринял значительное количество иностранных слов, тем или иным путём проникших в словарь. Помимо слов английского происхождения, в современной английской железнодорожной терминологии немало и заимствованных, пришедших из других языков.

Под заимствованным словом следует понимать всякое слово, пришедшее в английский язык извне. Таким образом, заимствование — это процесс обращения к лексическому фонду других языков для выражения понятий, дальнейшей дифференциации уже имеющихся понятий, для обозначения новых понятий и неизвестных прежде предметов. В энциклопедическом словаре даётся следующее определение: «Заимствование — это элемент чужого языка, перенесённый из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода из одного языка в другой» [1, с. 188]. Мы разделяем точку зрения Н. М. Шанского, который говорит, что нет на земле такого языка, который был бы совершенно свободен от иноязычных влияний, так как ни один народ, носитель и творец того или иного языка, не живёт совершенно изолированной, обособленной жизнью [2, с. 96].

Стремление специалистов разных стран к объединению усилий в решении важных проблем сопровождается тенденцией к взаимопроникновению научно-технической лексики. Заимствование расширяет состав лексики, приводит к совершенствованию собственных ресурсов, обогащает язык, делая его более ёмким, выразительным и развитым [3]. Данный способ словообразования очень активно используется для исследуемых нами английских терминов железнодорожного транспорта. Произведенные в ходе исследования этимологических характеристик терминов подсчеты показывают, что в английской железнодорожной терминологии исконные термины английского происхождения составляют 36 % от общего числа исследуемых нами терминоединиц. К исконным единицам отнесены слова *gate* — шлагбаум (*устройство для быстрого преграждения и освобождения пути в виде поворачивающейся вокруг горизонтальной или вертикальной оси стрелы*); *yard* — сортировочная станция (*техническая железнодорожная станция (раздельный пункт), предназначенная для расформирования и формирования различных категорий поездов в соответствии с планом формирования*); *waggon* — вагон (*основная единица подвижного состава железных дорогах*); *dwarf* — карликовый светофор (*устройство для видимой сигнализации, расположенное на небольшой высоте над землей, как правило, на бетонном блоке или низком столбике*); *frame* — рама (*основание кузова вагона, расположенное между кузовом вагона и его ходовыми частями — вагонными тележками, состоит из жестко связанных между собой продольных и поперечных балок*); *sleeper* — шпала (*опора для рельсов в виде брусьев*); *block* — закрывать, заграждать (*раздельный пункт на участке железной дороги, оборудованном перегонной блокировкой*); *tunnel* — тоннель (*горизонтальное или наклонное подземное сооружение, имеющее два выхода на поверхность, сооружаемое с транспортными и иными целями*); *tender* — тендер (*специальная повозка (платформа, вагон), прицепляемый непосредственно к паровозу*); *stop* — остановка (*торможение поезда при подходе к запрещающему движение путевому сигналу*); *boxing* — боксование (*явление проскальзывания колёсных пар (локомотива или мотор-вагонного подвижного состава) по отношению к поверхности рельса*); *dump car* — думпкар (*саморазгружающийся железнодорожный полувагон особой конструкции для сыпучих грузов*); *concourse* — конкорс (*распределительный зал, устраиваемый между платформами и основными помещениями железнодорожного вокзала*) и т.д.

Перечисленные английские железнодорожные термины по своей сути — английские общеупотребительные слова, но соответствующим образом переосмысленные, получившие научно-профессиональное значение.

Заимствованные термины в рассматриваемой английской железнодорожной терминологии существенно превосходят количество собственно английских. Исследование терминологии железнодорожного транспорта с точки зрения происхождения ее терминов позволило сделать вывод о том, что её основу 64 % составляют приобретенные термины. Для английской железнодорожной терминологии характерны: латинские греческие, французские и немецкие заимствования.

Наибольший вклад в становление и развитие английской железнодорожной терминологии внесла

латынь — общепризнанный язык науки. Анализ материала показывает, что 30 % терминоединиц были заимствованы непосредственно из латинского языка. К латинским заимствованиям относятся следующие единицы: *traction* — тяга < средн. лат. tractionem < лат. trahere (волочить, тащить); catenary — контактная цепь < лат. catenanus < catena (цепь); *adapter* — адаптер < лат. adaptare (приспособлять); *accumulator* — аккумулятор < лат. accumulator (собиратель) < от accumulo (собираю, накопляю); *vibration* < лат. vibratio (колебание, дрожание); *generator* — генератор < лат. generator (производитель); *detector* — детектор < лат. detector (открыватель, обнаружитель); *distance* — дистанция < лат. distantia (расстояние); *indicator* — индикатор < позднелат. idicator < от лат. idico (указываю, определяю); *inductor* — индуктор < лат. iductor < от iduco (ввожу, навожу, побуждаю); *recuperation* — рекуперация < лат. recuperatio (обратное получение, возвращение). Латинские слова, как правило, заимствовались в лексику английского языка в общеупотребительном значении, которое позднее терминологизировалось. Рядом с этими словами присутствуют и новообразования, созданные из латинских элементов для обозначения новых понятий и реалий. Подобные единицы составляют 0,7 % данного этимологического типа. Например, к ним относятся: *substructure* (sub + structure) — нижнее строение пути; *superstructure* (super + + structure) — верхнее строение пути; *substation* (sub + station) — подстанция; *subgrade* (sub + grade) — насыпь.

Согласно лексикографическим данным, 35 % единиц вошли в английский язык через язык-посредник, например: *viaduct* — виадук < фр. viaduc < от лат. via (дорога, путь + duco — веду); *duker* — дюкер < нем. duker < от лат. ducere (проводить); *injector* — инжектор < фр. injecteur < от лат. injectare (вбрасывать); *cable* кабель < голл. kabel — канат, трос < от лат. capulum (верёвка); *console* — консоль < фр. cosole <от лат. solea (подошва, туфля); *locomotive* — локомотив < фр. locomotive (локомотив) < от лат. locomotive (locus — место + motio — движение); *metropolitain* — метрополитен < фр. metropolitain, букв. — столичный < от греч. metropolis (главный город, столица); *ponton* — понтон < фр. ponton < от лат. ponto (плоскодонное судно, мост на лодках); *portal* — портал < нем. portal < от лат. porta (вход, ворота); *trasporter* — транспортёр < фр. trasporteur < от лат. trasportare (переносить, перемещать, перевозить); *centralization* — централизация < лат. centrum < от греч. kentron (острие, средоточие); *ciphere* — шифратор < фр. chiffre < от араб. (цифра); *rail* < ст. франц. raille < лат. regula (прямая палка, брусок).

Французские по происхождению термины составляют 22 % от числа всех приобретенных терминов, к ним относятся, например: *gauge* — ширина колеи; *platform* — платформа; *maintenance* — содержание пути; *baggage* — багаж; *gabarit* — габарит; *zigzag* — зигзаг; *isolation* — изоляция; *injector* — инжектор; *picket* — пикет; *patform* — платформа; *tonnage* — тоннаж; *turngate* — турникет; *carriage servicing* — экипировка вагона; *epure* — эпюра шпал.

Немецкие заимствования составляют 12 % от числа всех заимствованных терминов, например: *bunker* — бункер < нем. **buker** — (вместилище); *damper* — демпфер < нем. ddmpfer (глушитель) < от ddmpfen — (заглушать); *diesel* — дизель (по имени нем. изобретателя, инженера Дизеля (**Diesel**), 1858 – 1913); *draisine* — дрезина < нем. draisine (от имени немецкого изобретателя К. Ф. Дреза, 1785 – 1851); *leiter* — лейтер < нем. leiter (лестница-стремянка); *marshroute* — маршрут < нем. Marschrute (ход, движение вперёд). В английской железнодорожной терминологии встречаются и заимствования из других языков (голландского, итальянского, испанского), но эти языки представлены единичными заимствованиями и составляют 1 % терминоединиц.

Таким образом, можно сделать вывод, что в английской терминологии железнодорожного транспорта содержится значительное количество заимствованных терминологических единиц, причём «этимологическое ядро» представлено терминами, имеющими латинскую основу. В результате исследования проблемы заимствований в английской железнодорожной терминологии с помощью социолингвистического метода корреляции языковых явлений и факторов внеязыковой действительности были выявлены причины привлечения заимствований в английскую терминологию железнодорожного транспорта, которые кроются, на наш взгляд, в исторически сложившейся ситуации и объясняются, главным образом, тремя событиями в истории английского народа: римским господством (с I по V век н.э.), введением христианства в Англии (VI – VII вв.) и развитием культуры в эпоху Возрождения (XV – XVI вв.), и тем, что использование заимствований неизбежно при стремлении к успешности в научно-практической деятельности в данной области.

По характеру заимствуемого материала, придерживаясь классификации заимствований, данной С. В. Гринёвым, можно выделить три вида заимствований, а именно:

1) материальное, или прямое заимствование. Заимствуется материальная форма (звуковая или графическая) слова и его значение, например: *baggage* — багаж; *carriage* — вагон; *degree* — степень; *safe* — безопасность; *tourniquet* — турникет; *operation* — управление; *transit* — транзит; *isolation* — изоляция; *machine* — механизм. Его подвиды — лексическое, формальное, морфологическое. Все эти термины вошли в изучаемый подъязык путём прямого лексического заимствования;

2) калькирование. Заимствуется только значение и семантическая структура, например: *current collector* — пантограф (греч. patos — все + греч. grapho — пишу); *colorlight signal* — семафор (от греч. sema — знак, сигнал + греч. phoros — несущий); *phase splitter* — фазорасщепитель (греч. phasis — появление + + split расщеплять); *hovertrain* — аэропоезд (греч. aer — воздух + train — поезд); *superstructure* — верхнее строение пути. Его подвиды — словообразовательное, семантическое, фразеологическое. Кальки представлены в нашей выборке в небольшом количестве по сравнению с собственно заимствованиями.

3) смешанное заимствование, или гибриды. Одна часть лексемы заимствуется, а вторая переводится или уже существует в языке, например: *transfercar* — трансферкар (от лат. transfero — переношу, перемещаю + англ. car — вагон, тележка); *air-ride* — пневматические подвешивание (от фр. air — воздух + + англ. ride — ехать); *turnplate* — поворотный круг (от фр. plate — плоский кусок металла + англ. turn — поворот); *pointwork* — стрелочный перевод (от лат. point — указывать + англ. work — работа); *underbridge* — тоннель-кессон (от нем. under — под + англ. bridge — мост). Его подвиды — полукальки и полузаимствования [4, с. 154 – 156].

Заимствования могут происходить как устным, так и письменным путём. В случае заимствования

устным путём слова быстро ассимилируются в языке. Слова же, заимствованные письменно, дольше сохраняют свои фонетические, орфографические и грамматические особенности [5, с. 145].

Далее мы проследили, как ассимилировались заимствованные термины и терминосочетания, попав в состав английской железнодорожной терминологии. В процессе заимствования терминов английской терминологии железнодорожного транспорта неизбежно возникают проблемы с их ассимиляцией, под которой мы будем понимать максимальное приближение фонетических, графических, грамматических и лексических характеристик лексемы к соответствующим нормам принимающего языка [4, с. 156].

Ассимиляция на *фонетическом* уровне происходит путем замены иноязычных звуков заимствования звуками принимающего языка, например: *tourniquet* — турникет, от французского *tourniquet, billet* — билет от французского *billet*, где окончание *—et* произносится как [ei], т.е. близкое к французскому [e:]. *isolation* — изоляция от фр. *isolatio*; окончание *—age* в терминах *baggage* — багаж; *carriage* — вагон; *transportation* (перевозка), где произошло вытеснение французского суффикса *—ioun* английским суффиксом *—ion*; *fixer* (фиксатор), *generator* (генератор); *transfer* (перегрузка), с заменой суффикса *—eur* на английские суффиксы *—or; er*; *machine* (машина), пришедший из латинского языка с заменой звука [ч] на [ш]; *frame* (рама вагона) вошло в английский язык от французского *frasme*, при этом буква *—s* перед *—m* выпала, входя в принимающий язык, подчиняясь фонетическим нормам принимающего языка. Освоение ставится, прежде всего, в зависимость от того, есть ли у них в английском языке приблизительные соответствия. Если в английском языке не существует приблизительных соответствий, то гласные могут монофтонгизироваться, например: *degree* — степень, градус, где дифтонг [ee] монофтонгизировался в [i:], где ядро дифтонга заменяется долгим звуком того же качества. Дифтонги, оканчивающиеся на *—u*, подверглись монофтонгизации, а оставшиеся гласные удлинились, в результате появились слова: *safe* — безопасность, от фр. *saufe*. В языках с фиксированным ударением к фонетической ассимиляции относится и сдвиг ударения, например: в английском языке *loco'motive* от французского *locomot'ive.* В английской терминологии железнодорожного транспорта есть термины, полностью ассимилированные на фонетическом уровне, например: *ballast pocket* — балластное корыто; *ticket; card* — билет; *comfort* — комфортабельность; *power* — сила; *traffic* — движение; *umbrella* — водозащитный зонт; *signal* — светофор; *travel* — езда и т.д.

Графическая ассимиляция предполагает заимствование иноязычного термина с иной системой графики. Этот процесс сопровождается графическим переоформлением, например: проникая в английский из немецкого языка, термины пишутся с маленькой буквы так *Portal* (нем.) — *portal* (англ.) — портал; *Bunker* (нем.) — *bunker* (англ.) — бункер; *Berme* (нем.) — *berme* (англ.) — берма. Термин *platform* — платформа вошло в английскую железнодорожную терминологию от французского *plate-forme; subfoundation* — насыпь от лат. *sub-foundation; substation* — подстанция от *sub-station; motor frame* — остов дизеля от *motor-frame.*

Грамматическая ассимиляция в английской терминологии железнодорожного транспорта предполагает включения заимствований в систему рода, числа и падежа, а также может произойти так называемая «лексиколизация» [4, с. 156] — превращение заимствованного терминологического сочетания в однословный термин, примерами являются следующие термины: *anti-creep device* — противоугон; *track-wrecking machine* — путеразрушитель; *buffer-spring* — рессора и т.д. Очень часто заимствование меняет род или число: например *silo* — силос (хранилище в виде одиночных или расположенных вплотную один к другому цилиндрических или призматических резервуаров, входящих в состав производств и железнодорожных объектов) в английском языке относится к единственному числу, при этом заимствовано из испанского языка во множественном числе *silos.*

Степень ассимиляции заимствований необходимо учитывать, как отметил С. В. Гринёв-Гриневич, так как удобная форма термина способствует его лучшему пониманию и использованию [4, с. 156].

Как показал анализ английской терминологии железнодорожного транспорта, процесс заимствования характерен для исследуемой терминологии. С помощью заимствований образуется 64 % терминоединиц.

Исследовав и изучив данный терминологический пласт можно сделать вывод, что заимствование как способ формирования терминов, который обусловлен как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами, является характерным для рассматриваемой терминологии. И, если сравнивать этот способ словообразования с другими, то можно с уверенностью сказать, что заимствование имеет преимущество. С помощью заимствований увеличивается число лексических форм, отвлечённых от общеупотребительной лексики в принимающем языке. Это необходимо в терминологии, в связи с нехваткой новых понятий при развитии науки и техники, а также для того, чтобы избежать ненужных ассоциаций.

Библиографический список

1. Большой энциклопедический словарь [Текст]. — М. : Большая российская энциклопедия. — СПб. : Норинт, 1998. — 1434 с.

2. Шанский, Н. М. Лексикология современного русского языка [Текст] / Н. М. Шанский. — Изд. 3-е, перераб. — М. : ЛКИ, 2007. — 300 с.

3. Ощепкова, Т. В. Заимствование как один из основных способов терминообразования в английском подъязыке герменевтики [Текст] / Т. В. Ощепкова. // Вопросы исследования и преподавания иностранных языков : межвуз. темат. сб. науч. тр. — Омск : ОмГУ. — 2001. — Вып. 3. — С. 128—134.

4. Гринёв-Гриневич, С. В. Терминоведение : учеб. пособие [Текст] / С. В. Гринёв-Гриневич. — М. : Академия, 2008. — 304 с.

5. Арбекова, Т. И. Лексикология английского языка (практический курс) : учеб. пособие для II—III курсов ин-тов и фак. иностр. яз. [Текст] / Т. И. Арбекова. — М. : Высшая школа, 1977. — 239 с.

ДЕМИШКЕВИЧ Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Русский и иностранные языки».
Адрес для переписки: demishkevich_ev@mail.ru

Статья поступила в редакцию 24.10.2014 г.

© Е. В. Демишкевич

УДК 811.112.2:81'373:629.33

Ю. Н. РЕВИНА

Омский государственный технический университет

АВТОМОБИЛЬНЫЙ МЕДИАДИСКУРС И ЕГО КОММУНИКАТИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ЖУРНАЛОВ)

В статье рассматриваются функциональные особенности автомобильного медиадискурса, обладающего как собственными дискурсивными характеристиками, детерминированными тематикой общения, так и общими характеристиками любого из видов медиадискурса, обусловленными спецификой сферы массовой коммуникации.

Ключевые слова: автомобильный дискурс, медиадискурс, функциональные особенности, терминология.

Определение понятия «дискурс», классификация типов дискурса, создание моделей дискурсивного описания — это далеко не полный перечень проблем, которыми сегодня занимаются лингвисты [1, 2].

При рассмотрении различных классификаций типов дискурса обнаруживается, что исследователи подходят к их построению с различных позиций. Что касается всевозможных разновидностей дискурса, их существует немало: политический, межличностный, педагогический, газетный, телевизионный, публицистический и т.д. В связи с этим Е. Г. Малышева замечает, что «выделение столь разнообразных типов дискурсов свидетельствует о крайней разнородности критериев, на основании которых выделение этих типов происходит, а также о чрезвычайной смысловой «ёмкости» самого понятия «дискурс» [3, с. 16].

Объектом исследования в данной статье является автомобильной дискурс (далее АД), который, по нашему мнению, незаслуженно обделен вниманием со стороны исследователей различных типов дискурса.

В условиях глобальной коммуникации автомобильный дискурс становится массовым и приобретает свои специфические черты, отличающие его от всех остальных типов общения. Он является составляющей широкого социального взаимодействия, охватывает многие сферы жизни современного социума, а также оказывается связанным с разнообразными видами человеческой деятельности.

В лингвистической литературе не только отсутствует общепринятое понимание термина АД, но и нет четкого определения этого понятия. Автомобильный дискурс можно дефинировать двояко. С одной стороны, это любое общение на автомобильную тематику, с другой — *это речемыслительная деятельность, представленная совокупностью текстов, имеющих специфические языковые, концептуальные, речежанровые и прагмастилистические характеристики и объединенных общей автомобильной тематикой.* Именно это, второе, значение принимается в данной работе.

Важной тематической зоной и ключевым концептом автомобильного дискурса является концепт «автомобиль». Как отмечает Е. Н. Булатникова, на современном этапе бытования концепта «автомобиль» при преобладании денотативных признаков происходит формирование культурных смыслов, обусловленных экстралингвистическими факторами. Одним из таких смыслов, культивируемых в современном обществе, является социальная значимость автомобиля [4].

Относя АД к институциональным дискурсам, следует отметить, что он включает в себя сферу вербального и невербального устного и письменного общения. Анализируя письменную коммуникацию АД, необходимо отметить, что тексты АД представляют собой сложный, состоящий из значительного количества автомобильных терминов организм. В связи с этим представляется целесообразным исследовать тексты, связанные с *непрофессиональной деятельностью автолюбителей*, сферой функционирования которых является медиадискурс.

Медийный дискурс (медиадискурс, дискурс СМИ) занимает весомое место в социальной коммуникации. Мы интерпретируем медиадискурс *как тематически сфокусированную, социокультурно обусловленную речемыслительную деятельность в информационном поле масс-медиа, объективированную в совокупности медиатекстов, отличающихся концептуальным, речежанровым и прагматическим своеобразием.*

В таком измерении медиадискурс трактуется как «своеобразное дискурсивное пространство, кластер различных типов взаимосвязанных, переплетающихся дискурсов.

Так, можно говорить о спортивном, автомобильном, рокерском, медицинском, политическом, религиозном, педагогическом и прочих медиадискурсах, подразумевая, что реализация указанных типов дискурсов предполагает относительно устойчивый набор социальных практик по производству, трансляции и интерпретации массовой информации» [5].

Медийный дискурс пересекается с другими дискурсами (политическим, рекламным, деловым, спортивным), объединяет, преобразует их и делает новым типом коммуникации. Большую область пересечения с дискурсом СМИ, по мнению Е. В. Какориной, сегодня имеет Интернет-коммуникация [6, с. 67—68], это не случайно, т.к. многие журнальные и газетные издания имеют сегодня свои «клоны» в электронном виде.

Для нас представляет интерес изучение лексического пласта печатных СМИ. Это обусловлено тем фактом, что, во-первых, журнал наиболее ярко отражает живые процессы, происходящие в языке, а во-вторых, публицистические тексты, посвященные автомобилям, остаются без внимания лингвистов.

Таким образом, именно *печатный автомобильный медийный дискурс* (далее АМД), который обладает как собственными дискурсивными характеристиками, детерминированными прежде всего тематикой общения, так и общими характеристиками любого из видов медиадискурса, обусловленными спецификой сферы массовой коммуникации, является объектом внимания в настоящей статье.

Для проведения исследования мы взяли публикации в глянцевых автомобильных журналах «Auto Bild», «Auto News», «Auto Test».

Целевая аудитория журналов выглядит следующим образом — это автолюбители, преимущественно мужчины среднего возраста, уже владеющие или только собирающиеся приобрести автомобиль, а также все, кто интересуется автомобильной тематикой. Адресат журнала — человек, которого необходимо ознакомить с разного рода информацией, имеющей отношение к автомобилям.

Терминологическая лексика немецкоязычного АМД представлена двумя группами терминов, неоднородными по своему составу.

К первой группе относятся слова и выражения, часто повторяющиеся в статьях на автомобильные темы, это хорошо известные и используемые обычными читателями современной прессы термины. Определим их как *(автомобильные) термины широкого употребления*, составляющие наиболее многочисленную группу терминов, обнаруженных нами в медийном дискурсе немецкого языка.

Так как автомобильный дискурс ориентирован на обычного читателя, следовательно, язык статей не должен затруднять понимание излагаемого материала, поэтому *автомобильные термины широкого употребления* частотны и составляет лексико-семантическую основу АМД, например:

Benzin n, *Bremse* f, *Lenkrad* n, *Fahrer* m, *Motor* m, *Wagen* m.

*Dabei lässt der Motor auch äußerst schaltfaules Fahren zu.

**Damit Fahrer und Beifahrer bequem sitzen können uns das Lenkrad nicht zwischen den Oberschenkeln hängt, müssen die Sitze weit nach hinter geschoben werden... .*

**Sind Lenkung und Bremsen noch unspektakulär gut, zeigt uns das Fahrwerk, was Ford unter dem Begriff «Sport» versteht.*

Ко второй группе мы отнесли *узкоспециальные автомобильные термины.* Узкоспециальная терминология представляет собой совокупность специальных наименований какой-либо конкретной области знаний, «объединяет наименования категорий понятий: объектов, явлений и их свойств и т.п.» [7, с. 19].

По мнению А. К. Сулеймановой, специальная терминология — важная часть дискурса, актуализирующая механизмы познания определенной научной области, представляющая структуру специального знания [8, с. 133].

Разделение терминов на группы достаточно условно, так как единицы этих групп постоянно находятся в теснейшей связи. В количественном отношении группа *узкоспециальных автомобильных терминов представлена* 317 (37 %) единицами (из 957 ед.), функционирующими в рамках АМД, что значительно уступает группе *терминов широкого употребления* — 640 терминов (67 %).

Поскольку основной тематической зоной АМД является понятие «автомобиль», среди выявленных единиц наиболее ярко выделяется корпус терминов, относящихся к тематическим группам «Kraftfahrzeugkonstruktion» («Конструкция автомобиля») и «Fahrzeugbetrieb» («Техническая эксплуатация автомобиля»). Термины подгрупп данных тематических образований представлены наиболее активно, например:

Подгруппа «Aufbau, System und Baueinheit» (устройства, детали и системы):

**Ihre stärkesten Waffen heißen Leichbau, Allradantrieb, Turbomotoren, Doppelkupplundsgetriebe.*

**Viel glatter Kunststoff im grauen Kangoo-Cockpit.*

Подгруппа «Verkehrsart und Wagentyp» («Виды и типы автомобилей»):

*Auch das Cabrio wird künftig auf Wunsch mit Allradantrieb vom Band laufen.

*Die Limousine nimmt vor allem die 1er- und 3er-Reihe von BMW ins Visier.

*2009 startet bereits der A5 Sportback.

Подгруппа «Autoreparatur» («Ремонт»):

**Symptome: unrunder Motorlauf, Motorkontrollleuchte mit Warnmeldung «Leistungsabfall» und metallische kratzende Geräusche aus dem Motorraum.*

Подгруппа «Tuning» («Тюнинг»):

**Mit Sonderaussrattungen wie Leder, Klimaautomatik, Xenon und Panorama-Glasdach kam der Trend-SUV auf den stolzen Preis von 51250 Euro — das ist eindeutig Oberklasse und richtig viel Geld für einen kompakten SUV mit Vierzylinder-Dieselmotor.*

Так как публикации в вышеназванных журналах предназначены для широкого круга читателей, использование специальных автомобильных терминов ограничено. Для того, чтобы сделать их восприятие более легким и незатруднительным, авторы используют средства пояснения и уточнения.

Наиболее распространенный способ объяснения специальных терминов, который характерен для немецкоязычного материала, — расшифровка аббревиатур.

Аббревиатура может расшифровываться непосредственно в предложении:

**Das AFS diese Abkürzung steht für Adaptives Frontlicht System, das... .,*

или объяснение выносится в скобки:

**Ebenfalls eine Neuerung bei BMW ist die DPC (Dynamic Performance Control).*

**In der Volumenmotorisierung B 170 als bivalente Antriebsvariante NGT (Natural Gas Technology) neben Super-Benzin auch Erdgas schmecken lassen.*

**Das BMW-Fahrwerk sollte die steifen Rundflat-Reifen (Reifen mit Notlaufeigenschaften) besser vertragen.*

**Für die Anpassung an jeden noch so freien Wunsch macht sich die elektronische Dämpferregelung EDC (elektronische Dämpfer Control) an das Feder- Dämpfer-System.*

**Das neue DPS (Dynamic performance Control) arbeitet unter Zug, aber auch im Schubbetrieb.*

Анализ терминологической лексики интересующего нас дискурса показал, что наиболее объемный пласт терминов представлен именами существительными. Однако наряду с существительными в автомобильном медийном дискурсе немецкого языка зафиксированы прилагательные и глаголы.

Количество имен прилагательных значительно меньше по сравнению с существительными, напри-

мер: *ölhaltig* — маслосодержащий, маслянистый; *ringförmig* — кольцеобразный, кольцевой; *dauerhaft* — долговечный; *langhubig* — длинноходный (о двигателе); *viersitzig* — четырёхместный.

Прилагательные играют активную роль в образовании атрибутивных компонентов в составе терминологических словосочетаний:

druckloses Filter — гидростатический фильтр;

pneumatische Bremse — тормозная система с пневматическим приводом;

elektrisches Aussenspiegel — электрическое зеркало.

Термины-глаголы, количество которых минимально, также присутствуют на страницах журналов. Приведем несколько примеров:

abdichten — уплотнять, герметизировать;

schnappen — защёлкивать, захватывать;

kuppeln — соединять, сцеплять;

lenken — управлять автомобилем;

sperren — блокировать, перекрывать движение.

*Caterham baut den nachfolger des Lotus Seven.

*240 PS, 790 Kilo – mit dem X-Bow baut der österreichische Motorradhersteller KTM das erste Auto in der Firmen-Geschichte.

Для АМД в немецком языке характерно использование большого числа аббревиатур. Использование сокращений во всех слоях специальной, общественно-политической лексики, в языке публицистики стало характерной чертой не только немецкого, но и многих современных языков.

*Mercedes hat mit dem CLS einen Trend gesetzt, Jaguar mit dem XF nachgezogen. *... besonders im Bereich der C-Säule sieht man die Unterschiede.

*... und in der Autobahnkurve bei Tacho 270, also echten 250 km/h... .

**Das Aggregat ist bereits aus dem Vorgänger bekannt und arbeitet auch in der Einstiegsversion der VW Golf – wenn auch mit fünf PS weniger.*

Яркой чертой немецкоязычного АМД является широкое использование заимствований. АМД немецкого языка буквально наполнен такими единицами:

Alarm m (итал. *Allarme*) — система охранной сигнализации;

Karburator m (франц. *Carburateur*) — карбюратор;

Manschette f (франц. *Manchette*) — манжета;

Montage f (франц. *Montage*) — сборка, монтаж, установка.

**Das Coupe srpintet mit PDK und neuem Motor in 4,5 Sekunden auf 100 km\h....*

**Im Mondeo verlangt das neue Aggregat 6,2 Liter diesel auf 100 Kilometer,... .*

*Bei einem Crash von definierter Schwere geht die Innenraum-Beleuchung an....

Большинство заимствованных единиц немецкого автомобильного дискурса являются англицизмами. Английские заимствования вводятся в оригинальном варианте без перевода:

*Der kleine, variable Offroader im Stil eines hochgelegtes Kombis soll für weniger als 30000 Euro zu haben sein.

*Für den Gelandeeinsatz gibt es ein Offroad-Styling-Paket mit 17- Zoll-Alus, ...

*So wie der A4 Allroad, der ab Mitte 2009 ebenfalls mit Vollgas in die Nische prescht.

**Wer nicht so viel Power bracht, kann sich für den 140-PS Diesel entscheiden.*

*Ein Offroad-Experte muss man nicht sein, um auf schlammigen Feldwegen zu merken... .

**... das optionale Adaptive-Drive-System, dass die Wankbewegung der Karosserie auf ein Minimum reduziert.*

Влияние английского языка оказывается наиболее активным в тех областях, где языковое общение происходит наиболее интенсивно, а именно в сфере массовой культуры, в том числе в СМИ. В заголовках медийного АД немецкого языка уже используются не только отдельные слова в английском написании, но уже целые словосочетания и даже предложения:

*«Cool und little bit trashy»

*«Audi TTS: Sound und Sport»

*«Did you ever know?»

*«King of Road».

Еще одной особенностью немецкого материала следует назвать автомобильные термины, представляющие собой эпонимические термины. В анализируемом дискурсе используются достаточное количество эпонимов, которые связаны, с конструктивными особенностями и разработками автомобиля:

*Der zweiliter-Ottomotor des B 170 NGT bringt 116 Pferde auf die Strasse... .

*Im Mondeo verlangt das neue Aggregat 6,2 Liter Diesel auf 100 Kilometer... .

*Vor rund 40 Jahren kam der ersten Mazda mit Wankelmotor.

Нужно отметить, что в дискурсе появляется ещё одна, вторая группа эпонимических терминов, имеющих в своем составе имена собственные, увековеченные в названиях автомобильных марок и автоконцернов, ставших мировыми брендами.

К примеру, фамилии немецких изобретателей автомобиля Готлиба Даймлера и Карла Бенца, которые при жизни так и не познакомились, слились в 20-е годы XX века в известную всем автомобильным компанию «Даймлер-Бенц» — *«Daimler-Benz»*. Широко известно имя профессора Фердинанда Порше, создателя автомобильной компании, одноименного автомобиля *«Porsche»*, а затем и знаменитого Фольксвагена — *«Volkswagen»*. Автомобильная марка и сам автомобиль *«Opel»* получили свои названия в честь предпринимателя **Адама Опеля** — так появились эпонимические термины, нашедшие своё отражение на страницах изданий:

**Der Vectra-Nachfolger soll in punkto Design bei Opel eine neue Ära einlguten.*

**Das erste Automobil mit dem Namen Porsche, der Typ 356 «№1», entstand vor genau 60 Jahren.*

Проведенное исследование наглядно демонстрирует тот факт, что терминологическая лексика занимает значительное место в АМД немецкого языка. Она включает в себя термины широкого употребления и узкоспециальные автомобильные термины. Термины широкого употребления наиболее частотны, они выполняют связующую функцию, образуя «специфическую среду», в которой функционируют и проявляют свои качества узкоспециальные термины.

Тексты АМД сопоставляемых языков включают в себя значительный процент заимствованных единиц, преимущественно англицизмов. Появление заимствований объясняется усилившимися контактами между учёными разных стран, совместными разработками конкретных научных проблем и технических открытий, что требует сближения соответствующих терминологий. Всё это отражается в интернационализации и глобализации автомобильной отрасли, а соответственно, и языка.

Для повышения интереса к научно-публицистическим статьям авторы придают им личностную окраску. Это хорошо проявляется в анализируемом дискурсе немецкого языка, где встречаются эпонимические термины (имена известных автокон-

структоров, названия автоконцернов, фирм-производителей автомобилей и т.п.).

Библиографический список

1. Ревина, Ю. Н. Автомобильная терминология в немецком и русском языках: структурно-семантический и функциональный аспекты [Текст] : дис. ... канд. филолог. наук / Ю. Н. Ревина. — Екатеринбург, 2011. — 196 с.

2. Клёстер, А. М. К вопросу о структурировании дискурса инженерной психологии (на материале немецкого языка) [Текст] / А. М. Клёстер // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. — 2014. — № 2 (126). — С. 106—109.

3. Малышева, Е. Г. Русский спортивный дискурс : лингвокогнитивное исследование : моногр. [Текст] / Е. Г. Малышева ; науч. ред. Н. А. Кузьмина. — Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. — 324 с.

4. Булатникова, Е. Н. Концепты «лошадь» и «автомобиль» в русском языке [Текст] : автореф. дис. ... канд. филолог. наук / Е. Н. Булатникова. — Екатеринбург, 2006. — 23 с.

5. Медиадискурс: новые явления и новые подходы: коллективная монография [Текст] / Под ред. Н. А. Кузьминой. — Омск, 2010. — 262 с.

6. Какорина, Е. В. СМИ и интернет-коммуникация (области пересечения и проблемы взаимодействия) [Текст] / Е. В. Какорина // Язык современной публицистики : сб. ст. / сост. Г. Я. Солганик. — 3-е изд. — М., 2008. — С. 67—99.

7. Даниленко, В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания [Текст] / В. П. Даниленко. — М. : Наука, 1977. — 246 с.

8. Сулейманова, А. К. Терминосистема нефтяного дела и ее функционирование в профессиональном дискурсе специалиста [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филолог. наук / А. К. Сулейманова. — Уфа, 2006. — 47 с.

РЕВИНА Юлия Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков. Адрес для переписки: Julia_L_23@list.ru

Статья поступила в редакцию 30.01.2015 г.

© Ю. Н. Ревина

УДК 811.112.2:159.933

Н. Ю. ШНЯКИНА

Омский государственный педагогический университет

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ВРЕМЕННОГО АСПЕКТА СИТУАЦИИ ПОЗНАНИЯ ЗАПАХА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Язык, как форма и результат мыслительной активности человека, представляет собой феномен, в котором зафиксирован его своеобразный, обусловленный когнитивными особенностями взгляд на мир. Способность человека воспринимать, ощущать и осознавать время может быть изучена на базе языковых данных: путем анализа контекстов, отражающих ситуацию познания, что позволяет выявить не только общие закономерности представления в языке темпорального аспекта человеческого бытия, но и специфические признаки, связанные с осознанием временных отношений в рамках вербализованной перцептивной ситуации.

Ключевые слова: обонятельный образ, познавательная ситуация, временной аспект.

Взаимодействие между структурами знания и объективирующими их языковыми формами представляет собой одну из центральных проблем когнитивной лингвистики: в науке о языке имеется достаточное количество концепций, в которых с помощью метода фреймовой семантики демонстрируется соотношение ментальных репрезентаций с отражающими их лексическими единицами и предложениями [1, с. 5—6; 2, с. 391; 3, с. 157; 4, с. 233; 5, с. 52; 6, с. 967; 7, с. 95]. Контексты, в которых с различной степенью детальности фиксируются представления человека о получении им перцептивного знания, могут быть использованы в качестве эмпирических данных для изучения особенностей языковой фиксации познавательного процесса, отражающих психологически обусловленную избирательность человеческого внимания, с одной стороны, и прагматическую направленность — с другой.

Рассматриваемая в качестве события ситуация познания обладает рядом координат, присутствующих в языковых описаниях: это субъект; объект познания; действие субъекта, направленное на объект; цель; пространственные и временные рамки ситуации. Данный список может быть дополнен другими параметрами, отражающими многоаспектность процесса познания в целом, а также специфику получения человеком информации по различным перцептивным каналам в частности.

В рамках настоящей статьи предпринимается попытка описания закономерностей осознания человеком временного аспекта когнитивной ситуации на примере ситуации познания запаха. Анализ языковых фрагментов, содержащих темпоральные указатели, позволяет получить данные о том, какие временные параметры осмысливаются человеком в процессе познания им признаков, поступающих по обонятельному каналу, как осуществляется их концептуализация и какие языковые средства при этом используются.

Языковое представление времени неоднократно становилась предметом изучения в естественных

и гуманитарных науках, в том числе в лингвистике [8—12]. Темпоральные отношения, зафиксированные в языке, представляют собой фрагмент концептуализированного обыденного знания о мире, переживаемого познающим субъектом и связанного как с его когнитивными особенностями, так и с речевыми намерениями. Такое переживаемое (или лингвистическое) время противопоставляется времени объективному [9, с. 71], отражающему научный взгляд человека на временной аспект его существования. Именно на понимании значимости обыденных знаний для формирования языковой картины мира строится анализ примеров, описывающих ситуацию познания. Основными формами темпоральных отношений, зафиксированных в языковом материале, являются локализация момента восприятия запаха во времени и выражение длительности самого акта восприятия.

Способы временной локализации перцептивной ситуации отличаются друг от друга не только необходимой и достаточной для коммуникации степенью точности, но и общим смыслом, лежащим в основе противопоставления языковых единиц. Анализ примеров позволяет выявить несколько аспектов, значимых для процесса восприятия запаха: во-первых, присутствие/отсутствие в структуре высказывания субъекта познания, во-вторых, наличие/отсутствие цикличности, в-третьих, сам принцип деления временного континуума.

Первое противопоставление касается выраженности познающего субъекта в структуре высказывания: оно проявляется в концептуализации определённого момента с точки зрения осознания человеком настоящего относительно прошлого и будущего. В случае совпадения момента восприятия запаха с моментом речи автором сообщения используются глагольные формы настоящего времени и наречие jetzt; и, наоборот, о восприятии запаха в прошлом свидетельствуют формы прошедшего времени, а также, например, языковые единицы, описывающие человеческие воспоминания:

· *Ein wunderbarer Duft weht den Seefahrern* ***jetzt*** *entgegen, es* ***riecht*** *nach Korn und Erde, nach gedeckten Tischen und schattigen Häusern* [13].

· *Einer seiner stärksten* ***Kindheitseindrücke war*** *der Garten seiner Großmutter, in dem es nach Rosmarin, Wacholder und Rosen* ***duftete*** [13].

· Указательные местоимения также определяют точки переживаемого человеком временного континуума относительно настоящего момента: *In der Stadtbäckerei von Reutlingen-Rommelsbach ... duftet es* ***an diesem Morgen*** *nach frischem Kaffee* [13].

Второе противопоставление отражает знание человека о повторяемости акта восприятия запаха. В предложении может содержаться указание на однократное действие; многократность восприятия запаха, обусловленная, например, повторяемостью перцептивной ситуации, описывается посредством использования в языке временных показателей типа manchmal, а также конструкций, объединяющих местоимение jeder с наименованием частей суток и т.п.; значение негативной тотальности выражается наречием nie:

· *Ein Geruch von Verwesung* ***liegt*** *in der Luft* [13].

· ***Manchmal*** *riecht sie auch nach Knoblauch oder es riecht in der Wohnung danach* [13].

· *Bäckereien? Gibt es nichts Schlimmeres, als* ***jeden Morgen*** *vom Duft frischer Brötchen geweckt zu werden?* [13].

· *Dann, als er wider alle ärztliche Erfahrung doch nicht starb, sagten sie, er werde nie wieder sprechen können. Er werde* ***nie wieder riechen*** [14].

Примеры третьей группы объединяет идея разнообразия форм выражения различных отрезков, с помощью которых осуществляется временная локализация процесса восприятия средствами языка и на которые условно поделен временной континуум, переживаемый человеком: момент восприятия субъектом запаха может быть выражен путём указания на год, месяц, время суток и т.д.:

· *Der professionelle Weltuntergangsprophet Karl Kraus roch schon* ***1933*** *den süßlichen Gestank des Rauchs, der zehn Jahre später aus den Schloten der Verbrennungsöfen von Auschwitz aufstieg* [13].

· *Im* ***April*** *blühen bis zu zehn verschiedene Arten der baumgroßen Strgucher in zartem Rosé und kräftigem Pink und verströmen einen feinen ... Duft* [13].

· *Im lauen* ***Morgen****wind mischen sich die Düfte von Myriaden zartrosa leuchtenden Sternen und der würzige Geruch von wildem Wermut...* [13].

Кроме того, ситуация познания запаха может быть также представлена в языке как детерминированная протеканием другого процесса, выраженного субстантивированным глаголом, придаточным предложением с темпоральными связями, в котором сообщается о возможной причине появления запаха, именем собственным, связанным с каким-либо историческим периодом, либо несколькими предложениями, отражающими диахроническую последовательность причины возникновения запаха и процесса его распространения:

· *Berner öffnet eine kleine weiße Plastikdose. Schon* ***beim Öffnen*** *durchströmt ein lieblicher Duft den Raum...* [13].

· *Statt Parmesan wie früher ließ sie sich diesmal Weichkgse aus Limburg nachschicken. Man konnte es vermutlich schon am prächtigen Gestank erkennen,* ***wenn im Palazzo Pitti die Pakete aus dem Norden eintrafen*** [13].

· *Die Soldaten Napoleons tränkten ihre Taschentücher darin, um den fürchterlichen Gestank* ***im heruntergekommenen Köln*** *ertragen zu können* [13].

· *Doch als ich mich streckte, um die linke Tür zu erreichen, kramte die Frau hastig einen schwarzen Zerstäuber aus ihrer Handtasche und* ***sprühte mir eine Parfumwolke ins Gesicht****.* ***Der Duft von Weißen Lilien kratzte im Hals*** [13].

Таким образом, особенностью языковой экспликации момента восприятия запаха является значимость признака, лежащего в основе выбора лексической единицы с темпоральным значением. Автор сообщения может описывать процесс восприятия, исходя из вовлечённости в него субъекта, а также, используя конвенциональные единицы измерения времени (год, время года, месяц и т.д.) посредством схемы «вместилище» [3, с. 54] концептуализировать сам момент восприятия. Аналогичная ментальная операция имеет место при темпоральной локализации ситуации восприятия запаха относительно действий или событий, сопровождающих этот процесс.

Другая закономерность выражения момента восприятия запаха состоит в его реализации в виде вербализованной формы отношения «раньше—позже», основанного на фундаментальном когнитивном принципе — процедуре сравнения, детерминированной противопоставлением фона и фигуры, где «фигура — это объект, попавший в поле зрения концептуализатора на более позднем этапе восприятия сцены и оцениваемый им как более релевантный» [15, с. 36]. Действительно: познавая запахи, человек достаточно чётко может описать свои ощущения,

осознавая появление в сфере восприятия нового запаха, а также дифференцируя различные по качеству запахи и располагая их на временной оси.

В данном случае можно наблюдать разнообразие в варьировании соотношения между временными показателями и различными уточняющими обстоятельствами ситуации восприятия и обработки обонятельных образов. Во-первых, отношение «раньше-позже» вербализуется в описаниях попадания запаха в обонятельное пространство человека, что фиксируется темпоральными наречиями с семантикой внезапного (plötzlich, sofort), повторяющегося (wieder) или обозначающего новую фазу начала (dann). В описываемых ниже случаях человек сопоставляет несколько обонятельных образов: тот, который был воспринят ранее, в том числе неосознаваемый фоновый, и воспринимаемый в момент речи:

· *Noch steht in der Mitte der Einöde ein Riesenrad, Wind zupft seine Speichen, die Luft in Pripjat riecht* ***plötzlich*** *nach Schnee* [13].

· *Das rieche und schmecke ich* ***sofort*** [13].

· *Ich habe* ***wieder*** *den Gestank der Festzelte gerochen und den Kater gespürt* [13].

· ***Dann*** *riecht es überall nach gegrilltem Fisch und nach dem Knoblauch der Tomatensauce* [13].

Во-вторых, смысловое противопоставление «раньше—позже» реализуется при сравнении различных обонятельных образов, привязанных к одному месту. Это значение выражается временными показателями diesmal и dann, а также бинарной оппозицией einst-jetzt:

· *Es duftet* ***diesmal*** *nach Kaffee* [13].

· *Jede Querstraße eröffnet einen neuen Kosmos. Erst die Straße der Gemüsestgnde mit ihrem herben,* ***dann*** *wieder süßlichen und manchmal beißenden Geruch* [13].

· *Wo es* ***einst*** *nach frischem Gras und Blumen duftete, riecht es* ***jetzt*** *nach Öl* [13].

В-третьих, использование темпоральных показателей noch, immer wieder, а также придаточных предложений, описывающих процесс восприятия запаха, предшествующий настоящему моменту, свидетельствует о способности человека идентифицировать одинаковые обонятельные образы, привязанные к одному месту. Кроме того, результат сравнения запахов из разных временных периодов может представлять собой форму указания на людей, живущих в определённую эпоху, для которых воспринимаемый запах был обычным или даже типичным:

· *Die Bedürfnisanstalten riechen selbst nach knapp 300 Jahren noch durchdringend nach verfaulten Eiern...*[13].

· *Jetzt ist es* ***weit nach der Ernte****, und nur auf wenigen Feldern stehen noch Pflanzen. Trotzdem liegt dieser Geruch* ***immer wieder*** *verdammt lecker in der Luft, vor allem in der Nähe der Raffinerien* [13].

· *Hier riecht es nach Schwefel, aber,* ***wie Mark Twain bei einer Visite einst bemerkte*** *«nicht unangenehm für einen Sünder»* [13].

· *Sie haben die splendid isolation des von unkommunizierbaren Grenzerfahrungen gezeichneten Soldaten aufgegeben, sie haben den scharfen Geruch der Männerumkleide, der* ***die Stars der Fünfziger, kernige Typen wie John Wayne, William Holden oder Glenn Ford, noch umgab,*** *hinter sich gelassen und sich Zutritt zu den Partys der Mehrheitsgesellschaft verschafft* [13].

Запах является мощным стимулом, вызывающим в памяти целые цепочки воспоминаний. В этом случае осознание соотношения «раньше—позже» осуществляется между настоящим моментом (моментом восприятия запаха) и ситуацией, хранимой в памяти. В контекстах такого типа часто встречается глагол erinnern и его корреляты:

· *Manchmal steht Linares am Fenster und streicht während eines Telefonats verstohlen über die Minze und das Basilikum. Der Duft* ***erinnert*** *ihn an seine Kindheit, an den Garten seines Elternhauses und daran, dass es auch anders hätte kommen können* [13].

· *Im ersten Kapitel der «Suche nach der verlorenen Zeit» gibt es die berühmte Stelle, wo der Erzähler eine Tasse Lindenblütentee trinkt und eine Madeleine dazu isst, wie einst in seiner Kindheit. Das Aroma des Tees setzt dann eine Kette von* ***Erinnerungen*** *in Gang, in der die ganze Kindheit wieder lebendig wird* [13].

Другим темпоральным аспектом ситуации познания, рассматриваемым в настоящей статье, является временная протяжённость процесса восприятия или распространения запаха. С одной стороны, в предложении может содержаться точное указание на продолжительность акта восприятия: ***Eine halbe Stunde*** *stehe ich in einem kleinen, wilden botanischen Durcheinander... und während ich* ***rieche*** *und schmecke, basteln mir die Kinder aus Palmenblgttern ein Hütchen, ein Täschchen und ein riesiges Brillengestell...* [13].

С другой стороны, среди языковых средств, выражающих такое значение, отмечены неопределённые временные показатели типа stundenlang, ständing, vor Monaten с одной стороны и kürzlich с другой:

· *Meine Nase ist also das Flexibelste an mir: Sie darf die schönsten und muss die schlimmsten Düfte* ***stundenlang*** *riechen* [13].

· *Ein stechender Geruch liegt* ***ständig*** *in der Luft — Milchsgure — Bakterien sind hier aktiv, verwandeln den Milchzucker Laktose und setzen Ammoniak frei* [13].

· ***Vor Monaten*** *vermeldeten Medien üble Gerüche an den Stränden, Fäkalien trieben im Meer, der exklusive Dubai Offshore Sailing Club sagte Segelstunden ab* [13].

· *Der Leiter der Rathenower Schule witterte* ***kürzlich*** *Morgenluft* [13].

О неопределённой продолжительности распространения запаха свидетельствуют также наречия langsam и schnell, выражающие скорость распространения запаха, а также некоторые другие лексические и синтаксические средства:

· ***Langsam*** *zieht der Duft von Limette, Kokos und exotischen Gewürzen durch den Raum...* [13].

· *Bei ihr zu Hause sind Wände und Ecken nie kalt, die Luft ist immer frisch, und unangenehme Gerüche verschwinden* ***so schnell****, dass selbst Raucher niemanden stören [13].*

· *Es* ***duftet****, sie* ***duftet****, die Luft* ***duftet*** [13].

· ***Nach und nach*** *verflog der unangenehme Geruch und machte anderen Aromen Platz (Frucht, Trockenfrüchte, frisch angespitzter Bleistift) — bis zum Schluss ein sanfter Honigduft dominierte* [13].

Одним из аспектов концептуализации временных отношений в когнитивной ситуации является выделение начальной и конечной фаз акта восприятия. Средством объективации начальной фазы нового процесса по отношению к прежде упомянутому является союз bis; лексические единицы с семантикой конца (am Ende, an den Schluss, schließlich и т.п.) выражают конечную фазу процесса или действия, в которой присутствует запах:

· *Ganz versunken in die Stille der Wohnung verrichtete ich mit klammen Fingern sämtliche von der Mutter aufgetragenen Hausarbeiten und vergaß den Ofen völlig,* ***bis*** *mir ein beißender Geruch in die Nase stieg* [13].

· *Vom schönsten Freudenfeuerwerk bleibt* ***am Ende*** *nur Rauch und Gestank* [13].

· *Die Faustregel lautet dabei: Das intensivste Aroma* ***immer an den Schluss*** [13].

· ***Schließlich*** *roch Tante Judy* ***nicht mehr*** *zart nach Urin,* ***sondern*** *beißend nach Desinfektionsmitteln* [13].

Итак, рассмотрение временного аспекта ситуации познания запаха на материале текстовых извлечений, описывающих данный когнитивный процесс, позволяет выявить несколько форм существования темпоральных отношений, осознаваемых человеком: момент восприятия запаха и количественную оценку этого процесса.

Момент восприятия запаха фиксируется в языке в зависимости от значимости признака, по которому могут противопоставляться возможные формы временных отношений: вовлечённости субъекта восприятия запаха в рамку ситуации познания, представления о повторяемости ситуации восприятия, а также разнообразных форм выражения временных отрезков, являющихся конвенциональными единицами измерения времени. Кроме того, локализация перцептивной ситуации на временной оси может осуществляться путём установления соотношения, представляемого оппозицией «раньше—позже», проявляющейся при сравнении различных обонятельных образов, отличающихся друг от друга количественными и качественными характеристиками в соотношении с местом акта восприятия.

Концептуализация продолжительности процесса восприятия или распространения запаха характеризуется различной степенью определённости, обусловленной потребностями коммуникации.

Выявленные закономерности позволяют говорить о трёх концептуальных схемах, в соответствии с которыми упорядочиваются знания человека о темпоральном аспекте ситуации познания: в случае указания на момент восприятия запаха в основе осознания лежит схема «вместилище», внутри которого располагается некая точка или отрезок, конституирущие акт восприятия. Кроме того, в случае, когда локализация момента восприятия осуществляется относительно другого события либо в результате соотношения одинаковых или различных запахов в одном и том же или в разных местах, концептуальная схема имеет вид соотношения нескольких точек или отрезков. И, наконец, образ отрезка или прямой, не имеющей ни начала, ни конца, лежит в основе осознания временной протяжённости акта воприятия. Представляется, что описанные концептуальные схемы являются формами существования общего смысла, реализующегося в процессе языкового воплощения знаний о моменте восприятия и его длительности.

Библиографический список

1. Кацнельсон, С. Д. Речемыслительные процессы / С. Д. Кацнельсон // Вопросы языкознания. — 1984. — № 4. — С. 3—12.

2. Кручинкина, Н. Д. Категориальное пропозитивное семантико-грамматическое оформление концептуализации прототипов событий / Н. Д. Кручинкина // Когнитивные исследования языка. Вып. VII. Типы категорий в языке. — М. : Ин-т языкознания РАН, Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2010. — С. 386—396.

3. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф. — М. : Гнозис, 2011. — 512 с.

4. Трощенкова, Е. В. Роль континуально-дискретного восприятия действительности в формировании событийных ментальных репрезентаций / Е. В. Трощенкова // Перцепция. Рефлексия. Язык. — СПб. : Изд-во С-Петерб. ун-та, 2010. — С. 212—235.

5. Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. — М. : Прогресс, 1988. — С. 52—92.

6. Chen, X. Object and Event Concepts: A Cognitive Mechanism Incommensurability / X. Chen // Philosophy of Science. — 2003. — Vol. 70 December. — P. 962—974.

7. Schank, R. C. Dynamic Memory: A theory of reminding and learning in computers and people / R. C. Schank. — Cambridge : Cambridge University Press, 1982. — 302 p.

8. Бондарко, А. В. Введение. Основания функциональной грамматики / А. В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. — Л., 1978. — С. 5—39.

9. Кравченко, А. В. Язык и восприятие: когнитивные аспекты языковой категоризации / А. В. Кравченко. — Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1996. — 160 с.

10. Мурьянов, М. Ф. Время (понятие и слово) / М. Ф. Мурьянов // Вопросы языкознания. — 1978. — № 2. — С. 52—66.

11. Трунова, О. В. Время в онтологии, перцепции и языковой репрезентации / О. В. Трунова // Проблемы межкультурной коммуникации в теории языка и лингводидактике : материалы конф. — Барнаул : БГПУ, 2003. — С. 307—308.

12. Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е. С. Яковлева. — М. : Гнозис, 1994. — 344 с.

13. Zeit Online [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.zeit.de (дата обращения: 14.11.2014).

14. Spiegel Online [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.spiegel.de (дата обращения: 14.11.2014).

15. Ирисханова, О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтакис и прагматика дефокусирования / О. К. Ирисханова. — М : Языки славянской культуры, 2014. — 320 с.

ШНЯКИНА Наталья Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка и межкультурной коммуникации.
Адрес для переписки: zeral@list.ru

Статья поступила в редакцию 27.01.2015 г.

© Н. Ю. Шнякина

Книжная полка

Старовойтова, Е. Ф. Изучаем технологию полиграфического производства на английском языке : учеб. электрон. изд. локального распространения : учеб. пособие / Е. Ф. Старовойтова. — Омск : ОмГТУ, 2014. — 1 о=эл. опт. диск (CD-ROM). — ISBN 978—5—8149—0655—7.

Учебное пособие содержит оригинальные тексты, соответствующие материалам, изучаемым студентами на лекциях и занятиях по профилирующим предметам. Каждый урок включает тексты для обучения разным видам чтения: A — изучающее чтение, B — просмотровое, C — поисковое, D — синтетическое. Включает лексический, терминологический, грамматический материал. Предназначено для студентов полиграфических специальностей.

УДК 811.111

С. В. БОГОМОЛОВ

Омский государственный технический университет

BOOT CAMP®: ЭТИМОЛОГО-МОТИВАЦИОННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

В статье исследуется история возникновения словесного товарного знака *Boot Camp* компании *Apple*. Рассматриваются лингвистические и экстралингвистические особенности происхождения данной лексической единицы, описывается процесс номинации, обозначаются мотивы номинации.

Ключевые слова: компьютерная лексика, ономастика, словесный товарный знак, этимология, мотивация, номинация.

Поиск этимологии имен собственных неоднократно становился предметом исследования отечественных и зарубежных лингвистов. Изучению, однако, подвергались в основном такие номинации, принадлежность которых к классу ономастической лексики не вызывает сомнений (антропонимы, топонимы, зоонимы и др.). Вместе с тем в языке функционируют лексические единицы, занимающие промежуточное положение между онимами (именами собственными) и апеллятивами (именами нарицательными) и поэтому относимые лингвистами к периферическим областям ономастики [1] или даже за ее пределы [2]. Традиционно к классу слов, занимающих пограничные области ономастического пространства, относятся ***товарные знаки***, которые, вероятно, в силу своей «периферийности» не представлены широко в этимологических исследованиях ономастической лексики. Между тем происхождение словесных товарных знаков вызывает безусловный исследовательский интерес и имеет немалое значение для систематизации данного пласта лексики, т.к. «знание эволюции значения слова небезразлично для понимания его нынешней природы и структуры» [3].

С современной науке цель этимологии понимается как «определение того, в каком языке, на каком историческом этапе, на базе какой первичной мотивации и, соответственно, от какого слова, по какой словообразовательной модели и с каким первичным значением образовано слово, а также выяснение путей и причин преобразования его первичных форм и значений вплоть до последнего состояния» [4, с. 644]. Вопрос о происхождении слова в известной степени затрагивает сферу и его мотивации, однако между этимологией и мотивацией есть существенное различие: если этимология занимается восстановлением первичной мотивации слова, неясность которой связана «с историческим затемнением внутренней формы и значения слова и невозможностью объяснения его происхождения на основе действующих в языке моделей образования слов» [5, с. 596], то мотивация позволяет говорить «об оправданности, рациональности, объясняемости, понятности связи значения и звуковой оболочки в каждой лексической единице» [6, с. 30]. В работах, посвященных вопросам мотивации, лингвисты оперируют понятиями мотив номинации и причина номинации. Так, Н. В. Подольская определяет мотив номинации (мотивировку имени) как «экстралингвистическую причину выбора или создания данного имени для данного объекта» [7, с. 87]. При этом исследователь отождествляет понятия мотива и причины номинации [7, с. 114]. М. Ю. Карпенко, анализируя данные исследований аспектов мотивации, говорит о таком феномене, как ситуация номинации, которая охватывает весь процесс номинации, начиная с появления причины и заканчивая формированием окончательной формы имени собственного [8]. В рамках ситуации номинации категории причины и мотива номинации, лежащие в плоскости экстралингвистики, автором разграничиваются: под причиной номинации понимается повод, в связи с которым объекту давалось название, а под мотивом номинации — причина, по которой объекту давалось именно такое название. Так, например, мотивом номинации компании *Google* стала орфографическая ошибка при написании изначально планируемого имени *googol* (математический термин, обозначающий число десять в сотой степени), а причиной номинации является регистрация товарного знака [8].

В исследовательском фокусе нашей статьи находится номинация **Boot Camp**. **Boot Camp®** — это зарегистрированный словесный товарный знак американской корпорации *Apple* [9], который обозначает название утилиты, позволяющей устанавливать на компьютерах *Macintosh* операционные системы сторонних разработчиков. Исторически сложилось так, что операционные системы компьютеров *Macintosh*, которые выпускаются компанией *Apple*, настолько тесно связаны с их аппаратным обеспечением, что на данных компьютерах невозможно установить какую-либо другую операционную систему, кроме проприетрной, т.е. разработанной собственно компанией *Apple*. Так, например, компьютеры *Macintosh* используют операционную систему *Mac OS X* (разработка *Apple*) и до недавнего времени были несовместимы с операционными системами, выпущенными конкурентами (например, *Microsoft Windows*). Однако с появлением утилиты **Boot Camp,** которая также является продуктом *Apple*, установка операционной системы *Microsoft Windows* на компьютерах *Macintosh* стала возможной.

Появление товарного знака **Boot Camp®** относится к середине 2000-х гг., с момента первого релиза бета-версии утилиты, состоявшегося 5 апреля 2006 г. [10]. Данный товарный знак представляет собой двухкомпонентное сочетание, где первый компонент есть компьютерный термин:

boot — загрузка (программы, компьютера),

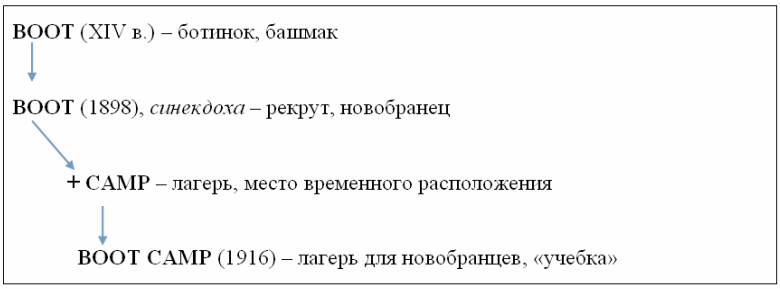

Рис. 1. Становление жаргонизма *boot camp*

а второй является словом военно-спортивного лексикона:

camp — лагерь.

Остановимся кратко на принципе действия утилиты, с тем чтобы попытаться дать обоснование выбору словосочетания **boot camp** в качестве наименования программы. Как было отмечено выше, утилита **Boot Camp** позволяет **загружать** операционную систему *Microsoft Windows* на компьютерах *Macintosh*. При включении компьютера программа **Boot Camp** выводит на экран перечень доступных вариантов **загрузки** (*Microsoft Windows* или *Mac OS X)*, и пользователь выбирает ту или иную операционную систему. Таким образом, **загрузка** требуемой для работы операционной системы осуществляется непосредственно через т.н. «сектор загрузки» **Boot Camp**.

Рассмотрение принципа действия программы применительно к ее наименованию показывает, что смысловая нагрузка сочетания **Boot Camp** ложится исключительно на его первый компонент (**Boot** — загрузка, загружать), в то время как второй компонент (**Camp** — лагерь) в рамах данной лексической единицы в семантическом плане остается немотивированным, «затемненным». Поскольку интерпретация компонента **Camp** не проясняет внутреннюю логику номинации, возникает мысль, что в основе номинации **Boot Camp** лежит лексическая единица, совпадающая по форме с исследуемой, обладающая определенным признаком идиоматичности, смысловой неразложимости на значения составляющих ее слов-компонентов.

Обратившись к лексикографическим источникам, мы обнаруживаем, что сочетание **boot camp** зафиксировано словарями как военный жаргонизм-американизм. Первое употребление **boot camp** как единицы американского армейского сленга датируется 1916 г. [11]. Словарь «The Merriam-Webster Dictionary» дает следующие толкования данной лексической единицы:

1) ***boot camp*** — *a camp where people who have recently joined the US Army, Navy, or Marine Corps receive their basic training* [11];

2) ***boot camp*** — *a disciplinary facility or program, in which young offenders are forced to participate in a rigidly structured routine* [11].

Таким образом, **boot camp** в англоязычной разговорной речи обозначает 1) воинскую часть (учебный лагерь) для новобранцев, «учебку» и в этом значении восходит к началу XX в., а также 2) исправительное учреждение для «трудных» подростков, основной упор в котором сделан на строгую дисциплину и тяжелые физические нагрузки (данное значение фиксируется в начале 1980 гг., с момента появления подобных учреждений [12]). Второе значение является метафорическим переосмыслением первого, при котором наименование одного денотата (учебный лагерь) переходит на другой (исправительное учреждение) по принципу сходности концептов. Далее в нашей работе мы будем апеллировать к жаргонизму **boot camp** в первом значении.

Итак, на сегодняшний день в английском языке функционируют две самостоятельные лексические единицы, обладающие полной звуковой и частичной графической идентичностью и разным семантическим значением:

boot camp (1916 г.) — воинская часть для новобранцев, «учебка»;

Boot Camp (2006 г.) — программа для загрузки операционной системы.

Жаргонизм **boot camp** появился в результате сложения двух свободных корневых морфем, совпадающих по форме и значению с соответствующими самостоятельными словами. Компонент **boot**, обладая исходной семантикой *«ботинок, башмак»*, в данной лексической единице несет значение «*рекрут, новобранец»*, возникшее предположительно во времена Испано-американской войны 1898 г. [13] вследствие метонимического переноса (синекдоха), где часть (*ботинок как предмет обмундирования новобранца*) называется вместо целого (вместо собственно *новобранца*):

boot *— a Navy or Marine Corps recruit undergoing basic training* [11], а компонент **camp** использован в значении *«место временного расположения»:*

camp *— a place usually away from urban areas where tents or simple building are erected for shelter or for temporary residence* [11].

Внутренняя форма получившегося в результате словосложения жаргонизма **boot camp**, как мы видим, достаточно прозрачна: сочетание мотивировано, т.е. семантически обусловлено значениями составляющих его компонентов.

Для наглядности представим данный словообразовательный процесс на следующем рисунке (рис. 1).

В исследуемой номинации **Boot Camp** компонент **Boot**, как было сказано выше, является компьютерным термином и передает значение *«загружать, загрузка (программы)»:*

boot *— to load (a program) into computer from a disk* [11].

Слово **boot** в значении «*загрузка, загружать*» этимологически восходит к общеупотребительному слову **boot** в значении «*ботинок, башмак*». Проведем реконструкцию форм и значений лексических единиц **boot** «*ботинок*» и **boot** «*загрузка*», с тем чтобы продемонстрировать их этимологическую взаимосвязанность.

Итак, английское слово **boot** в значении «*a fitted covering for the foot and usually reaching above the ankle*» (ботинок, башмак) возникает, согласно словарю «The Merriam-Webster Dictionary», в начале XIV в. [11]. Во второй половине XIX в. (1870-е гг.) в обиход входит слово **bootstrap,** образованное по принципу сложения двух корневых морфем **boot**

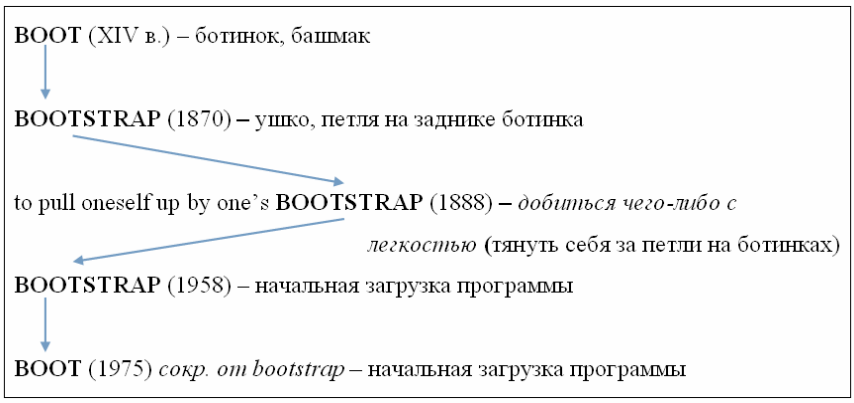

Рис. 2. Становление компьютерного термина *boot*

«*ботинок*» и **strap** «*петля*», в значении «*ушко, петля на заднике ботинка (облегчающая его надевание)*»:

bootstrap *— a looped strap sewed at the side or the rear top of a boot to help in pulling it on* [11].

Примерно этим же периодом (80-е гг. XIX в.) датируется появление в американском варианте английского языка идиоматического выражения **to pull oneself up by one's bootstrap** (дословно — тянуть себя за петли на ботинках), которое в своем значении прошло эволюцию от «*выполнять абсурдное, заведомо невозможное действие*» [13] до «*добиться чего-либо с легкостью, в два счета*» [14, с. 261]. Данная идиома, весьма вероятно, восходит к рассказам немецкого писателя Р. Э. Распе о приключениях барона Мюнхгаузена (1785 г.), в которых герой-авантюрист вытаскивает себя вопреки законам физики из болота за волосы [15, 16]. Предположительно, именно это утверждение героя Распе было положено в основу вопроса *«Why cannot a man lift himself by pulling up on his bootstraps?»* («*Почему человек не может поднять себя за петли на ботинках?*») в разделе контроля усвоения материала учебника по физике «Popular Physics» (1888) американского ученого и педагога Дж. Д. Стила [17, с. 37]. Как результат, в конце XIX в. в английском языке возникает выражение **to pull oneself up by one's bootstrap**, которое на заре компьютерной эры, в 1950-е гг., заимствуется для описания сложного процесса загрузки компьютера [15]. Стимулом к использованию данной идиомы для описания одного из самых важных элементов работы ЭВМ, вероятно, послужил научно-фантастический рассказ американского писателя Р. Хайнлайна «**By the bootstraps**» (1941) о парадоксах перемещения во времени и о «временных петлях», который пионеры компьютерной эпохи, несомненно, читали. В данном случае имеет место сложный механизм семантического словообразования, основанный на буквализации идиоматического выражения и метафорическом переносе (сходство выполняемых действий). Процесс общей загрузки компьютера предполагает определенную последовательность шагов-загрузок, когда одна более простая программа, загружаясь, вызывает следующую, более сложную программу, которая, в свою очередь, также вызывает программу следующего, более сложного уровня, приводя ее к загрузке. В результате таких взаимосвязанных загрузок компьютер в буквальном смысле *«вытягивает себя за петли на ботинках»*, самостоятельно и с легкостью, в два счета, добивается полной загрузки операционной системы.

Как видим, слово **bootstrap** опосредованно, через идиоматическое выражение **to pull oneself by one's bootstrap,** использованное для описания процесса загрузки операционной системы, приобретает компьютерное значение:

bootstrap *— вчт. начальная загрузка* [14, с. 261].

Впоследствии в результате усечения своей основы **bootstrap** трансформируется в словоформу **boot** с тем же значением.

В приведенной схеме можно наглядно проследить механизм образования компьютерного термина **boot** (рис. 2).

Однако если предположить, что получившийся в результате эволюции форм и значений компьютерный термин **boot** является мотивирующим словом по отношению к компоненту **Boot** в номинации **Boot Camp**, то все еще остается открытым вопрос о мотивированности компонента **Camp** в рамках данной номинации. В этой связи можно заключить, что модель образования исследуемой номинации наподобие той, что лежит в основе формирования жаргонизма **boot camp** (**boot** «*рекрут*» + **camp** «*лагерь*»), вряд ли видится возможной. В свете сказанного нам представляется логичным сделать вывод, что лексическая единица **Boot Camp** как наименование компьютерной программы образовалась в результате **заимствования** военного жаргонизма **boot camp** на основе игры значений слова **boot**:

boot — *рекрут, новобранец,*

boot — *загрузка операционной системы компьютера.*

Механизм формирования исследуемой нами номинации приведем для наглядности в следующей схеме (рис. 3).

Таким образом, изучив этимологию номинации **Boot Camp**, проследив эволюцию значений составляющих ее компонентов, определив, в каком временном отрезке, в какой форме и с каким значением, на базе какого языкового материала возникла данная номинация, мы приходим к следующим выводам:

1. Номинация **Boot Camp** прошла в своем становлении долгий (формально — многовековой) путь, однако наиболее интенсивное ее развитие начинается с 1950-х гг., что совпадает с началом эпохи стремительного развития компьютерных технологий. В этом проявляется экстралингвистическая составляющая формирования специальной компьютерной лексики.

2. Наиболее вероятным способом образования номинации **Boot Camp** является **заимствование** единицы **boot camp** из американского военного жаргона. Такая точка зрения позволяет делать выводы о прозрачности данной номинации, о ясности каждого ее компонента, включая казавшийся ранее «затемненным» (неясным, немотивированным) компонент **Camp**: этот компонент этимологизируется как часть лекси-

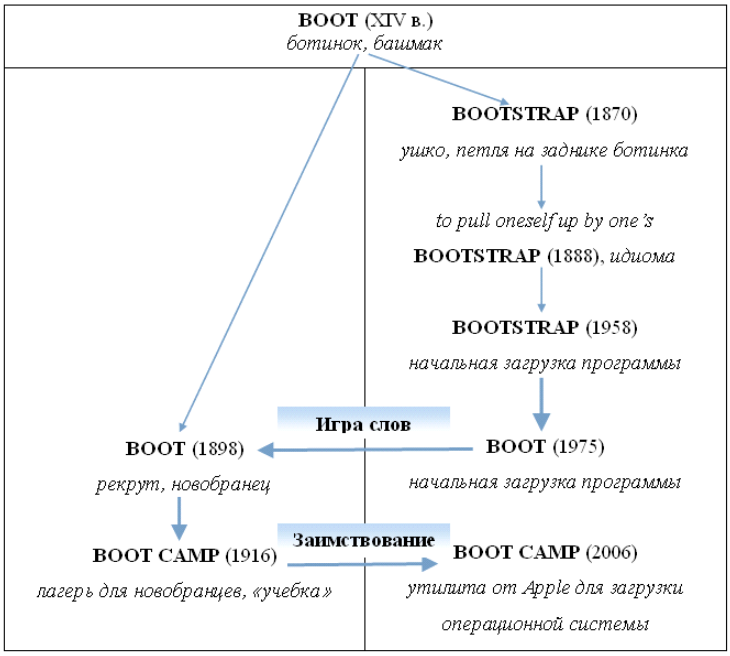

Рис. 3. Становление товарного знака *Boot Camp*

ческой единицы, легшей в основу сформировавшейся на базе языковой игры номинации.

3. Исторически номинация **Boot Camp** восходит к общеупотребительному слову **boot** («*ботинок, башмак*»), вместе с тем она первично мотивирована военным жаргонизмом **boot camp** («*учебка*»), также восходящим к общеупотребительному **boot**. Интересен тот факт, что **Boot Camp** и **boot camp**, где одно есть заимствование другого, имеют при этом собственные, непересекающиеся пути восхождения к первоисточнику.

4. Причиной номинации, т.е. поводом, по которому объекту (в нашем случае — компьютерной программе) давалось наименование, стала *необходимость регистрации товарного знака*. **Мотивом номинации**, т.е. причиной, почему объекту (компьютерной программе) было дано именно такое наименование (**Boot Camp**), выступила *игра значений* слова **boot** как языковой феномен, на основании чего произошло заимствование уже существующей в языке структуры **boot camp** в качестве наименования компьютерной программы.

Библиографический список

1. Стомпель, Е. М. Прагмонимы как особый тип номинации [Текст] / Е. М. Стомпель, Т. С. Спирина // Гуманитарные исследования. — 2013. — № 3 (47). — С. 81—85.

2. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного [Текст] / А. В. Суперанская. — М. : Наука, 1973. — 367 с.

3. Трубачев, О. Н. Этимологические исследования и лексическая семантика [Текст] / О. Н. Трубачев // Принципы и методы семантических исследований. — М., 1976. — С. 147—179.

4. Варбот, Ж. Ж. Этимология [Текст] / Ж. Ж. Варбот // Русский язык. Энциклопедия. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Большая российская энциклопедия ; Дрофа, 1997. — С. 643—647.

5. Лингвистический энциклопедический словарь [Тест] / Под ред. В. Н. Ярцевой. — М. : Советская энциклопедия, 1990. — 685 с.

6. Блинова, О. И. Термин и его мотивированность [Текст] / О. И. Блинова // Терминология и культура речи. — М. : Наука, 1981. — С. 28—37.

7. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии [Текст] / Н. В. Подольская. — М. : Наука, 1978. — 199 с.

8. Карпенко, М. Ю. Мотивация сайтонимов англоязычного сектора Интернета [Текст] / М. Ю. Карпенко // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2014. — № 2. — С. 35—39.

9. Apple Trademark List [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.apple.com/legal/intellectual-property/trademark/appletmlist.html (дата обращения: 03.03.2015).

10. Mossberg, W.S. Boot Camp Turns Your Mac Into a Reliable Widows PC [Электронный ресурс] / W.S. Mossberg // Wall street journal. — Режим доступа : http://www.online.wsj.com/news/articles/SB1144255968517843 (дата обращения: 03.03.2015).

11. Merriam-Webster Online: Dictionary and Thesaurus [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.merriam-webster.com (дата обращения: 03.03.2015).

12. Encyclopedia Britannica [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.britannica.com (дата обращения: 03.03.2015).

13. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.etymonline.com (дата обращения: 03.03.2015).

14. Новый большой англо-русский словарь. В 3 т. Т. 1 / Ю. Д. Апресян [и др.] ; под общ. рук. Ю. Д. Апресяна и Э. М. Медниковой. — 7-е изд, стереотип. — М. : Русский язык, 2002. — 832 с.

15. World Wide Words. Investigating the English language across the globe [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.worldwidewords.org/qa/qa-boo2.htm (дата обращения: 03.03.2015).

16. Freeman, Jan. Bootstraps and baron Munchausen [Text] / Jan Freeman // The Word blog. Rules and realities of English usage [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.boston.com/bostonglobe/ideas/theword/2009/01/bootstraps_and.html (дата обращения: 03.03.2015).

17. Steele, J. Dorman. Popular Physics [Text] / J. Dorman Steele. — New York, Cincinnati, Chicago: American Book Company. — 1888. — 379 p.

БОГОМОЛОВ Сергей Викторович, аспирант, преподаватель кафедры иностранных языков.
Адрес для переписки: sergei.bogomolov@gmail.com

Статья поступила в редакцию 03.03.2015 г.
© С. В. Богомолов

УДК 82-92:070

М. Д. ЛАГУТИНА

Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, г. Омск

КАК ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ: ОБЗОР АНГЛИЙСКОЙ СПОРТИВНОЙ ПЕРИОДИКИ XVIII – XIX ВЕКОВ

В статье рассматриваются вопросы зарождения спортивной журналистики. Выделяются при-чины появления спортивной журналистики в Англии в XVIII веке. Анализируется содержание первых английских спортивных периодических изданий. Даются биографические зарисовки первых спортивных журналистов.

Ключевые слова: журналистика, спортивная журналистика, спорт, история.

Английская пресса прошла традиционный путь развития: от первых рукописных газет до многостраничных печатных изданий. В 1753 году общее количество экземпляров газет, продаваемых ежегодно в Великобритании, достигло 7 411 757. К началу XIX века только в Лондоне издавались 52 газеты и более 30 журналов. Причины столь успешного развития британской журналистики были связаны с насыщенной политической и экономической жизнью страны, с введением знаменитого Билля о правах (1689 г.), в котором содержится и признание за каждым гражданином права выражения своих мыслей. Бурный расцвет английской журналистики приходится на XIX век, но основы этого расцвета были заложены уже в XVIII веке. В 1702 году в Лондоне вышла в свет первая ежедневная газета «Daily Courant». В 1791 году начинает издаваться первая воскресная газета «The Observer» (Наблюдатель). В 1785 г. английский типограф Джон Уолтер начал издавать газету «Universal Daily Register» («Универсальный ежедневный журнал»). В 1788 г. издание Джона Уолтера было переименовано в «The Times» («Времена»), и под этим названием газета вошла в историю мировой прессы. Дж. Уолтер заявил, что газета должна быть «подобно хорошо сервированному столу, должна иметь в своём арсенале блюда на любой вкус... и, избегая крайностей держаться золотой середины» [1, с. 50].

В начале XIX века наиболее влиятельными в английской культурной и общественно-политической жизни становятся: «The Edinburgh Review» («Эдинбургское обозрение», 1802–1929. В этом журнале начинали свою творческую карьеру Томас Карлейль и Томас Маколей); «The Quarterly Review» («Ежеквартальное обозрение», 1809–1967. «Крестным отцом» издания стал Вальтер Скотт); «Blackwood's Magazine» («Блэквудский журнал», 1817. Его идейным вдохновителем тоже стал Вальтер Скотт, а финансировала издательская фирма Уильяма Блэквуда, чья фамилия и оказалась в названии ежемесячника) [1].

Появившиеся разнообразные периодические издания не могли обойти вниманием развитие спорта в стране.

«Богатство и досуг увеличивались и охватывали всё более широкие слои общества; гражданский мир и личная свобода были более обеспечены, чем в какой-либо предшествующий век; войны, которые мы вели за морем при помощи маленьких профессиональных армий, почти не мешали мирным занятиям обитателей счастливого острова», — писал о XVIII веке английский историк Дж. Тревельян [2, с. 426]. Кроме традиционных увлечений англичан охотой в XVIII веке популярным становится крикет. Крикет быстро распространился по всей Англии и стал увлечением всех слоев населения. Исследователи истории Англии пишут об отсутствии жестких социальных, имущественных или иных границ для участников и зрителей спортивных состязаний. «В 1743 году отмечалось, что «знать, дворяне и духовенство» принимали участие в качестве партнёров в игре «мясников, сапожников или медников». Три года спустя, когда Кент выиграл 111 очков против 110 у сборной команды Англии, лорд Джон Сэквилль был членом той победившей команды, капитаном которой был садовник Ноул...Сквайр, фермер, кузнец и подёнщик, пришедшие с жёнами и детьми посмотреть на забаву, — все собирались вместе. ... Если бы французское дворянство было способно играть в крикет со своими крестьянами, его замки никогда не были бы сожжены» [2, с. 436–437]. Это отсутствие социальных границ давало возможность появлению обширной читательской аудитории, интересующейся различными состязаниями. Англичане с нетерпением ожидали сообщений о скачках и боксёрских поединках. В начале XIX века главным национальным увлечением становится бокс. Состязания по боксу собирали огромное количество зрителей: от простолюдина до аристократа. Отличительным признаком англичанина того времени являлось искусство самообороны без оружия, а игра со шпагой, по их мнению, предназначалась для слабых европейцев. Ещё Д. Локк в книге «Мысли о воспитании» писал: «...Я бы больше хотел, чтобы из моего сына вышел хороший борец, чем средний фехтовальщик» [3, с. 143]. В университетах и школах учеников обучали боксу, как части подготовки к жизни. Оставались популярными конные соревнования — скачки. С развитием печатного дела появилась возможность издавать календари скачек. Первый календарь скачек издан в 1726 г. Устраивались состязания в беге и ходьбе. Эти состязания пользовались популярностью у публики, а любимчикам даже давали прозвища. Например, Томас Тэкер, замечательный бегун конца XVIII века был известен под прозвищем «Стремительный Том». Боксёра Джема Белчера Пирс Эган назвал «Наполеоном ринга». С 70-х годов XVIII века

слово «спорт» стало использоваться для обозначения спортивных дисциплин [4, с. 159, 169]. Проводились состязания среди гребцов. Появляются первые правила: в крикете — в 1727 г., в гольфе — в 1740, в кёрлинге — в 1795. В 1732 г. Джек Браутон составил первые правила бокса на основе лондонских «правил драки». Появляется система подсчёта очков в крикете, весовые категории в боксе [3, с. 150].

«Для англичанина спорт как соль жизни... Он не считает игру или времяпровождение истинным спортом, если эта игра не требует значительных телесных нагрузок и некоторого количества выносливости; и чем больше в ней опасности, тем больше он её любит. Физическим упражнениям на спортивных площадках старой Англии в большей степени англичане обязаны национальной силой и смелостью. Там, где англичанин делает свой дом, он не отказывается потакать своим спортивным инстинктам: он играет в крикет на равнинах Австралии с живостью Кембриджского студента или в футбол в степях Африки с энтузиазмом школьника из Регби — и искренне верит, что он будет поддерживать своё господствующее положение среди народов мира лишь до тех пор, пока инстинкты сохранятся нетронутыми и до тех пор, пока источники его атлетизма не иссякнут» [5, p. 23].

Таким образом, спортивная жизнь Англии конца XVIII — начала XIX веков была весьма разнообразна: скачки, охота, бокс, ходьба, футбол, крикет, поэтому неудивительно, что английская пресса проявила к ней повышенный интерес.

Предпосылками появления спортивной журналистики явилось развитие материально-технической базы печати; издание законов о печати; идеология английского джентльменства (Д. Локк); появление современного спорта и превращение спортивного зрелища в коммерческое предприятие (ставки, пари, сделки); возникновение спортивных клубов и обществ (1666 г. — клуб крикета, 1742 г. — Эдинбургский конькобежный клуб и др.); регулярное проведение различных соревнований, поединков, бегов; потребность в подобного рода зрелищах и информации о них.

Предприимчивые бизнесмены и писатели приложили усилия к развитию новой литературной специальности — спортивная журналистика.

Ежемесячный журнал «The Sporting Magazine», основанный в 1792 году, и воскресная газета «The Weekly Dispatch», издававшаяся с 1801 года, получили популярность у широкого круга читателей. Даже солидная респектабельная пресса лондонский «The Таймс» (1785 г.) и «Blackwood's Magazine» (1817 г.) стали публиковать сообщения о спортивных состязаниях. К 1830 годам стало обычным и никого не шокирующим делом помещать статьи о спорте в официальном периодическом издании «The Quarterly Review» (1809—1967 гг.).

Спортивная журналистика может считать датой своего рождения октябрь 1792 года, когда лондонский книготорговец и издатель Джон Уэбл совместно со своим коллегой Гаррисом выпустили первый номер спортивного журнала. Издание имело подзаголовок «Ежемесячные ведомости бегов, охоты и прочих развлечений для предприимчивых и жизнерадостных людей».

Журнал представлял собой разновидность альманаха, в котором публиковались анонимные статьи, переписка читателей, подписывавшихся вымышленными именами, отчеты о спортивных состязаниях. В разделе «Спортивная разведка» помещались сообщения о предстоящих спортивных событиях, скачках или боксерских поединках, регулярно давался календарь скачек.

В первом номере «The Sporting Magazine» были опубликованы материалы о происхождении лошадей и скачек в Англии, соревнованиях по спортивной ходьбе, истории бокса, двух последних боксерских поединках, основании ветеринарного колледжа в Санкт-Панкраце, происхождении петушиных боев и дуэлей. Также там были напечатаны письма об охоте на лося в Кейп Бретон Айленде и о «национальной охоте», т.е. охоте за состояниями. Последующие номера журнала содержали подобные материалы, т.е. в течение первых тридцати лет своего существования журнал носил весьма эклектический характер.

К началу 1820-х годов журнал по продажам был в четверке лучших ежемесячных периодических изданий в Лондоне.

После смерти Джона Уэбла в 1820 году журнал стали издавать его племянники, братья Питтман. Они наняли постоянного сотрудника, писателя Чарльза Джеймса Эпперли (Charless James Apperley), публиковавшего заметки под псевдонимом Нимрод. Он стал первым спортивным писателем джентльменского происхождения. Его интересы были связаны с лошадьми и охотой, особенно охотой на лис.

Объявление редакции о приглашении на работу Нимрода появилось в «The Sporting Magazine» в январе 1822 г. «В этом номере помещается первая из интереснейших заметок, написанная спортсменом-практиком, свидетелем описываемых событий». Нимрод представился на страницах журнала в качестве случайного читателя, а не постоянного автора, получающего жалование: «Я посылаю некоторые замечания на основе собственных наблюдений о том, что происходит во время охоты» [6].

Чарльз Джеймс Эпперли (Нимрод) родился в 1778 г. в почтенной семье, в графстве Денбишир (Уэльс). В одиннадцать лет он поступил в колледж в Регби, где получил классическое образование. После окончания Регби Эпперли служил в Ирландской кавалерии. Затем женился на молодой «бесприданнице». Его женитьба была расценена современниками как весьма опрометчивый, с финансовой точки зрения, поступок для молодого человека, являвшегося джентльменом и вторым сыном. Эпперли пытался содержать семью, занимаясь дрессировкой и продажей охотничьих собак и публикацией в провинциальных газетах небольших заметок. В 1821 году он познакомился с новыми владельцами «The Sporting Magazine» и, остро нуждаясь в средствах, согласился на должность спортивного репортера с годовым жалованием в 1500 фунтов и оплатой сопутствующих расходов. Его работодатели оплачивали все его счета, понимая его ценность для журнала. Эпперли взял псевдоним Нимрод в честь могущественного охотника, персонажа Священного Писания. В то время немногие из авторов, писавших о спорте, могли сравниться с Ч. Эпперли в авторитете и силе влияния на спортивную публику. Он был звездой английской прессы 1820—1830-х годов.

Сотрудничество Ч. Эпперли со «Sporting Magazine» продолжалось около десятилетия, и было взаимовыгодным: произведения Нимрода придавали своеобразие и определенный шик журналу, а журнал давал ему средства к существованию и возможность приобрести славу и известность. Но в 1830 году он ушел из журнала в связи со спором о жалованьи. Последующие статьи Нимрода об охоте на лис, скачках, тренировке лошадей появились в 1832—1833 годах

в престижном лондонском издании «The Quarterly Review», а в 1837 году с незначительными исправлениями и дополнениями они были опубликованы отдельной книгой «Охота, скачки и дорога».

После ухода из «Sporting Magazine» Эпперли, оставшись без постоянного дохода, стал испытывать значительные финансовые трудности. Он переехал в Кале, где жизнь была значительно дешевле. В Кале он продолжал писать для «The Quarterly Review», посылал статьи в «New Sporting Magazine», «Sporting Review», «Edinburgh Review», «New Monthly Magazine» и др. Плодовитый и энергичный журналист Эпперли писал и для газет: «The Times», «The Morning Herald» и др. Доказательством популярности Ч. Эпперли стало издание его работ в форме книг. Наиболее известные — «Жизнь Джона Миттона» (1837) и «Жизнь спортсмена» (1842), первоначально опубликованные частями в журнале «The New Sporting Magazine», дают описание стиля жизни джентльмена-спортсмена начала XIX века. Автобиография Ч. Эпперли «My Life and Times» впервые была опубликована в отдельном выпуске «Fraser's Magazine» в 1842 году. Она тоже проливает свет на спортивную жизнь этого периода и представляет Эпперли как профессионального писателя и журналиста. Умер он в середине 1843 года в Англии.

Место Нимрода в «The Sporting Magazine» занял писатель Ним Саут. Под этим псевдонимом скрывался 27 летний Роберт Смит Сёртис. Он родился на севере страны в землевладельческой семье с прочными традициями охоты на лис. Его отец, дед и прадед были владельцами охотничьих собак. В 1825 году Сёртис приехал в Лондон изучать право, но своей страсти — лисьей охоте — он уделял больше времени, чем изучению законов. В 1829 году он совершил путешествие во Францию и по возвращении стал работать в «The Sporting Magazine».

Статьи Р. С. Сёртиса о лисьей охоте в Южной Англии стали появляться в ежемесячных выпусках журнала с 1830 года. Его последняя статья вышла в январском выпуске 1831 года. Покинув «The Sporting Magazine», Р. С. Сёртис совместно с издателем Рудольфом Аккерманом и спортивным журналистом Ч. Эпперли начинают издавать свой журнал «The New Sporting Magazine». Журнал публиковал материалы об охоте, атлетике, делах в парламенте, искусстве. «The New Sporting Magazine» имел успех. Однако, основанный джентльменами больше для развлечения, чем получения выгоды, журнал испытывал материальные трудности, особенно с наймом постоянных сотрудников. Р. С. Сёртис, как редактор, решил эту проблему, заполняя журнал своими материалами под разными псевдонимами. В течение пяти лет Р. С. Сёртис работал его редактором. В 1836 г. после ссоры с Ч. Эпперли он ушёл из журнала, вернулся в семейное поместье в графстве Дарем, где до 1864 года жил тихо и уединенно, занимаясь писательством и охотой на лис. Р. С. Сёртис создал очень популярного персонажа Джона Джорокса, бакалейщика, охотника, сквайра, описав его приключения в романе «Хэндли Кросс».

После ухода Эпперли и Сёртиса из «The Sporting Magazine» журнал некоторое время сохранял довольно высокую репутацию у любителей спорта. Многие известные писатели, такие как Генри Холл Диксон, помещали свои статьи в нем. Но «The Sporting Magazine» постепенно терял свою монополию на спортивную информацию, вынужденный делить бремя лидерства на печатной ниве с «New Sporting Magazine» и «Sporting Review». 112 выпуск (июль—декабрь 1848 г.) «The Sporting Magazine» был последним под таким названием. Журнал стал называться «New Sporting Magazine». А 126 выпуск (июль—декабрь 1855 г.) носил название «The New Sporting Magazine United with the Sportsman, Sporting review and Sporting Magazine». Журнал с таким названием просуществовал до конца 1870 года.

Ведущими писателями первой четверти XIX века, проповедовавшими ценности спорта, являлись Пирс Эган и Джонатан Бэдкок. Пирс Эган (1772—1849) родился в Лондоне в семье ирландских эмигрантов. Работал наборщиком. В 1812 г. стал журналистом в воскресной газете «The Weekly Dispatch». Пирса Эгана с полным основанием можно назвать спортивным журналистом и первым спортивным репортёром и комментатором. Его серия очерков, издававшаяся с 1813 года и объединённая в книгу «Боксиана, или Очерки о древнем и современном кулачном бое» [7], посвящалась боксу, выдающимся английским боксёрам (Джем Белчер, Том Крибб, Рендалл и др.) их поединкам и драматическим судьбам. Бокс, П. Эган, рассматривал как источник и символ британского могущества. В его представлении бокс выявлял уникальные достоинства англичан — смелость и мужество, благосклонность к поверженному сопернику, гордость за свою честь и честь Англии, готовность защищать её [7, p. 26]. П. Эган описал ссору лорда Барримора с парфюмером, и парфюмер, будучи истинным англичанином, не спасовал перед лордом и разрешил спор кулаками. Биограф Эгана утверждал: «Его описания боев были полны живописного действия и высокой драмы, более кровавой, чем сами бои. Он всегда был готов приукрасить правду в интересах развлечения... Эган погрузился в язык улицы и таверны, приукрашивая его, не стесняясь и придавая ему непосредственности и живости». В 1823 году П. Эган основал газету «Pierce Egan's Life in London and Sporting Guide» («Жизнь Пирса Эгана в Лондоне и спортивный обозреватель»), однако тираж газеты был недостаточно большим, чтобы она могла существовать, и в 1827 году П. Эган стал банкротом. Позднее эта газета сольется с «Bell's Life in London, and Sporting Chronicle» («Жизнь Белла в Лондоне и спортивная хроника»). Большую известность П. Эгану принесли очерки, объединенные в книгу «Жизнь в Лондоне» (1821) [8], в которой он сатирически изобразил жизнь различных социальных слоев Лондона. Книга стала бестселлером.

«Bell's Life in London, and Sporting Chronicle» (1822—1886) была первой еженедельной газетой, сделавшей спорт главной темой. Она рассказывала о любительских и профессиональных боксёрских поединках, о скачках, крикете, гребле. Газета публиковала сообщения спортивных организаций, новости о политики, королевской семье, иностранные новости, театральные обзоры, преступления и происшествия дня. Газета была иллюстрирована. Первый номер газеты был опубликован в 1822 году печатником и газетчиком Робертом Беллом. В 1824 г. Уильям Иннелл Клемент (William Innell Clement), издатель «The Observer», купил газету у Белла и сделал редактором Винсента Джорджа Даулинга (Vincent George Dowling). Этот пост Даулинг занимал почти 30 лет, вплоть до своей смерти. В период руководства Даулинга газета процветала, будучи привлекательной и для респектабельных господ, и для грубых простолюдинов. «Bell's Life in London, and Sporting Chronicle» стала авторитетным источником по истории спорта Британии XIX века. Газета сотрудничала с Чарльзом Дикенсом, Робертом Сёртисом. Она

служила источником информации: публиковала расписание и результаты состязаний, вызовы на состязания, ответы на различные вопросы, касающиеся спорта и игр. Благодаря низкой цене «Bell's Life in London, and Sporting Chronicle» была доступна всем слоям общества. Начиналась газета с тиража в 3 000 экземпляров, а к 1850 годам благодаря росту её популярности тираж достиг 30 000 экземпляров в неделю. Газета просуществовала 64 года, было выпущено 3 799 номеров. В 1886 году «Bell's Life in London, and Sporting Chronicle» была поглощена «The Sporting Life» [9].

Даже литераторы, не связанные со спортом, писали о нем. Так, блистательный эссеист Уильям Хэззлитт (1778—1839 гг.) написал знаменитый очерк о боксерском матче. Его очерк «Бой» появился в респектабельном литературном периодическом издании «New Monthly Magazine» в феврале 1822 года, подписанный псевдонимом Фантест. Будучи новичком в данной теме У. Хэззлитт тем не менее написал классический спортивный очерк.

Болельщики, спортсмены, участвовавшие в соревнованиях за деньги или ради удовольствия, дельцы, зарабатывавшие спортом — все имели много общего: беззаботное наслаждение движением, игрой, радость созерцания или участия, некую восторженность. Заметно было отсутствие гнетущей тяжести и угрюмой серьёзности, отягощающей современный спорт. П. Эган в очерках «Жизнь в Лондоне» включил песню, слова которой выражали дух времени: «Танцующий, поющий, полный веселья, о Лондон, Лондон — город мой» [8, p. 147—148]. Этот настрой ощущался по всей Англии: на ипподромах, спортивных полях, в деревнях, провинциальных и столичных городах, постоялых дворах, пивных, поместьях и дворцах.

Хотя в стране возникли сложные проблемы послевоенного урегулирования (1815 г.), хотя угрожающе ширилось недовольство социальным неравенством, конституционной и политической системой, спортивная жизнь Англии расцветала. Это было время опьяняющей молодости спорта, что нашло отражение в печати и литературе.

Вторая половина XIX века в Британии ознаменовалась стремительным развитием технического прогресса, урбанизацией, укреплением среднего класса, сокращением рабочего дня, ростом благосостояния, развитием образования — всё это стимулировало развитие и спорта, и журналистики. Жестокие состязания, подобные кулачным дракам, собачьим и петушиным боям, теряли привлекательность. Дух времени с соперничеством и конкуренцией воплотился в культ спортивной игры. В учебных заведениях спорт и игра рассматривались как неотъемлемый атрибут воспитания. Периодическая печать активно включилась в пропаганду ценностей соответствующих викторианской эпохе. Начинают появляться новые издания. С 1853 года издаётся ежемесячный журнал «The Field», удовлетворяющий интересам землевладельцев и фермеров. Журнал печатал материалы об охоте, рыбалке, крокете, лаун-теннисе. Журнал, обсуждая на своих страницах школьные правила игры в футбол, принятые в Итоне, Харроу, Регби и др., способствовал созданию современной игры. «The Field» — один из немногих журналов долгожителей, издаётся и сегодня.

Сокращение рабочего дня, появление свободного времени привело к массовому увлечению туризмом, альпинизмом, обычаем проводить загородные уикенды, пикники. Как следствие этого появляется издание «The Alpine Journal» (с 1863 — по наст. время). Возрастание в общественной жизни роли женщин привело к появлению в 1890 годах в периодических изданиях колонок для женщин («Ladies column»). Появляются специализированные спортивные издания «The Bicycling News» (1876—1897), «The Cycle» (1893).

Периодические издания не только информировали читателей о спортивных событиях, но и сами стали влиять на развитие спорта. Так, журнал «Bell's Life in London» принимал ставки, заключал пари, обсуждал правила соревнований. Осенью 1863 года Кобб Морли — капитан клуба «Barnes Rugby Football Club» (Барнс) в письме в спортивную газету «Bell's Life in London, and Sporting Chronicle» предложил представителям клубов собраться для выработки единого свода футбольных правил. 26 октября 1863 года представители 11 лондонских клубов и школ собрались в таверне «Вольные каменщики» (Freemason's Tavern) и основали Футбольную ассоциацию Англии.

В 1875 году редактор «The Field» Джон Генри Уолш (John Henry Walsh) основал «Всеанглийский клуб крикета». «The Field» учредил кубок («The Field Cup») для первого отрытого Уимблдонского чемпионата по лаун-теннису. В 1853 году местная шотландская газета писала: «Лодочные гонки проводятся в самом последнем захолустье, неужели мы в Стерлинге отстанем от наших соседей!» В городе была учреждена своя регата [10].

1860—1910 г. считают золотым веком британской журналистики. Этот же период в истории британского спорта называют революционным. Происходит институционное оформление современного спорта.

Современный спорт и современный пресса возникли и росли вместе. Газеты и журналы способствовали популяризации спорта. Они описывали спортивные события, давали рекламу, публиковали результаты соревнований, создавали героев. Они проводили соревнования на свои призы. Обсуждали и создавали правила соревнований. Формировали облик джентльмена и стиль поведения, которому надлежало следовать всем слоям общества. История журналистики и история спорта тесно переплелись, явив миру два культурных феномена.

Библиографический список

1. История мировой журналистики [Текст] / А. Г. Беспалова [и др.]. — Изд. 3-е, доп. и испр. — М. : ИКЦ «МарТ», Ростов н/Д. : Издательский центр «МарТ», 2003. — 432 с.

2. Тревельян, Дж. М. История Англии от Чосера до королевы Виктории [Текст] / Дж. М. Тревельян. — Смоленск : Русич, 2001. — 624 с.

3. Кун, Л. Всеобщая история физической культуры и спорта [Текст] / Л. Кун. — М. : Радуга, 1982. — 399 с.

4. Оливова, В. Люди и игры: У истоков современного спорта [Текст] / В. Оливова. — М. : Физкультура и спорт, 1985. — 240 с.

5. Hackwood, Frederic W. Old English Sport / Frederic W. Hackwood. — London, 1907. — 468 p.

6. Hounds in the morning. Sundry Sports of Merry England. Selections from the Sporting Magazine. 1792—1836. — The Univ. Press of Kentucky, 1981. — 216 p.

7. Egan, P. Boxiana; or, Sketches of Ancient and Modern Pugilism: Comprising The only original and complete lives of the boxers. Illustrated with numerous portraits. In 5 vol. Vol. II. — London : printed for Sherwood, Neely, and Jones, Paternoster-Row. 1829. — 580 p.

8. Egan, P. Life in London, or The Day and Night scenes of Jerry Hawthorn, ESQ and his Elegant Friend Corinthian Tom in

their Rambles and Sprees through the Metropolis / P. Egan. — London, John Camden Hotten, Piccadilly, 1869. — 407 p.

9. Dictionary of nineteenth-century journalism in Great Britain and Ireland / general editors, Laurel Brake & Marysa Demoor; associate editors, Margaret Beetham [et al.]. — Publisher Gent : Academia Press ; London : British Library, 2009. — 1014 p.

10. Трентер, Нил. Спорт, экономика и общество в Великобритании (1750—1914) [Текст] : реферат / Нил Трентер // Отечественные записки. — 2006. — Т. 33, № 6. — С. 42—53.

ЛАГУТИНА Марина Дмитриевна, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры теории методики и истории физической культуры и спорта.
Адрес для переписки: lagutinmar@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 03.02.2015 г.
© М. Д. Лагутина

УДК 811.111:81

И. П. РОМАШОВА

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

МЕДИЙНЫЙ СУБДИСКУРС ОТЕЧЕСТВЕННЫХ КОРПОРАЦИЙ

В статье анализируется структура медийной составляющей отечественного корпоративного дискурса. Согласно развиваемой автором концепции, медийный компонент является обязательным для любого типа институционального дискурса, что определяется правилами репрезентации социальных акторов в социуме и в системе дискурсов.

Ключевые слова: дискурс, корпоративный дискурс, медийный субдискурс, корпоративные медиа.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 14-04-00487/14 Новые медиа в России: исследование языка и коммуникативных процессов.

Согласно развиваемой нами гипотезе, медийный субдискурс является обязательной частью любого институционального дискурса, в том числе корпоративного [1]. Его облигаторность обеспечивается современными тенденциями институционализации, согласно которым для признания, воспроизводства и сохранения институт должен быть определенным образом освещен в медиасфере. Правила репрезентации социального актора в медиа закреплены и используются в особой институциональной сфере — связи с общественностью (PR) и оговариваются в одном из разделов PR — медиарилейшнз [2]. Монографические описания отдельных типов дискурсов русского языка также подтверждают нашу гипотезу о медийном субдискурсе как обязательной составляющей любого институционального дискурса. Так, медийную составляющую выделяет Ю. В. Воробьева в структуре политического дискурса [3], Е. Г. Малышева — в структуре спортивного дискурса [4], Ю. В. Данюшина — в рамках бизнес-дискурса [5], Т. А. Ширяева — в рамках делового [6], О. Ф. Русакова, В. М. Русаков — в структуре религиозного [7]. Как видим, речь идет практически о всех доминирующих дискурсах современности.

Что касается дискурса отечественных корпораций, то проблемным представляется вопрос о составляющих корпоративного медийного субдискурса. Несомненным является включение в него текстов и изданий СМИ, которые освещают деятельность корпораций. В первую очередь, сюда следует отнести так называемую деловую периодику (М. И. Шостак, М. И. Дзялошинская, Е. И. Мордовская, Л. Б. Голикова, Д. А. Мурзин, А. В. Вырковский, А. В. Еременко и др.). Однако собственно корпоративный сегмент медийного субдискурса составляют все-таки корпоративные медиа (здесь и далее КМ. — **И. Р.**), создаваемые самими организациями [8]. Третьей составляющей в структуре медийного субдискурса считаем его рекламную разновидность, поскольку медиа являются одним из каналов распространения рекламы. Так как рекламные тексты и деловые издания в достаточной степени изучены лингвистами, журналистами и маркетологами, считаем необходимым обратиться к той части медийного субдискурса, которая продуцируется самими корпорациями и самым непосредственным образом отражает специфику каждой отдельной организации. Речь идет о корпоративных медиа. В данной работе мы используем термин «корпоративные медиа» вместо более распространенного «корпоративные СМИ», ввиду того что данные медиаресурсы по определению не являются «массовыми» — они ориентированы на отражение деятельности отдельных корпораций и имеют, как правило, достаточно четкую целевую аудиторию.

В статье внимание сосредоточено на типологических особенностях, жанровой структуре и жанрово-стилистических тенденциях омских региональных КМ. Всего было проанализировано 48 печатных изданий (**газеты**: «Сибирский нефтяник» ОАО «Сибирская нефтяная компания», «Речник Иртыша» ОАО «Иртышское речное пароходство», «Разные судьбы» УФАС России по Омской области, «Заводская трибуна» Омского ПО «Иртыш», «Мостовик» и «Житейские ведомости» НПО «Мостовик», «Омскводоканал» ОАО «Омскводоканал», «Биржа труда» Главного управления государственной службы занятости Омской области, «Вкусная газета «Пятёрочка» ЗАО «Продторг», «Новости Посуда-Центр» ООО «Посуда-Центр Сервис», «Сигнал» ОмПО «Радиозавод им. А. С. Попова», «Энергия» и «Энергетика Сибири» ОАО «Омскэнерго», «Фармэкс.RU» ЗАО ТМК «Фармэкс», «Качество и рынок» ФГУ «Омский центр

стандартизации, метрологии и сертификации», «Планета Миэль» агентства недвижимости «Миэль», «Все путем» Омского проектно-изыскательского института «Омскжелдорпроект», «Ошовские вести» ООО ликероводочный завод «ОША», «Заводская жизнь» ФГУП ПО «Полет», «Заводские вести» ООО «Омский завод технического углерода», «Весточка» ГК «Вес-Трейд», «Вестник СибирьТелеком» ОАО «СибирьТелеком», «Наш мир» НПО «Мир» и др.) Как видно из списка источников, под корпорациями в статье понимаются не только коммерческие, но и государственные структуры различного профиля, которые осознают свою идентичность, подчеркивают ее и применяют современные дискурсивные технологии институционализации, легитимации и позиционирования для воспроизводства и сохранения данной организационной структуры и ее корпоративной культуры. КМ рассматриваются в настоящей статье как одна из таких дискурсивных технологий. Акцент на региональной корпоративной прессе был обусловлен тем, что в имеющихся исследованиях изучались преимущественно издания крупных прогосударственных корпораций: «Русал» у Д. А. Мурзина, «Норильский Никель» у А. Ю. Горчевой, «Сбербанк России» у А. А. Коровки и т.д. «Корпоративная же печать в России стала действительно массовой после того, как выпуском собственных СМИ занялись многие компании «средней руки» — с количеством персонала 2—5 тыс. человек» [9, с. 3].

Жанрово-стилевые особенности региональных КМ определяются теми задачами, которые перед ними ставит руководство организаций. Если для внутренней аудитории базовыми становятся функции информационная, организационная и идеологическая, но в КМ для клиентов, партнеров и широкой общественности доминируют иные цели: информационная, имиджевая и рекламная. Вот, например, как определяет задачи корпоративной газеты «Планета Миэль» агентства недвижимости «Миэль» ее главный редактор Н. В. Кручинская: «Планета "Миэль"» — информационно-познавательная газета, главный инструмент продвижения корпоративной культуры и политики крупнейшей в Омске риелторской компании. Задачи издания — способствовать позиционированию Компании на рынке недвижимости; отражать новости и наиболее актуальные темы в жизни Компании и рынка недвижимости; продвижение и укрепление положительного имиджа профессии «риэлтор» на примере специалистов компании «Миэль-недвижимость»; информационное воздействие на реальных и потенциальных клиентов; обеспечение внутрифирменного PR, влияние на мотивацию персонала Компании; распространение рекламной информации» [10]. Это высказывание включает практически весь перечень целей корпоративного издания. Кроме того, оно отражает специфику регионального рынка КМ: попытку омских «корпоративок» в одном издании совместить задачи и внутрикорпоративных, и отраслевых, и клиентских СМИ. Система жанров региональных КМ зависит от конкретных целей печатного издания и в то же время определяется общестилевыми тенденциями, которые уже наметились в корпоративном медийном субдискурсе. Система жанров корпоративных изданий включает три группы текстов: трансформированные традиционные журналистские жанры, PR- и рекламные тексты. Доля последних зависит от степени направленности издания на внешнюю аудиторию.

Первая группа — традиционные журналистские жанры — подвергается серьезной трансформации в корпоративной периодике. В первую очередь, здесь находит отражение тенденция к гибридизации жанров, характерная для отечественной журналистики в целом. Можно вполне согласиться с исследователем КМ И. И. Хамидовым в том, что «вместо устаревшей системы жанров (информационные — заметка, интервью, репортаж, отчет; аналитические — статья, корреспонденция, письмо, обзор печати, обозрение, рецензия; художественно-публицистические — очерк, фельетон, памфлет) предлагается принципиально новая, состоящая из пяти групп: оперативно-новостная — заметка во всех ее разновидностях; оперативно-исследовательская — интервью, репортаж, отчет; исследовательско-новостная — корреспонденция, комментарий (колонка), рецензия; исследовательская — статья, письмо, обозрение; исследовательско-образная — очерк, эссе, фельетон, памфлет» [11, с. 9]. Анализ региональных корпоративных изданий в целом подтвердил эти наблюдения: вместо «чистых» жанров в КМ появляются публикации, обладающие характерными признаками не только отдельных жанровых типов, но даже различных жанровых групп. Исчезают аналитические и исследовательские жанры, а оставшиеся существенно трансформируются.

Публицистические статьи, заметки, раскрывающие общественно-значимые темы, в КМ появляются редко и только в том случае, если происходящее каким-то образом затрагивает деятельность организации. Например, если в одной из газет ОАО «Газпромнефть» («Сибирская нефть») в байлайнере говорится о победе футбольного клуба «Зенит» в Суперкубке УЕФА, но заинтересовал данный факт КМ только потому, что «Газпромнефть» является спонсором данного клуба: «Спортивный дух сродни корпоративному, поэтому наша Компания уделяет такое большое внимание поддержке спорта на всех уровнях» (Сибирская нефть, 2008, № 8 (53), с. 2). **Документальные (информационные)** материалы представлены в КМ жанрами «заметка», «информационный отчет», «репортаж». Им отведены первые страницы номера. Заметки обычно сообщают о новостях организации: о выходе компании на новый рынок, об удачной реализации проектов, об открытии филиала, о подписании договоров, о профессиональных достижениях и победах. На последней полосе корпоративных газет, как правило, размещают анонсы будущих мероприятий, конкурсов, семинаров и пр.

Документальные официальные материалы представлены обращениями руководителей к персоналу (байлайнерами), информационными отчетами о собраниях акционеров, о конференциях и семинарах, о планах и программах деятельности, текстами Законопроектов, инструкций, Положений и проч. Репортажи со спартакиад, соревнований, конкурсов профессионального мастерства или художественной самодеятельности размещаются на первых или последних страницах номера. Как правило, они завершаются высказываниями сотрудников о прошедшем событии: «Выезд в «Мечту» позволил мне познакомиться с сотрудниками из других городов, узнать о них, об их работе. ... Глядя на все это, я еще раз ощутил масштабы нашей компании и испытал чувство гордости за то, что я работаю здесь» (Наш мир, 2010, № 1 (23), с. 5).

Из **художественно-публицистических жанров** в КМ применяется некий аналог портретного очерка о руководителях, топ-менеджерах, сотрудниках, ветеранах, молодых работниках компаний. Типовая структура «корпоративного» портретного очерка

включает сегодняшние достижения героя, историю его жизни и этапы работы в компании, а завершают текст слова сотрудника о любви к родному предприятию («Я горжусь тем, что судьба связала меня с таким уникальным предприятием») или похвальные слова коллег о герое публикации. Такие материалы отличаются от традиционного журналистского портретного очерка меньшим объемом, отсутствием глубокой проработки характера, стереотипностью композиции и обилием штампов, которые по большей части очень напоминают фрагменты производственной характеристики: «настоящий профессионал своего дела», «ему присущи такие черты характера, как скромность, доброта, трудолюбие и открытость», «по праву пользуется заслуженным авторитетом в коллективе», «за многолетний и добросовестный труд награжден», «свою трудовую биографию начал», «отличную учебу в институте она удачно сочетала с общественной работой», «активно участвовал в общественной жизни предприятия». То есть художественно-публицистический жанр портретного очерка, призванный создать неповторимый индивидуальный образ героя, в КМ трансформировался: в нем все многообразие личностных проявлений человека сводится к заданному перечню социальных ролей и стереотипных оценок. Многие из таких очерковых произведений контаминированы с жанром «поздравлений»: небольшой биографический экскурс завершается поздравлениями с днем рождения или юбилеем.

Последним трендом корпоративной журналистики стало появление жанроида, который весьма условно можно назвать «путевым очерком». Это эссе-отзыв сотрудников компании о проведенных отпусках, о поездках на стажировки и даже в командировки: «Как-то у нас прошел слушок, что один из работников нашего магазина может поехать в командировку! Для того чтобы попасть в число «избранных», нужно было постараться: быть лучшим продавцом месяца! ... Короче, всеми правдами и правдами (работать пришлось за двоих, в поте лица!), все-таки попала!... О, Казань! Красивый, обворожительный, незабываемый, стильный! Мы побывали в наших филиалах в Казани — в один попали на ревизию?» — делится сотрудница компании «Винпром». И завершает рассказ: «P.S. Командировка — форева! Заряжает! (и не только мозги); -) Чаще выезжайте — и не только в другой город» (Омсквинпром, 2008, № 9 (76), с. 10). Завершаются эти публикации, как правило, стереотипно: «спасибо Компании за возможность отдохнуть в ...», «посетить страны и города», «повысить квалификацию» и пр. Эти тексты пишут и журналисты, стилизуя под материалы сотрудников, которые размещаются в Интранете: в чатах, блогах, в соцсетях. В ряде КМ в текст даже включают смайлики. Стиль таких материалов — разговорный, задача — передать впечатление от увиденного, настроение. Средства выразительности лимитированы и представлены в основном эпитетами и другой эмоционально-оценочной лексикой.

Аналитические материалы во внутрикорпоративных изданиях для сотрудников встречаются крайне редко: это может быть практико-аналитическое интервью или рекомендация. Как правило, в роли эксперта по профессиональному вопросу выступает руководитель, менеджер или сотрудник организации. Персонал компании, ее партнеров, в первую очередь, объединяет профессиональная тематика. Именно по этой причине на страницах печатных изданий располагаются материалы научно-технического характера. Это могут быть статьи, посвященные последним научным изысканиям в данной профессиональной сфере, интервью с экспертами, учеными с мировым именем. Для КМ это обычные темы для публикаций, так как деятельность большинства организаций так или иначе связана с научными разработками и технологическими процессами. Например, у газеты «Весточка» (издание ГК «Вес-Трейд») есть постоянная рубрика «Из жизни замечательных вещей», в которой журналисты рассказывают об истории, использовании или новых моделях бытовой техники. Газета ОАО «Сибнефтепровод» в своей газете «Сибирский меридиан» рассказывает о технологии электрохимической защиты, газета АК «Омскэнерго» «Энергия» — о «телефонной связи нового поколения», газета «Мостовик» имеет рубрику «Научный потенциал». В ряде газет подобные материалы носят не информационный, а развлекательный характер и помещаются в рубриках «Это интересно», «С миру по нитке» и пр. Выдержанные в стилистике журналов life style, они призваны расширять скорее общий, чем профессиональный кругозор.

Обязательным элементом системы публикаций в подавляющем большинстве газет являются **справочные материалы**. Это могут быть теле- и радиопрограммы на неделю, репертуар местных театров и кинотеатров, сводки погоды, расписание поездов, авиарейсов, анонсы спортивных соревнований, фестивалей и тому подобных мероприятий.

Развлекательные (рекреационные) публикации представлены различными кроссвордами и сканвордами, картинками, подборками анекдотов, остроумных изречений и т.п. Так как основная целевая аудитория анализируемых изданий — сотрудники, то до 1/4 общего объема издания занимают рекреационные материалы, созданные самими сотрудниками: стихи, песни, гимны, литературно-художественные произведения.

Акцент на имиджеобразующей функции обусловил включение в КМ большого количества **PR-текстов** разных жанров. Доминирование в корпоративной прессе «позитивных» и «беспроблемных» PR-текстов зачастую превращают КМ в рекламно-пиаровскую листовку. «Оптимизированная селективная PR-информация» (термин пиаролога А. Д. Кривоносова) делает газетные материалы прогнозируемыми, лишенными конфликта, интриги. В PR-публикациях, как известно, даже интервьюер и респондент часто совпадают в одном лице — журналиста—пиарщика, когда и вопросы, и ответы создает один человек, акцентируя внимание только на позитиве: «Отношения с ЗСМЦ развиваются по нарастающей?» — «Да, наши отношения со временем становятся все более прочными» (Заводская жизнь, 2008, № 5—6, с. 3); «В чем секрет успеха вашего предприятия? — Это, прежде всего, самостоятельная коммерческая деятельность, прямые связи с производителями и оптовиками» (Фармэкс.RU, 2010, № 3 (39), с. 2). В вопросе уже присутствует положительная оценка компании, которая лишь подтверждается в ответе.

Журналисты и лингвисты — исследователи КМ — считают проблемный характер, персонал-ориентированность, диалогичность и доступность важными стилеобразующими чертами современного КМ. Другое дело — насколько они воплощены в «фирменных» СМИ. Тезис об актуальности, проблемном характере материалов корпоративной периодики остается нереализованным. Обсуждение насущных вопросов, инициированное сотрудниками, критические материалы в КМ практически не публикуются.

Точка зрения рядового персонала по значимым для производства и деловых отношений вопросам либо не представлена вовсе, либо «глас народа» звучит только в рекреационных материалах — сотрудники выступают в роли авторов воспоминаний о начале своей карьеры в компании или о проведенном отпуске, либо как творцы песен, стихов, рассказов и др. литературных форм, то есть в сфере, не связанной с профессиональной деятельностью. Точка зрения сотрудников, как правило, дается в редакторском переложении, доминирует передача чужой речи от 3-го, а не от 1-го лица. Некая иллюзия живого диалога, демократичности издания отчасти достигается с помощью стилистических средств. «Доступность» языка корпоративок обеспечивается не только использованием разговорной лексики, фразеологии, синтаксиса, различных форм диалогизации. Своеобразным маркером демократичности издания становится употребление терминологической лексики, профессионального жаргона: «Термин «барда спиртовая» хорошо известен нашим специалистам. Это один из продуктов спиртового производства. На технологической линии спиртового производства компании «Оша» в сутки образуется порядка 390 кубометров зерновой барды (Ошовские вести, 2008, № 8, с. 6). В текстах КМ встречается большое количество аббревиатур, которые не расшифровываются, поскольку априори должны быть понятны «своему» читателю. Например, раздел «Новости» в газете «Омский моторостроитель» завода им. П. И. Баранова имеет следующие рубрики: «ЦБПО», «ОРНУ», «СДКУ», обозначающие, как можно понять из содержания заметок, подразделения и службы предприятия. Использование перечисленных лингвостилистических средств формально демократизирует газету, делает ее корпоративным изданием «для своих».

Монологизация и «рекламизация» КМ не позволяет фирменным газетам и журналам выполнять еще одну функцию — способствовать качественному позиционированию структуры. Ведь эффективность имиджевого позиционирования напрямую зависит от того, удастся ли фирменным газетам приобрести «лица необщее выраженье», что осуществляется не только за счет специально разработанного дизайна и фирменного стиля, но и благодаря профессионально продуманной концепции и системе жанров, качественному контенту и блестящему стилистическому исполнению. Поскольку большую часть КМ составляют стандартизованные официальные информационные материалы, за реализацию функции позиционирования во многом «отвечают» публикации о сотрудниках и для сотрудников: имиджевые интервью, рекреационные публикации, литературные произведения самих работников. Но поскольку большинство КИ решают задачу позиционирования одинаковым набором жанрово-стилистических средств, то эта задача остается невыполненной.

Таким образом, жанровая система в КМ не отличается богатством и разнообразием. Самыми распространенными жанрами омских корпоративных газет становятся все виды информационных заметок, репортажи с разнообразных корпоративных мероприятий, имиджевые и аналитические интервью с руководством и персоналом компании. Типичные журналистские жанры под влиянием специфических задач, стоящих перед КМ, трансформируются: сокращаются, шаблонизируются, лишаются аналитичности и диалогического характера. Система публикаций КМ активно дополняется PR-текстами, под влиянием которых происходят жанрово-стилевые изменения журналистских материалов. Так, например, художественно-публицистический жанр путевого очерка трансформировался в отзывы сотрудников о летнем отдыхе. При этом жанровое пространство КМ сужается по сравнению с общественно-политической прессой, а содержание во многом стереотипизируется. Сказанное объясняет, почему не только практики, но и теоретики паблик рилейшнз зачастую рассматривают корпоративные издания как совокупность PR-материалов: «... стремление сформировать «положительный имидж» компании в глазах персонала приводит к мифологизации содержания, к конфликту с реальностью» [8, с. 16]. Иными словами, изучение региональных КМ подтверждает общую тенденцию к конвергенции практик различных медийных институтов: СМИ, рекламы и PR — и демонстрирует возрастающее влияние дискурсивных PR-практик на масс-медийные.

Библиографический список

1. Ромашова, И. П. Модель институционального дискурса с позиций социодинамического подхода / И. П. Ромашова // Вестник Омского униерситета. — 2013. — № 1 (67). — С. 94—100.
2. Чумиков, А. Н. Медиарилейшнз : учеб. пособие для студентов вузов / А. Н. Чумиков. — М. : Изд-во Аспект Пресс, 2014. — 184 с.
3. Воробьева, Ю. И. Политический медиадискурс и легитимность власти : дис. ... канд. полит. наук / Ю. И. Воробьева. — М., 2013. — 151 с.
4. Малышева, Е. Г. Русский спортивный дискурс: теория и методология лингвокогнитивного исследования / Е. Г. Малышева : дис. ... д-ра филолог. наук. — Омск, 2011. — 403 с.
5. Danyushina, Y. V. A linguaLingua-Discursive Study of Business and Governance Communication / Y. V. Danyushina // Коммуникативные исследования. — 2014. — № 1. — С. 23—34.
6. Ширяева, Т. А. Когнитивное моделирование институционального делового дискурса / Т. А. Ширяева : дис. ... д-ра филолог. наук. — Краснодар, 2008. — 540 с.
7. Русакова, О. Ф. PR-Дискурс: Теоретико- методологический анализ / О. Ф. Русакова, В. М. Русаков. — 2-е изд., испр. и доп. — Екатеринбург : УрО РАН, ИД «Дискурс-Пи», 2011. — 336 с.
8. Мурзин, Д. А. Корпоративная пресса: современные типологические концепции / Д. А. Мурзин : дис. ... канд. филолог. наук. — М., 2007. — 182 с.
9. Агафонов, Л. С. Корпоративная пресса: особенности функционирования, типологические характеристики и методика оценки эффективности / Л. С. Агафонов : автореф. дис. ... канд. филолог. наук. — М., 2008. — 24 с.
10. Сайт компании Миэль-недвижимость [Электронный ресурс]. — Режим обращения : www.miel.ru/lenta/detail/2486/ (дата обращения: 21.08.2011).
11. Хамидов, И. И. Место корпоративной прессы в современной таджикской журналистике / И. И. Хамидов : дис. ... канд. филолог. наук. — Душанбе, 2010. — 194 с.

РОМАШОВА Инна Петровна, кандидат филологических наук, доцент (Россия), доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики.
Адрес для переписки: romashova.inna@gmail.com

Статья поступила в редакцию 04.12.2014 г.

© И. П. Ромашова

УДК 821.161.1

П. В. ФИЛИМОНОВА

Омский государственный
педагогический университет

ОСОБЕННОСТИ СИМВОЛИКИ В МАСОНСКОЙ ПОЭЗИИ М. Н. МУРАВЬЕВА

Статья посвящена рассмотрению художественной символики в масонской поэзии М. Н. Муравьева, которая недостаточно изучена в отечественном литературоведении. В работе изучаются такие магистральные масонские символы и аллегории, как храм, завеса, могила, буря; проводится сопоставление стихотворных текстов М. Н. Муравьева и Г. Р. Державина на мотивном, сюжетном, образном и композиционном уровнях.

Ключевые слова: символ, масонство, свет в храме, покров, буря, могила.

Начало творческой деятельности М. Н. Муравьева (1770-е гг.) приходится на расцвет масонского движения в России. К этому времени «оставалось, вероятно, немного дворянских фамилий, у которых бы не было в масонской ложе близкого родственника» [1, с. 40]. В XVIII–XIX вв. масонские ложи «создали правящую сферу и сформировали весь корпус политиков и идеологов в государстве» [2, с. 361].

Представителей масонского братства отличало особое отношение к духовному знанию. Его непременно нужно было распространять, им нужно было обмениваться, но только в кругу посвященных, поэтому для популяризации масонского вероучения нужен был особый язык символов и аллегорий. С помощью такого языка создавались тексты масонской литературы, отражающие духовное совершенствование, обретение через мистику «сокровенной жизни в человеке, сокровенного смысла жизни вообще» [3, с. 107].

На становление творческой и личностной позиции Муравьева повлияли видные представители дворянской интеллигенции, входившие в состав масонского братства. Масон, общественный деятель и книгоиздатель Н. И. Новиков «вел с молодым поэтом беседы, которые "должны были привести Муравьева к тайнам масонства"» [4, с. 21]. Большое число поэтических текстов Муравьева посвящено представителям масонских лож.

Масонская литература характеризуется установкой на аллегоризм, на узнавание посвященным читателем масонского смысла аллегории, метафоры или символа. Черпая из различных культурных традиций аллегории и символы, масоны придавали им новое ценностное звучание. Часть образности, используемой в масонстве, восходит к библейской традиции.

Центральным символом в масонской литературе и в творчестве Муравьева служит образ храма, которому можно дать многогранное толкование:

1) место, где собираются масоны для проведения своих встреч и ритуалов;

2) духовный храм премудрости в человеческой душе, который строится благодаря взращиванию внутренних добродетелей, борьбе с человеческими пороками и слабостями, противостоянию искушениям окружающего мира;

3) мироздание, где все живое славит Создателя.

Сакральное пространство масонского храма противопоставлено профанному миру, наполненному опасностями и искушениями для духовно незрелой личности.

В масонской поэтической среде приобрела популярность духовная ода Г. Р. Державина «Бог» (1784), отражающая диалектический процесс богопознания и самопознания личности, предстоящей Творцу. Данная ода стала «текстом» русской культуры, с которым интертекстуально связаны многие произведения русских поэтов XVIII–XIX вв. Медитативная элегия М. Н. Муравьева «Божие присутствие» (дата создания неизвестна) органично включена в данный реминисцентный ряд.

Центральная идея медитативной элегии Муравьева «Божие присутствие» — внутреннее духовное совершенствование лирического субъекта, постижение таинства духовного бессмертия, несмотря на воздействие соблазнов и искушений профанного мира. Защитой от несовершенного мира становится масонский храм. Данный храм предстает и как пространственный образ, и как микрокосмос человеческой души («и сердце чисто храм его»), позволяющий приобщиться к «универсальным законам миропорядка и высшим силам бытия» [5, с. 362].

Прозрение божественной сущности мироздания и высших смыслов бытия позволяет преодолеть лирическому субъекту оковы физического тела («свободен грубой персти») и укрепить его на пути к духовному преображению («увижу славу божества»). В произведении Муравьева раскрывается благодатное преображение микро- и макрокосмоса: «Вселенной жизнь — присутство бога». В тексте «Божьего присутствия» проявлены этапы духовного совершенствования человека:

1) ликование от пришествия Бога на землю;

2) сердечное приятие Бога;

3) воцарение добра в человеческих сердцах;

4) возможность обретения вечной жизни с Богом, базирующаяся на христианском учении о бессмертии души и благодати;

5) встреча с Богом в загробном мире.

Бог в произведении Муравьева представлен как вечный и вездесущий. Данные библейские характеристики Творца являются ведущими и в духовной оде Г. Р. Державина «Бог»: «предвечный»; «пространством бесконечный»; «дух всюду сущий и единый». В хронотопе оды Державина «Бог» образно представлена онтологическая вертикаль: лирический вектор поднимается из самых глубин вселенной,

пересекает земную область и постепенно восходит к божественным сферам мироздания («океан глубокий», «пески», «лучи планет»), что позволяет лирическому субъекту ощутить исконную связь с мирозданием и его Создателем: «Я связь миров повсюду сущих». Акцентируя внимание на ничтожности всего сущего перед лицом Всевышнего, лирический субъект Державина заключает, что Бог, наполняющий собой мироздание, служит онтологической основой существования и становления личности: «Ты есь — и я уж не ничто». Религиозная диалектика в духовной оде Державина созвучна традиции псалмов: «Прибежище мое и защита моя, Бог мой, на Которого я уповаю» [6, Пс. 90:1]. Таким образом, лирический субъект духовной оды Державина осознает свое бессмертие и сопричастность горнему миру.

Проблема бессмертия развивается в произведении Муравьева в онтологическом, религиозном и этическом аспектах («не гибнет доброе деянье»). Мир, изображенный в тексте элегии, может быть трактован как возрожденный золотой век человечества, обретенный земной рай, жители которого достигли высшего предела совершенства:

Грядет всевышний между вас.
Все вышнего пределов полны [7, с. 245].

В произведении Муравьева доминирует мотив высоты, включенный как в сам корень лексем («воз***выс***ьте», «все***выш***ний, «***выш***него»), так и в семантику топонимов стихотворения (леса, горы). Мотив восхождения в произведении Муравьева органично связан с религиозной идеей обретения человеком полноты бытия. Но русский поэт дополнительно подчеркивает и то, что какого бы совершенства ни добился человек, он ничтожно мал перед Всевышним.

Земное пространство служит только временным пристанищем на пути к вечной жизни: «Могилы хладная дорога ведет в обитель жития». Русский поэт использует оксюморон, чтобы показать несовершенство земного бытия, преодолев которое, можно достигнуть духовного перерождения. Образ могилы служит аллегорией не только физической смерти, но и ограниченного земного мира. Истинный и более совершенный, по сравнению с земным миром, горний мир соотносится с образом бессмертной души, над которой не властны ни пространство, ни время.

Вместе с тем земной и горний миры не антитетичны в произведении Муравьева. Обретение гармонии между имманентным и трансцендентным мирами, сакральность каждой частички вселенной дополнительно подчеркиваются у Муравьева омофонической игрой лексем с семантикой божественности, всеединства, целостности («всевышний», «все вышнего», «пределов полны»). Поэтический текст «Божьего присутствия» утверждает идею, что вся земная жизнь должна быть посвящена непрерывному духовному совершенствованию, которое позволит обрести вечную жизнь и подлинную свободу души, постигшей божественные тайны мироздания: «Увижу славу божества».

Более глубоко идея духовного преображения и единения земного и небесного миров проявлена в оде Муравьева «Осьмнадесятый ныне раз» (1772), где представлено создание утопического государства, в котором Бог воцаряется в сердцах и умах людей. В полностью переродившейся вселенной исчезнет разделение земли и неба, будут стерты временные границы: «Отверзлись небеса и раздралась веков запона». Подобная христианская символика является ведущей в раскрытии эсхатологической картины мира. Символ «завесы» («запона»), во-первых, играет роль онтологической границы, во-вторых, обладает охранительным значением, в-третьих, раскрывает таинство богооткровения: «<...> Он вновь открыл нам через завесу, то есть плоть Свою...» [6, Евр. 10:20]. В пятой и последующих строфах Муравьев соединяет реалии современности и древних эпох, античной мифологии. Синтез различных культур позволяет создать универсальный хронотоп человеческой истории. Характерные для оды масштабность происходящего, значимость событий проявлены в лирическом зачине:

Осьмнадесятый ныне раз
Для счастья ***россов*** и покою
Настал желанный день меж нас... [7, с. 89].

Лексемы «счастье», «покой», «желанный» задают характерный для масонских текстов топос земного рая. Выбор более совершенного пути развития России связан в оде с образом нового Арго — мифического корабля, на котором, по преданию, аргонавты отправились на поиски золотого руна. Существующее мироустройство, современность представлены с помощью мрачных красок, зримых и осязаемых образов, холодными и темными тонами «туманов севера», «тьмы, мглы, смрада». В масонской традиции север символизирует мрак невежества. В тексте противопоставлены существующее и несовершенное («профанное») мироустройство и преображенная вселенная.

Переход души в высшие сферы бытия, ее приобщение к божественному миру представлены с помощью мортальной образности. Используя образные детали, характерные для кладбищенской поэзии (север, тьма, мгла, смрад, Эол), поэт детально воссоздает гибель старого мира. Муравьев обращается к античной мифологии, чтобы представить следующее за гибелью старого порочного мира возрождение духовно чистой вселенной. Любовь к смерти — основная масонская добродетель: «Культ "любви к смерти" переходил <...> в острые и жгучие ощущения почти физической сладости ее присутствия» [1, с. 198]. Причина такого принятия смерти масонами заключается в том, что она представлялась необходимым шагом на пути к вечности, к бессмертию, к абсолютной форме духовной жизни, к возвращению утраченного рая. В произведении Муравьева устраняются грани между прошлым, настоящим и будущим: временное сменяется вечным.

Более глубокое воплощение любовь к смерти как к переходу в новый более совершенный мир получает в лирическом тексте Муравьева «Буря» (дата создания неизвестна). Образ бури становится метафорическим воплощением преград и испытаний, которые приходится испытать человеку на жизненном пути. Защитой от испытаний становится божественный, охранительный покров. Для характеристики надвигающейся бури поэтом использованы экспрессивные колористические и акустические образы: «громы», «густая мгла». В масонской системе символов и аллегорий громы становятся воплощением испытаний и несчастий, влияющих на формирование духовного мира лирического субъекта; густая мгла олицетворяет мрак невежества и незнания, в котором пребывает душа лирического субъекта в профанном мире.

Образ бури введен в медитативной элегии Муравьева «Итак, опять убежище готово» (1780) с помо-

щью минус-приема: «Тишина не знает бури». Данный образ использован, чтобы представить гармонию, тишину и тихое свечение Софии, которое возникает в душе от ее единения с Божественным Абсолютом. Поэт усиливает экспрессивно-эмоциональное содержание фразы с помощью приема контраста («тишина» — «буря»), который необходим и для того, чтобы сопоставить несовершенный внешний мир и внутреннюю атмосферу масонского храма.

С этой же целью в тексте «Бури» использована похожая пара антонимов: «вселенной горе» — «покров». Осознание угрозы внутреннего несовершенства и необходимость духовного перерождения отражены в тексте через использование апокалиптических мотивов, символизирующих физические и духовные испытания, физическую смерть и духовное воскресение: «вселенной горе», «последний вздох».

При помощи схожей с текстом «Бури» системы контрастов построено послание Муравьева «К Хемницеру» (1776). Главная антонимическая пара данного послания («спокойствие» — «буря») использована в контексте размышления, отражающего стремление лирического субъекта к духовному спокойствию и гармонии. Антитезы, использованные в тексте, отражают противостояние мятущейся души, вставшей на путь совершенствования, мнимому спокойствию и неведению тех, чье духовные очи еще не открыты («видит бездну» — «видят трон»). С мотивом духовного совершенствования в тексте связано также противостояние города и деревни, мирского и сущностного. Другой мотив, использующийся в тексте, — мотив обретения истинного спокойствия и твердой почвы под ногами, соотнесенный с образом странствующего пловца, желающего укрыться от бури.

В литературной традиции образ странника служит воплощением мятущейся в дольнем мире души, устремленной к самопознанию и богопознанию, — ключевой в русской культуре. Так, в лирическом тексте Г. Р. Державина «Буря» (1794) странствующий пловец, оберегаемый рукой Всевышнего, символизирует беззащитность человека перед судьбой. Судно служит метафорой земной жизни, камни — метафорой испытаний, встречающихся на пути. Позднее, в балладе В. А. Жуковского «Младенец» (1815) защитой от испытаний, приносимых бурей, становится духовная чистота: «Их невинность и не знает».

Итак, в ключевых символах, метафорах и аллегориях поэзии М. Н. Муравьева преобладает семантика, связанная с испытанием (буря, мрак, могила). Они создают испытания на пути лирического субъекта к Божественному Абсолюту. В то же время для поэта частотны символы и аллегории, раскрывающие охранительную сферу мироздания (храм, свет, покров). В художественной картине мира Муравьева мы видим, с одной стороны, противопоставление земного и небесного миров, временного и вечного, с другой — стремление к их синтезу. Символика лирики Муравьева органично связана с традициями христианской культуры, ее эсхатологией.

Библиографический список

1. Вернадский, Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II / Г. В. Вернадский. — СПб. : Новиков, 1999. — 576 с.
2. Острецов, В. М. Масонство, культура и русская история / В. М. Острецов. — М. : Крафт+, 2004. — 714 с.
3. Зеньковский, В. В. История русской философии. Т. I. Ч. I / В. В. Зеньковский. — М. : Акад. проект, 2001. — 879 с.
4. Кулакова, Л. И. Н. И. Новиков в письмах М. Н. Муравьева /Л. И. Кулакова // Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. — Л. : Наука, 1976. — С. 16—23.
5. Хализев В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. — М. : Высш. шк., 2002. — 437 с.
6. Библия: книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. — М. : Российское Библейское общество, 2000. — 1338 с.
7. Муравьев, М. Н. Стихотворения / М. Н. Муравьев. — Л. : Советский писатель, 1967. — 226 с.
8. Державин, Г. Р. Стихотворения / Г. Р. Державин. — Л. : Художественная литература, 1981. — 285 с.

ФИЛИМОНОВА Полина Владимировна, аспирантка кафедры литературы и культурологии.
Адрес для переписки: P_Filimonova@mail.ru

Статья поступила в редакцию 27.01.2015 г.
© П. В. Филимонова

Книжная полка

Тихонова, Е. В. English for Radioengineering Students : учеб. электрон. изд. локального распространения : учеб. пособие / Е. В. Тихонова, Е. В. Янушкевич. — Омск : ОмГТУ, 2014. — 1 о=эл. опт. диск (CD-ROM).

Учебное пособие содержит оригинальные тексты по специальности на английском языке для студентов 1—2 курса радиотехнического факультета. Каждый раздел (Unit) содержит познавательный материал для обучения чтению, переводу, тексты для аннотирования, развития навыков разговорной речи по своей специальности, а также тестовые вопросы к текстам. В конце пособия даются дополнительные тексты для самостоятельной работы, краткий грамматический справочник.

Грамматика английского языка. Наличные формы глагола : учеб. пособие / Л. К. Кондратюкова [и др.]. — 2-е изд., стер. — Омск : ОмГТУ, 2014. — 162 с. — ISBN 978-5-8149-1886-4.

Учебное пособие включает более 250 упражнений по неличным формам глагола в английском языке, большое количество примеров и таблиц, позволяющих успешно применять сопоставительную методику с опорой на родной язык. Дополнено теоретическим материалом и приложением. Особое внимание уделено грамматическим конструкциям, не имеющим аналогов в русском языке. Предназначено для студентов, магистров и аспирантов технических и гуманитарных специальностей, а также студентов неязыковых вузов с углубленным изучение английского языка.

УДК 130.2:74

Л. М. ДМИТРИЕВА
П. А. БАЛЮТА

Омский государственный технический университет

ТОТАЛЬНЫЙ ДИЗАЙН СОВРЕМЕННОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

В статье рассматривается проблема тотального характера дизайна и его влияния на культуру, экономику, образ жизни человека. Статья дает представление о том, как взаимодействует эстетическое, утилитарное и коммерческое в современных продуктах дизайна. Показывается, что тотальный характер распространяется не только на дизайн как деятельность, процесс и результат, но и на область компетенций самого дизайнера.

Ключевые слова: тотальный дизайн, культура, экономика, предметы дизайна.

Исследование феномена дизайна в системе современного социокультурного пространства вызвано необходимостью осмысления его интенсивного развития в постмодернистскую эпоху фундаментального изменения смыслов, значений, ценностей и мировоззрения. Дизайн интенсивно внедряется во все сферы жизни общества, преобразовывая культуру, экономику, политику, изменяя образ жизни человека, его отношение к миру, предметной среде, к себе и другим людям. Зависимость дизайна от общих тенденций развития культуры обоснованно считается несомненной. Однако вопрос «Создала ли Америка кока-колу? Или же кока-кола создала Америку?» [1, с. 87], который ставит дизайнер Брюс Мау, выполняя заказ на разработку проекта частного музея компании Coca-Cola, заставляет задуматься и об обратной зависимости. Из вида деятельности по оформлению функции и проектированию эстетических свойств промышленных изделий дизайн превращается в социально-культурный способ общественного взаимодействия, одновременно являясь субъектом, объектом и самим действием.

В современной культуре дизайн приобретает тотальный характер. Являясь частью повседневности, он постоянно преобразовывает среду, не в смысле ее художественного оформления, но ее проектирования и определения основных направлений осуществления жизнедеятельности человека. Через созданное пространство, дизайнеры транслируют новые нормы и ценности, стандарты поведения и потребления, и в целом жизненные модели, всегда оказывающие влияние на находящегося в системе тотального дизайна человека, но не всегда им это осознающего.

Современная эпоха только продолжает фазу тотального дизайна, начало которой было положено еще стилем ар-нуво, а активное развитие и оснащение происходило в период деятельности школы «Баухауз». Сегодня тотальный дизайн провозглашает тенденцию «универсальной семантизации окружения, где все становится предметом исчисления функций и значений» [2, с. 4]. Эстетическое и утилитарное в дизайне теперь рассматривается в соотношении с коммерческим, практически полностью все поглощающим. Привычный список объектов дизайна расширяется в различные сферы, таковыми становятся не только архитектурные и художественные проекты, что становится вполне распространенной практикой, но и услуги, сервисы и даже человеческое тело. В своих проектах дизайнеры используют весь доступный спектр постиндустриальных технологий, нарушая автономию отдельных видов деятельности.

Тенденция тотальности распространяется и на область компетенций самого дизайнера. Так, Американский институт графического искусства на своем сайте опубликовал список того, что должен уметь дизайнер к 2015 году. Этот список включает: владение новыми технологиями; умение руководить глобальными проектами и проводить социально-экономический анализ; понимание вопросов, связанных с когнитивными, социальными, культурными, технологическими и экономическими условиями проектирования; понимание роли физических, познавательных, культурных и социальных человеческих факторов, влияющих как на процесс дизайна, так и на результат [3]. Таким образом, дизайн больше не ограничивается только воплощением визуального образа, он развивается в область сервис-дизайна, применяющего дизайн-мышление для решения проблем потребителей как в вопросе быстрого и удобного обеспечения необходимыми товарами и услугами, так и в улучшении социальных условий различных групп населения. Теперь дизайн обращается не только к объектам и технологиями, но к человеку, услугам, в которых он нуждается, и к окружающей среде вообще. Сегодня воздействию дизайна подвержены совершенно различные типы коммерческих предприятий: от крупных корпораций вроде Facebook или Google до локального частного бизнеса. Наступило время, когда не нужно принадлежать к высшим слоям общества, как это было в начале XX века, чтобы владеть объектами дизайна.

Конечно, тотальный характер дизайна не является изобретением XXI века. Подобное слияние эстетического, утилитарного и коммерческого вполне соответствует дизайнерской программе Баухауза 1920-х годов. Именно Баухаузом был выработан стиль второй промышленной революции, которая в отличие от первой, сформировавшей рациональную теорию материального производства и политическую экономию, распространила систему меновой стоимости на всю область знаков, форм и предметов. Как отмечает Жан Бодрийяр «до Баухауза не было предметов

в собственном смысле этого слова, а после него все что угодно, подчиняясь необратимой логике, попадает под категорию предмета и производится в качестве него» [4, с. 189]. Попытки определить критерии, по которым можно было бы относить что-либо к предметам, оцениваются Бодрийяром как «пустое занятие». Он утверждает понимание предмета как «статуса смысла и формы», логическое наделение которыми позволяет причислять к предметам «все: и дом, и маленькую ложку и даже целый город». По Бодрийяру: «именно Баухауз внедряет такую универсальную семантизацию окружения, в которой все становится предметом исчисления функций и значений. Тотальная функциональность, тотальная семиургия» [4, с. 190]. Сегодня существующие предметы дизайна группируются в более широкие области, объекты дизайна, которыми также могут стать любые новые изделия, ансамбли, комплексы, системы в любой сфере жизнедеятельности общества. В качестве этих объектов выступают категории действительно всеохватывающие: образы, функции, строения и структуры, технологические формы, эстетические ценности.

По Бодрийру политическая экономия знака подразумевает также взаимопреобразование структур товара и знака, что означает их совместное существование в качестве единой сущности — товаров-образов, имеющих знаковую меновую стоимость. В мире тотального дизайна все приобретает черты товара, в котором сливается эстетическое, утилитарное и коммерческое. За счет открытия новых рынков и возможности непрерывного обновления, товары заполняют все существующие пространства и попадают в различные слои общества, становясь массовыми с количественной точки зрения. При этом некоторым, как, например, смартфонам корпорации Apple, удается казаться модными, персонализированными и адресованными узкому кругу покупателей. Сегодня товары не просто являются ответом на существующий спрос, но сами его и рождают, конкретизируя желания и облекая их в форму, необходимую для персонализации и поиска в товарах собственного «Я». Непрерывная персонализация и активное внедрение не только в предметную среду, но и в области желаний и образов, подчеркивает постоянное развитие дизайна в сторону тотальной всеохватности.

Вслед за Бодрийром Хэл Фостер, автор книги «Дизайн и преступление», в некоторой степени сохраняя на протяжении всей книги негативное отношение к подобной коммерческой экспансии дизайна, говорит о наступившей эпохе политической экономии дизайна. Дигитализация и компьютеризация замещает товар как производимый предмет, набором управляемых и программируемых параметров, подвергаемых дизайну и редизайну и, соответственно, потреблению и повторному потреблению. Такое переоснащение экономики позволяет говорить о том, что дизайн перестает быть вторичным по отношению к маркетингу или рекламе и становится фундаментальным для многих сфер общественной жизни.

Хэл Фостер также рассматривает ряд работ студии дизайна Брюса Мау, наиболее полно раскрывающие тотальный характер дизайна. В качестве одного из примеров можно привести книгу «Стиль жизни», раскрывающую историю студии и ее достижения в исследовании проблем дизайна. При этом под «стилем жизни», понимается не форма художественного самоопределения, но скорее основанный на определенных закономерностях способ, образ жизни и действий, жизненная этика. Книга ставит вопрос о том, «каким образом живой организм утверждает свое существование в окружающем пространстве?» [1, с. 97], ответ кажется очевидным — посредством дизайна, что позволяет говорить о «дизайне жизни».

Преобразование пространства посредством дизайна может рассматриваться с различных точек зрения. Во-первых, построение пространства по образу товара и представление их в качестве единой сущности, реализуемое в реальных и виртуальных торговых центрах. Спроектированная студией Брюса Мау программа идентичности для сети книжных магазинов в Торонто наглядно показывает дизайн как средство проектирования пространства, в частности, коммерческой среды, в которой идентичность бренда, система указателей, интерьер и архитектура тотально интегрированы. В другом проекте студии, дизайне графического обеспечения для нового корпуса Сиэтлской публичной библиотеки, спроектированной Ремом Колхасом, реализуется иной способ преобразования пространства, о котором Мау говорит: «Основная идея заключалась в том, чтобы ослабить границы между архитектурой и информацией, реальным и виртуальным» [1, с. 98]. Происходит стирание границ между образом и пространством: с помощью современных компьютерных систем проектирования архитектуры можно воплотить практически любой образ. Например, сложные, искривленные, биоморфные работы Френка Гери показывают максимальные возможности современных технологий в детерриториализации и интеграции образа и пространства. В данном случае тотальность можно понимать как цельность образа, формы и пространства.

Изложенные выше примеры показывают, что тотальный дизайн создает целостные образы, встраиваемые в определенные модели реальности и распространяющиеся во все сферы жизнедеятельности человека. Таким образом, важно осознавать, что от качества транслируемых дизайном норм, ценностей, стандартов поведения и потребления зависит возможность улучшения существования каждого человека и общества в целом.

Библиографический список

1. Фостер, Х. Дизайн и преступление / Х. Фостер ; пер. с англ. Д. Потемкина. — М. : V-A-C press, 2014. — 208 с.

2. Чижиков, В. В. Дизайн и культура / В. В. Чижиков. — М. : МГУКИ, 2006. — 361 с.

3. Designer of 2015 competencies [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.aiga.org/designer-of-2015-competencies/. — Загл. с экрана (дата обращения: 24.01.2015).

4. Бодрийяр, Ж. К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр. — М. : Библион—Русская книга, 2003. — 272 с.

ДМИТРИЕВА Лариса Михайловна, доктор философских наук, профессор (Россия), заведующая кафедрой «Дизайн и технологии медиаиндустрии», действительный член Академии гуманитарных наук, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.
Адрес для переписки: dmlara@yandex.ru
БАЛЮТА Полина Андреевна, ассистент, аспирантка кафедры «Дизайн и технологии медиаиндустрии».
Адрес для переписки: polina.balyuta@mail.ru

Статья поступила в редакцию 03.03.2015 г.
© Л. М. Дмитриева, П. А. Балюта

УДК 141.2

Е. А. ЦВЕТУХИНА

Омский государственный технический университет

ПРОБЛЕМА БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА В ФИЛОСОФИИ М. ХАЙДЕГГЕРА

Стараясь идти в ногу со временем, современная философия вполне справедливо сосредотачивает свое внимание на проблемах, порожденных новой техногенной цивилизацией. Но такой подход демонстрирует забвение онтологической и метафизической проблематики, что, на наш взгляд, при выстраивании проектов будущего человечества, стратегически неверно. В статье представлен авторский взгляд на философию М. Хайдеггера. Автор стремится проанализировать уровни бытия, выделяемые немецким мыслителем, а также сопоставить их с сущим, выявив характер их взаимоотношений.

Ключевые слова: бытие, сущее, мышление, онтологическое, онтическое, повседневное.

Различение между бытием (Dassein) и сущим (Das seined) есть основа философии Мартина Хайдеггера: «Присутствие есть сущее, которое не только случается среди другого сущего. Оно, напротив, онтически отличается тем, что для этого сущего в его бытии речь идет о самом этом бытии. К этому бытийному устройству присутствия, однако, тогда принадлежит, что в своем бытии оно имеет бытийное отношение к этому бытию. И этим опять же сказано: присутствие понимает каким-то образом и с какой-то явностью в своем бытии. Этому сущему свойственно, что с его бытием и через него это бытие ему самому разомкнуто. Понятность бытия сама есть бытийная определенность присутствия. Онтическое отличие присутствия в том, что оно существует онтологично» [1, с. 12].

Согласно этому видению, тезис Парменида «сущее есть» определяет сущее как то, что только через познание и осознание может быть дано нам. Причем это данное может являться лишь как очевидность самосознания, ясное и понятное видение. И, тем не менее, как очевидное одного человека сущее выделяется во вне этого человека как его личное и уникальное мнение. Сущее — это то, что наличествует, присутствует, ощущается нами, мыслится нами. Все вещи, в том числе и мы сами, — все это сущее. Это самое базовое отношение к миру. С бытием другая история. Дело в том, что когда мы рассматриваем бытие в сопоставлении с сущим, через сущее и самим этим сущим, мы превращаем его тем самым в сущее. Что, естественно, еще больше удаляет нас от бытия.

Философия Мартина Хайдеггера есть фундаментально-онтологическое отношение к миру. С этой позиции история человечества и смысл существования человека напрямую зависит от того, какое место в этой истории занимает вопрос о бытии. Как бытие дает о себе знать сквозь время? Причем не априорное кантовское время и тем более не позитивистское время. У Хайдеггера бытие есть время и время есть бытие: «Экзистенциально-онтологическое устройство целости присутствия основывается во временности. Поэтому исходный способ временения самой экстатичной временности должен делать возможным экстатичный набросок бытия вообще» [1, с. 437]. Такое онтологическое понимание времени дает нам особый взгляд на человека: тот, кто был, тот есть, а тот, кто ушел, того и не было. Хайдеггер подчеркивает качественное отличие сущего, оно не существует без говорящего, без субъекта, без представления о нем самом. Сущее обладает модусом «яйности», и разное проявление этого модуса Я определяет отношение сущего и бытия. На этом фоне индивидуальность только и может иметь дело с сущим как присутствие, то есть быть «при сути». Подлежащее в этом плане находится под, хотя и определяет.

Мышление человека и его язык — способ существования и место бытия. Поэтому об эпохе и о человеке бытие судит по тому, каким содержанием они его наполняют: «Всякая онтология, распоряжайся она сколь угодно богатой и прочно скрепленной категориальной системой, остается в основе слепой и извращением самого своего ее назначения, если она прежде достаточно не прояснила смысл бытия и не восприняла это прояснение как свою фундаментальную задачу» [1, с. 11]. Только мыслящий о бытии человек достоин быть при сути, составлять историю бытия.

Однако тенденция повседневности вырисовывается в контурах «толков», но не языка: «И поскольку говорение утратило первичную бытийную связь с сущим, о котором речь, соответственно никогда ее не достигало. Оно сообщает себя не способом исходного освоения этого сущего, но путем разносящей и вторящей речи» [1, с. 168]. Вся западно-европейская история философии представляет собой историю забвения бытия. Великим началом философии Хайдеггер считает философию досократиков, которая зиждется на двух принципах: φύσις (фюзис — рост, порождение, принесение плодов, приведение к наличию, выталкивание, как то: земля, вода, огонь, апейрон) и λόγος (логос — пожинать, осмысливать). Здесь бытие мыслится предшествуя сущему. Бытие дано как αλήθεια (алетейя — несокрытое, истина). Это греческое мышление об истине бытия как о несокрытости бытия, данного феноменологически через фюзис. У Парменида это ясно, когда он говорит о единстве бытия, о шаре бытия.

Началом забвения бытия Хайдеггер считает философию Платона, который подменил бытие как фюзис бытием как идеей. Платон поставил человека не перед бытием, но перед идеей. И если у досократиков человек в мире являлся мыслящим сущим среди другого сущего, то у Платона уже человек больше не в мире, он предпоставлен миру и мир

предстоит ему. Он больше не ищет вещь, он ищет идею. И главной претензией Хайдеггера к Платону есть то, что таким образом он сравнял идею с бытием.

Далее фундаментальная история бытия складывается по образу идей Платона и Аристотеля и существенных успехов в постижении самого бытия так и не достигает. Собственно средневековая философия фундаментально-онтологически ничего не меняет и лишь немного дополняет в своем ключе сказанное Платоном так, что понятие бытия становится катафатически неопределимо и вообще приобретает форму сущего.

Другое дело — Декарт. У него проявляется с предельной ясностью то, что привнес Платон. Когда Декарт обосновывает свое учение о субъекте и объекте, появляется онтологическое определение бытия через мышление. Бытие становится продуктом рассудочной деятельности. Это путь представления, но не очевидности. Человек все больше удаляется от бытия. Между человеком и бытием образовывается пропасть, которую человек заполняет своими представлениями. Человек создает рукотворное сущее, которое, как он считает, ближе к его представлению. Мышление, суть которого в понимании сущего как есть, феноменологически, начиная с Платона, представляет собой самоубийственную стратегию развития рода человеческого, который преобразует мир таким образом, чтобы мира не было для человека и не было человечества в мире. Это главная проблема сущего. Если у Платона сущее теряет бытие, то у Декарта сущее превращается в нечто произведенное. И в итоге Ницше констатирует, что, кроме субъекта, ничего не осталось, бытие уже и не идея, а лишь спекулятивная ценность.

Хайдеггер предлагает вернуться к философии досократиков: «Если для самого бытийного вопроса должна быть достигнута прозрачность своей ему истории, то требуется расшатывание окостеневшей традиции и отслоение наращенных ею сокрытий. Эту задачу мы понимаем как проводимую по путеводной нити бытийного вопроса деструкцию наследованного состава античной онтологии до исходного опыта, в каком были добыты первые и с тех пор ведущие определения бытия» [1, с. 22]. Лейтмотив философии Хайдеггера, что труд и производящее, поставляющее мышление, начавшись в Древней Греции, постепенно преобразует отношение человека к миру и ставит под вопрос способность человеческого рода к бессмертию и выживанию в конфликтах между самими людьми.

Мышление современного человека имеет поставляющий характер. Ключевым аспектом отношения с реальностью становится действие. Действие, обусловленное поставляющим характером мышления, раскрывает стиль отношения современного человека к миру. Если прежде постав и его производящая суть существовали для жизни, то теперь рациональность столкнулась с тем, что находится на грани катастрофы. Приручив природу и безгранично используя ее ресурсы, человек, наконец, стал видеть в ней сокровище. Сменившийся акцент понимания природы как сокровища предполагает борьбу за него.

В результате сущее раскололось на изолированные самодостаточные миры, отключенные от всеобщего. В основании такого положения дел лежит поставляющий характер человеческого действия, которое также стремится приручать и подавлять, но теперь, акценты ставятся другие. Постав теперь мыслится не в категории «жизни», но в категории «выживания».

Так, у Хайдеггера можно выделить три уровня отношения к постижению мира: 1) повседневность, которая подставляет на место человека цели вещей, которыми человек себя окружает; 2) онтический, как сопоставление одного конкретного сущего с другим конкретным сущим, мышление в его поставляющей сути; 3) онтологический, как попытка осмыслить сущее и бытие в целом, как различение бытия и сущего. Отчуждения первого уровня означает отсутствие человека. Второй уровень по отношению к первому безусловно присутствием обладает. Однако приобретение присутствия путем включения производства как подоплеки обыденности дистанцирует от обыденности и снимает отчасти отчуждение обыденности, но не является фактом, что состояние человека в поставе есть неотчужденное. Это тоже отчуждение, но иное. Причем сам по себе труд в поставе воспринимается как жесткое отчуждение, но когда он включается эпизодически, как выход из обыденности, то дает эффект результативности мышления и отчуждение, ей имманентное, незаметно. Третий уровень есть состояние подлинности, которое дает неотчужденное бытие человека.

Таким образом, сущее проявляется трояко: в обыденности, поставе и подлинности на уровне повседневности, онтики и онтологии соответственно. Само сущее меняется в зависимости от уровня проявления. Проявление сущего неразрывно связано с характером отчуждения, собственно уровни бытия человека выделены именно структурами отчуждения человека. Уровень отчуждения обыденности таков, что даже эпизодическое пребывание в нем отчуждает от человека само присутствие, уровень постава полагает присутствие, но при этом не видим как отчуждение, если дан как эпизодичное бытие: «С потерянностью в людях о ближайшем фактичном умении присутствия быть — о задачах, правилах, масштабах, настоятельности и размахе озаботившегося-заботливого бытия-в-мире — всегда уже решено. Овладение этими бытийными возможностями люди с присутствия всегда уже сняли. Люди даже утаивают совершенное ими молчаливое избавление от отчетливого выбора этих возможностей. Остается неопределенным, кто "собственно" выбирает. Эту невыбирающую ничью тоже-захваченность, через какую присутствие увязает в несобственности, можно опрокинуть только так, что присутствие намеренно вернет себя из потерянности в людях назад к самому себе. У этого возвращения, однако, должен быть тот способ бытия, через упущение какого присутствие потерялось в несобственности. Возвращение себя назад из людей, т.е. экзистентное модифицирование человеко-самости в собственное бытие-самостью должно происходить как наверстание выбора. Но наверстание выбора означает избрание этого выбора, решимость на способность быть из своей самости. В избрании выбора присутствие впервые позволяет себе свою собственную способность быть» [1, с. 268].

Что касается подлинности, то, возможно, оно имеет атрибут быть неинтересным, непривлекательным как действительная и полноценная жизнь, что является парадоксом в современной культуре, в которой привлекательно только отчужденное, которое про себя глаголет, подлинное же отходит в тайное, скрытое, интимное и прячется от света рамп. Однако, несмотря на неинтересность и непривлекательность подлинности, она является истинным счастьем, и пребывание в ней дает человеку неизбывное наслаждение, которое не кончается по мере достижения этого состояния, более того, подлинное дает человеку

силы переосмысливать себя и человека, дает силы создавать и искать новое, почему человек и оказывается в подлинном редким гостем.

Проблема человека в том, что он ищет себе пристанище в этом поставленном сущем, неподлинном бытии, которое ориентировано на демонстрацию себя. Демонстрируя себя, человек показывает не себя, привлекает других не собой, а чем-то ускользающим, которое по мере профессионализации этой демонстрации исчезает все более надежно. Осмысление подлинности идет не от человека, а от поставленного им, происходит подмена подлинного.

Поставляющее мышление, по сути, означает прирученность мысли, прирученность в категориях и правилах ручного труда. Что касается вещи, то ее обработка делает вещь ручной, но не естественной, тут появляется мастер как присутствие, но не вещь. Так и человек при обработке становится мастером самого себя, он приручает себя, это и есть постав. Но естественно ли ему такое? Хайдеггер говорит об оттягивании и ускользании подлинности от человека и тяге человека к подлинности.

Библиографический список

1. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. — М. : Акад. проект, 2011. — 460 с.

ЦВЕТУХИНА Екатерина Андреевна, ассистент кафедры философии и социальных коммуникаций. Адрес для переписки: kat.kalach@mail.ru

Статья поступила в редакцию 29.01.2015 г.
© Е. А. Цветухина

УДК 130.2:74(09)

П. А. БАЛЮТА

Омский государственный технический университет

ОБЗОР ДИЗАЙН-ИССЛЕДОВАНИЙ 1960-х ГОДОВ

Данная статья посвящена изучению дизайн-исследований 1960-х гг., периоду, когда впервые дизайн становится предметом научного интереса исследователей, представляющих различные области знания. Дается представление о первых научных конференциях, посвященных дизайну, а также раскрываются основные проблемы, с которыми сталкивались исследователи дизайна того времени. Кроме того, в статье анализируется ряд определений дизайна, в которых он предстает как вид деятельности, процесс и результат, а также показывается процесс формирования идеи дизайна как отдельного предмета исследования.

Ключевые слова: дизайн, дизайн-исследование, методы дизайна.

В рамках дисциплин, связанных с дизайн-исследованием, и дисциплин, которые тем или иным образом имеют отношение к дизайну, всегда осуществлялось большое количество попыток осмысления дизайна как вида деятельности, процесса и результата. Первая волна публикаций в этой области приходится на начало 1960-х годов, хотя интерес к дизайну возник гораздо раньше. Подробному исследованию ранних теорий дизайна посвящен ряд научных трудов В. Л. Глазычева, раскрывающих суть западных теорий дизайна 1930-х гг. XX века [1, с. 41—86]. Так как данные теории скорее раскрывают авторские представления о дизайне, чем дают четкие дефиниции и методологию, а также носят описательный характер и направлены на осмысление в большей степени практики дизайна, то представляется возможным опустить их и посвятить данную статью периоду, когда дизайн становится предметом именно научного интереса, то есть 1960-м гг. XX века. Кроме того, важно отметить, что в связи с появлением в открытом доступе в сети Интернет ряда англоязычных источников, оказалось возможным ввести их в научный оборот для более полного представления истории изучения дизайна.

Первая конференция, посвященная методам дизайна, состоялась в 1962 г. в Англии и включала доклады, освещающие различные аспекты изучения дизайна. На этой конференции не уделялось особого внимания разъяснению основных вопросов, например, что для разных ее участников означает понятие «дизайн», и казалось, что участники и организаторы способны проводить обсуждения на любом уровне, с любым содержанием, но при условии, что речь идет о проектировании или планировании какой-либо технологии. Позже Джон Кристофер Джонс, один из организаторов конференции, прокомментировал это утверждение: «на тот момент достаточно было знать, что дизайн — это то, что архитекторы, инженеры, промышленные дизайнеры и др. делают для того, чтобы производить чертежи, необходимые их клиентам и производителям» [2, с. 53—74]. В предисловии к сборнику трудов этой конференции Питер Слан, утверждает, что собранные тексты можно рассматривать как совокупность произведений начальной стадии дизайн-исследования, служащие для проверки наличия и качества основы, на которой будет происходить дальнейшее развитие [2, с. 43]. Очевидно, на тот момент этого было достаточно, хотя мало что указывает, что участниками конференции 1962 года были решены проблемы эпистемологии и семантики дизайна.

В следующем году в США Кристофером Александером была опубликована первая докторская диссертация, посвященная методам дизайна, названная «Заметки по синтезу формы» [3]. В диссертации К. Александер приводит подробное описание детер-

минированного метода расчета процесса и результатов. Он рассматривает дизайн, как деятельность по нахождению соответствия формы и ее контекста и использует несоответствие между формой и контекстом в качестве основы для вероятностной процедуры, с помощью которой можно разложить проблему на маленькие разрешимые схемы. К. Александер выделяет те схемы, которые взаимодействуют друг с другом, тем самым разделяя проблемы на группы и решая их покомпонентно [4, с. 47—53].

После конференции 1962 г. исследование дизайна продолжается быстрыми темпами. Так, в 1964 г. состоялся Международный семинар дизайнеров в Брюгге, на котором они попытались преодолеть расхождение во взглядах и суждениях по поводу целей и задач дизайна, сформулировав следующее определение: «дизайн — это творческая деятельность, целью которой является определение формальных качеств промышленных изделий. Эти качества включают и внешние черты изделий, но, главным образом, структурные и функциональные взаимосвязи, которые превращают изделие в единое целое, как с точки зрения потребителя, так и с точки зрения изготовителя» [5, с. 7]. Во многих современных интернет-источниках и в некоторых учебных пособиях по теории и практике дизайна, именно это определение считается основным, а дальнейшие рассуждения строятся на его основе. Однако данное определение сложно сопоставить с действительной практикой, которая показывает, что нет оснований считать продуктами дизайна только вещи и промышленные изделия, поэтому исследователи не останавливаются на данном определении, а продолжают работать над более полноценным и раскрывающим все аспекты дизайна определением.

Существенный прогресс достигается к 1965 г., когда в Астонском университете в Бирмингеме (Великобритания) состоялась конференция «Методы дизайна», объединившая работы исследователей, попытавшихся разработать современный им уровень описания этой новой области. Статья Сидни Грегори, организатора конференции, впервые представила идею «дизайна как науки». На этой конференции прозвучали доклады как по дизайн-исследованию, так и по методам дизайна, используемым в различных прикладных дисциплинах. Работы, представленные на этой конференции, показывают, что исследователи дизайна, с одной стороны, разрабатывали методики, направленные на улучшение результатов проектирования, а с другой — надеялись обнаружить теоретическую основу для автоматизации процесса дизайна [6, с. 35—38].

На этой конференции Дж. К. Джонс представил обзор исследований на основе группировки определений дизайна того времени в следующие категории:

— дизайн как творческая деятельность;

— дизайн как шаблон для тиражирования товаров или услуг;

— дизайн как воспроизведение и моделирование;

— дизайн как работа по созданию будущего с помощью элементов настоящего;

— дизайн как работа, связанная со сложностью и неопределенностью;

— дизайн как научная деятельность;

— дизайн как процесс [7, с. 295—310].

Определения дизайна, возникшие во время работы конференции 1965 г., были многоаспектны. Например, Р. Дж. МакКрори определял дизайн с точки зрения этики, науки и техники: «дизайн — это процесс выборочного применения полного спектра достижений науки и техники, целью которого является получение конечного результата, служащего полезной цели» [8, с. 11—18].

Так же как и Р. Дж. Маккрори, Эрнст Эдер не отделяет науку от дизайна и дает следующее определение: «дизайн — это использование научных принципов, технической информации и воображения в определении механической структуры, машины или системы для выполнения заранее заданной функции с максимальной экономией и эффективностью». В то же время Э. Эдер подчеркивает человеческий аспект дизайна, утверждая, что, «в сущности, именно эта человеческая способность, а именно воображение, и называется дизайном» [9, с. 19—31].

Как редактор сборника научных трудов конференции 1996 г. «Метод дизайна», Сидни Грегори представил материал, в котором он проанализировал работы других участников и указал на очевидные концептуальные недостатки. Таким образом, он объединил разные области дизайна и предложил следующее определение: «дизайн — это планирование, направленное на удовлетворения человеческих потребностей» [10, с. 35—38]. Позже Грегори отдал предпочтение процессно-ориентированному определению дизайна, сосредоточив внимание на дизайне как психологическом и социологическом процессе.

В 1969 г. издательство Массачусетского технологического института опубликовало второе издание книги Герберта Саймона «Науки об искусственном». Основываясь на проведенных исследованиях в области искусственного интеллекта, автор по-новому рассматривает вопросы теории инженерного проектирования, в результате чего тематические области общественных наук попадают в центр внимания теории дизайна. В отличие от активно выраженного рационализма информатики, который лежит в основе большей части работ Г. Саймона, его понимание дизайна выходит за рамки чисто технического. Он утверждает, что деятельность, связанная с дизайном, является ядром профессиональной подготовки во всех областях. Кроме того, он считает, что каждый является дизайнером, кто разрабатывает действия, направленные на изменение существующих ситуаций в сторону более предпочтительных. Данное Г. Саймоном определение дизайна подразумевает, что дизайн является человеческой деятельностью, которая охватывает проблемные области, и поддерживает аргументы в пользу того, чтобы не связывать дизайн с какой-либо конкретной предметной областью [11, с. 70—73].

Роль зависимости или независимости определения дизайна от конкретной области широко исследуется в литературе этого десятилетия, так как одной из характерных черт дизайн-исследования того времени являлось описание его теми терминами и понятиями, которые используются в той или иной области. Эта тенденция рассматривается в работе Эрнста Эдера и иллюстрируется моделью проектирования из области электротехники, принятой в качестве основы для планирования и организации конференции 1965 г. [12, с. 19—32].

За первое десятилетие исследования современного дизайна многие авторы, в дополнение к уже упомянутым, внесли важный вклад как в обновление традиционной инженерной практики с помощью новых методов проектирования, так и в продвижении нового взгляда на дизайн. Например, У. Г. Миддендорф рассматривает дизайн в самом широком смысле как «деятельность, в которой используются различные методы и научные принципы для принятия

решений, касающихся выбора материалов и размещения этих материалов с тем, чтобы сформировать систему или устройство, которое будет удовлетворять набору указанных и подразумеваемых требований» [13, с. 15]. Широкое определение У. Г. Миддендорфа кажется ограниченным и устаревшим в сравнении с определениями Дж. Джонса и Г. Саймона, однако в его основе лежит утверждение, что дизайнеры при проектировании должны рассматривать всю жизнь продукта, то есть сырье, конечный продукт, продукт в использовании, а также его утилизацию. Эта концепция предшествовала современному акценту на экологически осмысленном дизайне, основанном на анализе жизненного цикла продукта длиною в четверть века.

В течение 1960-х гг. исследовательские подходы в дизайне стали общими в Европе и США. Сначала в апреле 1966 г. в Ульме была проведена конференция «Преподавание дизайна — методы дизайна в архитектуре», а затем в 1967 г. в Портсмуте состоялся симпозиум «Методы дизайна в архитектуре». Оба события были организованны Джеффри Броадбентом и Энтони Вардом и раскрывали существующие подходы к исследованиям в дизайне. Дж. Броадбент прокомментировал симпозиум следующим образом: «Симпозиум 1967 г. состоялся в особый момент истории, когда в сознании произошло изменение, которое Томас Кун назвал бы сдвигом парадигмы. Все это произвело глубокое впечатление на общество и на общественные организации, в том числе и на роль дизайнера в обществе» [14, с. 309—328]. Исследователи, занимающиеся методами в дизайне, искали методы объединения научного знания и технических достижений в процессе дизайна. Они пытались выработать рациональные критерии по принятию решений и пытались оптимизировать эти решения.

В Советском Союзе 1960-е гг. также характеризуются повышением интереса к дизайну. Так, в 1962 г. создается Всероссийский научно-исследовательский институт технической эстетики (ВНИИТЭ), благодаря чему начинает формироваться государственная система дизайна. Наряду с организационной, творческо-практической, экспертной, выставочной, издательской направлениями дизайн-деятельности институт осуществляет и научно-методическую деятельность, нацеленную на разработку общих теоретических и методологических установок в области дизайна.

Различные точки зрения на проблемы дизайна нашли отражение в изданном в 1968 г. Первом выпуске сборника статей «Вопросы технической эстетики» [15]. Второй выпуск одноименного сборника, изданный в 1970 г., был специально посвящен обсуждению социально-философских проблем, связанных с природой дизайна и его развитием. Опубликованные в этих сборниках труды раскрывают новые концепции дизайна, которые к 1970 г. оформляются в системный подход к художественной культуре и проектной деятельности. Методологию системного анализа принимают такие теоретики, как Д. Азрикан, А. Иконников, М. Каган, М. Коськов, Л. Кузьмичев, Е. Лазарев, Л. Переверзев.

Акцентировать внимание можно на двух основных концепциях, ставших ступенями на пути к формированию основополагающих взглядов на дизайн в Советском Союзе. Одна из концепций рождалась во ВНИИТЭ как теория художественного конструирования, ориентированного, в первую очередь, на науку и тесный контакт с инженерным проектированием и массовым производством. Другая, рассматривающая дизайн как художественное проектирование, была связана, в основном, с деятельностью Центральной учебно-экспериментальной студии Союза художников СССР — Сенежской студией. Она опиралась в большей степени на изобразительное искусство, художественную культуру в целом и была больше ориентирована на средовой дизайн социально-культурной сферы.

Таким образом, первое десятилетие развития дизайн-исследования заложило прочную основу для дальнейшего осмысления дизайна как оформления функции, что подтверждается большинством представленных концепций дизайна, в которых всегда указывается наличие какой-либо цели, которая должна быть достигнута посредством дизайна. Кроме того исследования 1960-х гг. послужили началу формирования идеи дизайна как отдельного предмета исследования.

Библиографический список

1. Глазычев, В. Л. Дизайн как он есть / В. Л. Глазычев. — Изд. 2-е, доп. — М. : Европа, 2006. — 320 с.
2. Джонс, Дж. К. Методы проектирования / Дж. К. Джонс ; пер. с англ. Т. П. Бурмистровой ; под ред. В. Ф. Венды. — Изд. 2-е, доп. — М. : Мир, 1986. — 326 с.
3. Alexander, C. Notes on the Synthesis of Form / C. Alexander. — Cambridge : Harvard University Press, 1964. — 191 p.
4. Быстрова, Т. Ю. Кристофер Александер: архитектура вне времени и идея шаблонов проектирования / Т. Ю. Быстрова // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. — Екатеринбург, 2011. — № 1. — С. 47—53.
5. Краткая стенограмма семинара в Брюгге ВНИИТЭ. — М., 1964. — 68 с.
6. Gregory, S. A. The human perspective, the design situation and its opportunities / S. A. Gregory // Design Method. — London : Butterworths, 1966. — P. 35—38.
7. Jones, J. C. Design Methods Reviewed / J. C. Jones // Design Method. — London : Butterworths, 1966. — P. 295—310.
8. McCrory, R. J. The Design Method in Practice / R. J. McCrory // Design Method. — London : Butterworths, 1966. — P. 11—18.
9. Eder, W. E. Definitions and Methodologies / W. E. Eder // Design Method. — London : Butterworths, 1966. — P. 19—31.
10. Gregory, S. A. The human perspective, the design situation and its opportunities / S. A. Gregory // Design Method. — London : Butterworths, 1966. — P. 35—38.
11. Саймон, Г. Науки об искусственном / Герберт Саймон ; пер. с англ. Э. Л. Наппельбвума. — 2-е изд. — М. : Едиториал УРСС, 2004. — 142 с.
12. Middendorf, W. H. Engineering Design / W. H. Middendorf. — Boston : Allyn and Bacon, Inc., 1969. — 242 p.
13. Broadbent, G. H. Design Methods in Architecture / G. H. Broadbent, A. Ward. — London : Lund Humphries, 1969. — 204 p.
14. Вопросы технической эстетики : сб. ст. / Редкол. Г. Б. Минервин [и др.]. — М : Искусство, 1968. — Вып. 1. — 127 с. — (ВНИИТЭ).
15. Вопросы технической эстетики : сб. ст. / Редкол. Г. Б. Минервин [и др.]. — М. : Искусство, 1970. — Вып. 2. Дизайн как предмет научных и социально-философских исследований. — 335 с. — (ВНИИТЭ).

БАЛЮТА Полина Андреевна, ассистент, аспирантка кафедры «Дизайн и технологии медиаиндустрии». Адрес для переписки: polina.balyuta@mail.ru

Статья поступила в редакцию 03.02.2015 г.

© П. А. Балюта

УДК 165.8

П. В. ЕРОХИНА

Сибирский государственный университет путей сообщения, г. Новосибирск

К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИЗАЦИИ КОМПОНЕНТОВ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Рассмотрено соотношение эпистемологического и контекстуального подходов к изучению процесса развития научного познания. Предложен вариант систематизации социокультурных факторов развития науки, основанный на уровнях социальных отношений.

Ключевые слова: интернализм, экстернализм, философия науки, социокультурный контекст научного открытия.

Рассмотрение науки в социокультурном контексте, т.е. во взаимосвязи с рядом вненаучных и даже внегносеологических факторов, влияющих на ход научного познания, все в большей степени начинает восприниматься как необходимая сторона философской рефлексии над наукой. Уже некоторое время назад Е. А. Мамчур констатировала: «Если раньше тезис культурного релятивизма рассматривался как дискуссионный, а вопрос о роли социокультурных факторов в развитии науки считался проблематичным и нуждающимся в анализе, то в настоящее время авторы берут этот тезис уже просто как данность, как постулат» [1, с. 28–29]. В то же время конкретные формы, в которых может быть реализована общая установка на рассмотрение науки в социокультурном контексте и методология осуществления исследований на основе данной установки еще далеко не ясны.

Таким образом, данная проблема требует теоретической разработки. Ее практическая актуальность обусловлена задачами обеспечения устойчивого роста науки, что в современных условиях невозможно без понимания социальных аспектов ее развития. Особая актуальность проблемы для сибирского региона определяется перспективами развития сибирской науки, создания наукоградов в Сибири, превращения сибирских городов в новые центры научных исследований. Решение этой задачи требует в том числе и методологического обеспечения процессов организации научной деятельности, управления научной работой, мотивации людей, работающих в науке.

Для выработки адекватных теоретических средств анализа социокультурного контекста науки прежде всего следует уточнить трактовку соотношения эпистемологического и контекстуального анализа науки. Их традиционное описание в терминах интернализма и экстернализма как противоположных философских концепций ориентирует на предположение, что признание одного из этих принципов неизбежно ведет к отказу от другого: либо мы признаем ведущую роль внутренней, содержательной логики в процессе развития научной мысли, либо включаем в рассмотрение социокультурные факторы. Поскольку трудно отрицать, что внутренняя логика является доминирующей и в науке происходят те открытия, к которым она готова содержательно возникает сомнение в правомерности экстернализма и, соответственно, — контекстуального подхода в целом.

Более релевантной представляется трактовка, согласно которой эпистемологическое и контекстуальное рассмотрение науки представляет собой не альтернативные способы рассмотрения, а базовый принцип анализа науки и дополнительную к нему концепцию. Ключевое положение данной позиции было сформулировано Р. Мертоном следующим образом: «Центральным пунктом, на котором сходятся все подходы в социологии познания, является тезис, согласно которому идеи имеют экзистенциальную природу лишь в том случае, если они не детерминированы имманентно» [1, с. 31]. Иными словами, базовой логикой развития науки является внутреннее движение мысли от эмпирических данных и постановки проблем к гипотезам и теориям, и во многих случаях изучение этой логики в достаточной степени раскрывает содержание конкретного момента в развитии науки. В этих случаях оказывается возможным абстрагироваться от социокультурного контекста. Если же рефлексия над внутренней логикой не дает полноценного объяснения, должно быть необходимо вовлечение в анализ социокультурного контекста научного открытия.

В результате мера влияния социокультурных факторов на научное познание и, соответственно, необходимость обращения к их рассмотрению может быть различной в различных познавательных ситуациях. Как показывает Н. И. Мартишина [2, с. 160–161], современный философ, изучающий развитие науки, не столько выбирает между интернализмом и экстернализмом в целом, сколько проводит свое исследование в некоторой точке между этими подходами, определяя необходимые параметры включения социокультурных факторов в пространство анализа. Основными ориентирами, между которыми происходит выбор оснований конкретного исследования, являются следующие.

1. Вопрос о том, какие именно социальные факторы следует включить в рассмотрение. Наиболее распространенным и «мягким» вариантом является упоминание общекультурных влияний, например, интеллектуального климата и господствующего стиля

деятельности эпохи. Более радикальной будет попытка охватить в анализе всю массу факторов, связанных с позицией конкретного ученого: личные политические пристрастия, социальное положение, религиозные убеждения, моральные предпочтения и т.д.

2. Вопрос о том, на какие стороны бытия науки влияют социокультурные факторы. Здесь более нейтральным вариантом является утверждение о том, что экономическая ситуация, философские убеждения, эстетический, религиозный, нравственный фон эпохи формируют тематику научных исследований, постановку проблеми выбор средств научной деятельности, т.е. являются факторами, смещающими направленность научного поиска в определенном направлении. Радикальный же вариант состоит в допущении возможности прямой детерминации содержания науки (конкретных концепций и выбора между ними) давлением социокультурных факторов.

3. Вопрос о том, как влияние зависит от состояния самой науки. Здесь самой распространенной является позиция, в соответствии с которой в периоды «нормальной науки» роль социокультурных факторов минимальна, тогда как периоды научных революций являются теми самыми точками бифуркации, где существенны сторонние воздействия.

Концепция контекстуализма, как дополнительного к эпистемологическом исследованиям науки подхода, достаточно очевидным образом объясняет историю его становления. Интернализм является базовой теорией, и до тех пор, пока шло формирование основной модели развития науки, он оставался господствующим подходом: позитивистские и неопозитивистские концепции науки были интернералистскими. Когда же все основные результаты, связанные с моделированием науки на основе интернализма, были получены, возникла потребность в расширяющей теории, позволяющей привлекать дополнительный материал. Если воспользоваться терминологией И. Лакатоса, можно сказать, что до определенного момента интернализм был восходящей исследовательской программой; когда ее возможности были в основном использованы, эта программа превращается в нисходящую (т.е. она позволяет объяснять накопленный материал, но уже не обеспечивает устойчивое получение новых фактов). И тогда возникает альтернативные — экстерналистские и контекстуалистские — исследовательские программы, которые на данном этапе являются восходящими.

Сказанное определяет значимость проблемы выделения и систематизации всей совокупности социокультурных факторов, которые потенциально могут быть приняты во внимание при подключении контекстуалистских исследовательских программ. На наш взгляд, второе затруднение методологического характера связано с большим количеством и разнообразием факторов, требующих оценки с точки зрения необходимости их учета. Т. Кун, оценивая перспективы контекстуального рассмотрения науки, написал в свое время: «Как ученые делают выбор между двумя конкурирующими теориями? Как мы должны понимать тот путь, которым развивается наука? Позвольте мне сразу заметить, что, открыв ящик Пандоры, я же его и захлопну. В этих вопросах слишком много такого, чего я и сам не понимаю и не должен делать вид, будто понимаю» [3, с. 38—39]. Сравнение с «ящиком Пандоры» подчеркивает одну из главных проблем контекстуализма: «приоткрывая дверь» перед внешними факторами научного познания, исследователь оказывается перед огромным количеством разнородного, зачастую очень конкретного фактического материала, который трудно учесть.

Решение проблемы видится в систематизации социокультурных факторов научного познания, которая позволила бы, во-первых, получить достаточно полный их перечень и, во-вторых, осуществлять выбор не между всеми факторами в отдельности, а между их группами и внутри групп. В перспективе такая систематизация может послужить также основой для понимания соотношения между конкретными философскими разработками и направлениями исследования, развивающимися в рамках контекстуального подхода.

В современной философской литературе существует несколько вариантов определения основных групп социокультурных факторов развития науки. Так, А. В. Кезин кладет в основание их типологизации те аспекты науки, в которых могут быть проявлены «экстерналистские эффекты», поэтому делит рассматриваемые факторы на три группы: поведенческие комплексы, проявляющиеся в актуальном исследовательском поведении ученых; принимаемые методологические стандарты оценки результатов научно-исследовательской деятельности; особенности содержания научных утверждений, гипотез, теорий и т.д. [4, с. 290]. И. Т. Касавин говорит о трех типах социальности знания и относит к ним пронизанность знания формами деятельности и общения; зависимость характеристик знания от состояния общественных систем («внешняя социальность») и включенность знания в культурную динамику («открытая социальность») [5, с. 9—10].

Мы хотели бы предложить основание для типологизации социокультурных факторов научного познания, распределив их по уровням, соотнесенным с уровнями социального структурирования общества.

В наиболее общем плане факторами, действующими на характер научного исследования, являются характеристики общества и культуры в целом. Гносеологические эталоны складываются в соответствии с нормами культурной деятельности (например, стремление к доказательности в античной культуре является не отличительной чертой теоретического познания, а общим требованием социальной практики и политической деятельности). Стиль научного мышления формируется господствующим стилем социальной деятельности (например, экспериментальное естествознание Нового времени возникает в контексте общего отношения к природе как к мастерской, в которой следует активно работать). Некогнитивные ценности отражаются на принципах познания (например, антропоцентризм эпохи Возрождения порождает общегносеологический фон доверия к познающему субъекту). Не случайно многими исследователями отмечаются корреляции между конкретными философскими, научными, религиозными, художественными, идеологическими течениями одной эпохи: вырабатываясь во взаимодействии различных сфер, общий «дух» культуры служит одним из оснований формирования направленности дальнейшего творчества.

Следующий уровень факторов, оказывающих внешнее воздействие на познание, формируется на уровне макросоциальных групп (классов, наций). В частности, речь может идти о национальной специфике науки и отражении в ней особенностей национального менталитета. К этому же уровню относится влияние возрастной, половой, расовой принадлежности субъекта познания. Наиболее интенсивно

данная тема разрабатывается в настоящее время в феминистской эпистемологии (С. Хардинг, Э. Андерсон, Х. Лонгино и др.). Феминистская эпистемология рассматривает прежде всего гендерную размерность познания, выделяя, в частности, маскулинный и феминный стиль мышления и познавательной деятельности: первый представляет собой идеологию вторжения в природу и ее покорения, а организационно предполагает иерархическое взаимодействие в исследовательских коллективах, второй содержит ориентацию на эмоциональное и этически регулируемое отношение к объекту познания и на сотрудничество между познающими субъектами. Более же обобщенно философские исследования данного направления утверждают, что каждая социальная группа имеет характерные, вытекающие из ее социальной позиции способы рассмотрения реальности, категориальные схемы, стереотипы, сквозь призму которых рассматривается объект. Эти способы формируются, во-первых, особенностями группы и, во-вторых, ее местом в социальной иерархии (подчиненные и маргинальные группы смотрят на мир не так, как доминантные). Именно поэтому наряду с феминистской эпистемологией в настоящее время возникают и разрабатываются другие альтернативные эпистемологии — «черная эпистемология», «квир-эпистемология», которые стремятся выразить специфическую гносеологическую позицию подчиненных и маргинальных социальных групп [6].

Общая идея данного направления исследований состоит в том, что познание всегда осуществляет не только представитель культуры в целом, но и «автор с социальной идентичностью» [7, с. 220]. Соответственно вся совокупность особенностей социальных позиций, занимаемых макросоциальными группами, функционирует как социокультурный контекст, в котором протекает познание и который может оказывать на него свое влияние.

Третий уровень социальной структуры связан с выделением локальных социальных групп, связанных отношениями непосредственного взаимодействия. Локальные сообщества людей и микросоциальные группы также вырабатывают свои стереотипы, свои схемы объяснения событий в реальности, свои излюбленные приемы рассуждений и т.д. Тем более значим этот уровень в науке, где основными типами объединений такого уровня являются «невидимые колледжи» и научные школы.

Термин «невидимый колледж» был введен в свое время Д. Прайсом для обозначения стихийно формирующихся сообществ ученых, обменивавшихся информацией через неформальные контакты, налаживаемые исходя из профессиональных приоритетов. В зарубежной литературе базовым в настоящее время считается определение Дж. Гисона, который характеризует научную школу как «малую группу зрелых ученых, занимающихся разработкой достаточно связной исследовательской программы вместе с аспирантами и характеризующейся продолжительными личными и интеллектуальным контактами (между ее членами)» [8, с. 28]. В России же наиболее полным считается определение научной школы, предложенное В. Б. Гасиловым: «Сообщество ученых разных статусов, компетенции и специализации, координирующих под руководством лидера свою исследовательскую деятельность, внесших в реализацию и развитие исследовательской программы и способных активно представлять и защищать цели и результаты программы» [9, с. 127]. Участники «невидимого колледжа» представляют собой часть профессионального сообщества, связанную между собой гораздо более тесными контактами, чем профессиональное сообщество в целом — через обмен опубликованными книгами и статьями, общение на конференциях, экспертизу квалификационных работ и т.д. Как отмечает С. Ф. Денисов: «Эта форма научного сообщества характеризуется ярко выраженной автономностью и является эффективной в плане совместного решения научных проблем» [10, с. 166]. Поэтому и влияние школы на постановку проблем, выбор методов, интерпретацию результатов ее членами, хотя бы на определенном этапе их работы, часто является решающим.

Основными функциями научной школы в философских исследованиях этой формы самоорганизации ученых признаются исследовательская функция — школа выступает коллективным субъектом познания, инновационная функция — школа «продвигает» идеи, развивает и аргументирует собственную исследовательскую программу, и образовательная функция — школа вовлекает в познавательную деятельность новых исследователей. В последнем случае особенно очевидно, что школа определяет для ученого совокупность знаний, на которых он будет строить свои исследования, в том числе приобщает его к определенной парадигме, а также формирует совокупность исследовательских приемов, которыми он будет пользоваться. Механизм этого процесса показан, в частности, М. А. Розовым, использовавшим понятие социальной эстафеты: новые участники деятельности входят в нее и осваивают ее во взаимодействии со старыми участниками, причем не только слушая их инструкции, но и подражая их формам поведения. М. А. Розов пишет, что основа социальной эстафеты — «это некоторая программа или совокупность программ поведения, не обусловленная биологической наследственностью, но воспроизводящаяся в конечном счете по непосредственным образцам» [11, с. 17]. Внешним по отношению к собственно гносеологическим реалиям, но принципиально важным фактором, формирующим ученого, является его локальное окружение — личность научного руководителя, первый исследовательский коллектив, первый организационный опыт работы в науке. Следы этого формирующего воздействия определяют способ деятельности человека в науке на долгие годы. Как пишет А. В. Волков: «Можно сказать, что ученый видит и познает окружающий мир не только природой данными ему органами, но и органами, возникшими и ставшими в социокультурном пространстве обучения» [12, с. 29—30].

Таким образом, третий уровень социокультурных факторов научного познания образуют традиции локальной группы, к которой принадлежит исследователь, а также особенности коммуникации в этой группе: «Широкая сеть коммуникативных связей есть среда существования науки и внутреннее ее содержание» [13, с. 115].

И наконец, представляется целесообразным выделить еще один уровень социокультурной контекстуальности познания — уровень индивидуального. С одной стороны, индивидуальное бытие, сам человек как субъект познания является точкой, в которой собираются воедино, преломляются и становятся действующими факторами все перечисленные социокультурные влияния. Это положение соответствует логике философского осмысления сущности человека, конструируемой социальными отношениями. Индивидуальное, с этой точки зрения, не рассматривается как противоположность социального,

вступающая с ним во внешнее взаимодействие; это необходимый уровень проявления социального, в котором социальное получает завершающее оформление. Таким образом, мы должны выделить этот уровень, с точки зрения общей логики структурирования социальности познания, — как носитель культурной традиции и социальной идеологии, национальной и гендерной идентичности, как представитель определенной социальной группы и научной школы в познании все-таки действует человек. С другой стороны, только выделение индивидуального уровня позволит в достаточной степени отразить обширный материал, связанный с влиянием личных особенностей ученого, от склонности к визуальному или вербальному мышлению до психологических акцептуаций, на характер и результаты работы в науке. М. Полани отметил: «Всякий акт познания включает в себя молчаливый и страстный вклад личности... и этот вклад не есть всего лишь некое несовершенство, но представляет собой необходимый компонент всякого знания вообще» [14, с. 319]. «Личностное знание», на котором базируется ученый в своей конкретной познавательной деятельности и которое аккумулирует в себе весь его прошлый познавательный опыт, не только включает в себя, но и синтезирует все перечисленные социокультурные воздействия. Таким образом, индивидуальный (личностный) уровень социокультурной детерминации научного уровня является результирующим по отношению ко всем составляющим социокультурного контекста познания.

Библиографический список

1. Мамчур, Е. А. Останется ли автономия идеалом научного знания? / Е. А. Мамчур // Проблема ценностного статуса науки на рубеже XXI в. — СПб. : РХГИ, 1999. — С. 27—43.
2. Мартишина, Н. И. Экстернализм в современной теории познания и философии науки / Н. И. Мартишина // Гуманитарные исследования. Ежегодник. — Омск : ОмГПУ, 2003. — Вып. 8. — С. 58—65.
3. Кун, Т. Логика открытия или психология исследования? / Т. Кун // Философия науки. — Вып. 3. Проблемы анализа знания. — М. : ИФ РАН, 1997. — С. 20—48.
4. Философия и методология науки / В. И. Купцов [и др.]. — М. : Аспект Пресс, 1996. — 551 с.
5. Касавин, И. Т. Социальная эпистемология: к истории и постановке проблемы / И. Т. Касавин // Социальная эпистемология: Идеи, методы, программы. — М. : Канон+РООИ «Реабилитация», 2010. — С. 5—14.
6. Дебласно, А. Новые тенденции в альтернативных эпистемологиях / А. Дебласно // Эпистемология и философия науки. — 2010. — № 1. — С. 160—172.
7. Хардинг, С. Доказательная стратегия феминизма / С. Хардинг // Женщины, познание и реальность: Исследования по феминистской философии. — М. : Росспэн, 2005. — С. 215—231.
8. Белозеров, О. П. Научная школа в социокультурном контексте: от идеальной модели к реальному объекту / О. П. Белозеров // Вопросы истории естествознания и техники. — 2009. — № 4. — С. 27—57.
9. Гасилов, В. Б. Научная школа — феномен и исследовательская программы науковедения / В. Б. Гасилов // Школы в науке. — М. : Наука, 1977. — С. 119—153.
10. Денисов, С. Ф. История и философия науки: Наука и ее институциональная специфика / С. Ф. Денисов. — Омск : ОмГПУ, 2007. — 292 с.
11. Волков, А. В. Человеческое измерение научного познания / А. В. Волков. — Петрозаводск : ПетрГУ, 2012. — 276 с.
12. Розов, М. А. Теория социальных эстафет и проблемы анализа знания / М. А. Розов // Теория социальных эстафет: История. Идеи. Перспективы. — Новосибирск : НГУ, 1997. — С. 9—67.
13. Руди, А. Ш. Научная коммуникация и место в ней понятия устойчивости / А. Ш. Руди // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. — 2012. — № 2 (106). — С. 115—118.
14. Полани, М. Личностное знание / М. Полани. — М. : Прогресс, 1985. — 344 с.

ЕРОХИНА Павла Владимировна, аспирантка кафедры философии и культурологии.
Адрес для переписки: pavla_sibirj@mail.ru

Статья поступила в редакцию 13.01.2015 г.

© П. В. Ерохина

Книжная полка

Дмитриева, Л. М. Бренд как концептуальный мультифрактал : моногр. / Л. М. Дмитриева, С. А. Шушарин. — М. : Магистр, 2014. — 103 с.

Монография посвящена исследованию трансформации коммуникации, являющейся формой социокультурного взаимодействия, оказывающей влияние на современного человека как ее субъекта. Приводится классификация подходов к трактовке термина «бренд», рассматриваются его социокультурные основания и функции, реализуемые им в основных общественных сферах. Анализируются существующие модели коммуникации потребителя с брендом, а также предлагается новая модель, описывающая взаимодействия с точки зрения постнеклассической методологии. Описываются функции, присущие рекламной коммуникации с момента ее возникновения и их трансформация в результате появления бренда как феномена современного общества потребления.

Канетти, Э. Масса и власть / Э. Канетти. — М. : АСТ, 2015. — 576. с. — ISBN 978—5—1708—9748—3.

Как человек становится частью толпы? Почему перестает быть независимой личностью? Каковы механизмы, при помощи которых власть управляет массами? Что объединяет религию, тиранию и войну? Почему прошедшее столетие принесло человечеству столько катастроф, связанных именно с тоталитаризацией общества? Может ли это повториться? В своем трактате «Масса и власть» Элиас Канетти, лауреат Нобелевской премии по литературе за 1981 год, обобщает опыт минувшего столетия и задает вопросы, адресованные не только прошлому, но и будущему...

К 300-летию Омска

УДК 574:338.43(09)

А. В. РЫЧКОВ

Омский государственный технический университет

РАЗВИТИЕ ОМСКА КАК ЦЕНТРА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ НАУКИ

Статья посвящена рассмотрению истории развития аграрной науки в Омске. Анализируются как достижения, так и проблемы развития науки. Подчеркивается важность изучения и осмысления опыта научно-производственной интеграции в Омском регионе.

Ключевые слова: аграрная наука, сельское хозяйство, внедрение, Сибирь.

Приближается знаменательная дата — 300-летие Омска. В истории страны наш город сыграл важную роль. Возникнув как форпост России на востоке, в дальнейшем Омск превратился в административный, хозяйственный и культурный центр сибирского региона. Особо значимое место отвела история Омску на своих крутых виражах. В годы Гражданской войны именно наш город был одним из центров противоборства. В Великую Отечественную, направив своих лучших сыновей и дочерей на фронт, Омск превратился в арсенал Победы. В послевоенный период, укрепив свои позиции как промышленный мегаполис, Омск приобрел широкую известность как город-сад. Данная статья посвящена наименее известной для широкого читателя странице истории города — развитию Омска как центра сельскохозяйственной науки Сибири.

Основной чертой климата нашего региона является его континентальность, четко выраженная сезонность. Здесь суровая и продолжительная зима с сильными ветрами и метелями, нередки возвратные весенние и летние, а также ранние осенние заморозки. Особенностью климата степных и лесостепных районов является его засушливость. Первые сибирские крестьяне, в основном уроженцы северных и центральных районов европейской России, приносили в Сибирь системы ведения сельского хозяйства, технику и культуру своих местностей, не приспособленные к условиям сибирского региона. Понятно, что их практическое применение часто оборачивалось неудачами, когда «от засух и выдувания полей ветрами труд земледельца менее вознаграждается, а иногда и совсем пропадает» [1]. Суровость сибирского климата и убеждала высших правительственных чиновников во мнении, что «Сибирь никогда не производила и не будет производить хлеба в количестве, достаточном для удовлетворения своих потребностей» [2, с. 13]. Но патриоты и подвижники нашего сурового края всегда отдавали все силы для его изучения. В научной литературе высказано мнение, что началом научного земледелия следует считать организацию опытных учреждений [2, с. 12]. В Сибири начало опытному делу было положено в 1828 г., когда близ Омска был создан опытный хутор Сибирского линейного казачьего войска. Это было первое сельскохозяйственное научное учреждение в Сибири и второе в России. Примечательно, что омский опытный хутор возник за много лет до организации опытных станций за рубежом: во Франции и Англии полевые опыты начаты в 1835 г., в Германии первая опытная станция организована в 1852 г. Следовательно, наш город еще в те давние годы находился в авангарде аграрного научного строительства не только в России, но и в мире.

Организаторами хутора были М. Г. Павлов, профессор Московского университета, казаки О. Обухов и П. Щербаков, первые ученые-агрономы Сибири — выпускники Московской земледельческой школы, генерал И. А. Вельяминов, командир Сибирского линейного казачьего войска и генерал-губернатор Западной Сибири, почетный член Московского общества сельского хозяйства, и генерал С. Б. Броневский, начальник образованной в 1823 г. Омской области, действительный член Московского общества сельского хозяйства. В приказе об учреждении войскового хутора сказано, что «целью, с какою предпринято учреждение опытного хутора, есть: содействовать распространению благодетельных начал земледелия в поселениях Сибирского линейного казачьего войска» [3, с. 37]. Важнейшей задачей

считалась разработка приемов и методов ведения хозяйства, отвечающих местным условиям. Первые сибирские агрономы О. Обухов и П. Щербаков подчеркивали: «При учреждении всякого хозяйства — первым и главнейшим предметом надобно поставить себе: во-первых, познание местных обстоятельств, как постоянно, так и случайно стекающихся, а потому действующих на хозяйство или обыкновенным, или превращенным образом, и согласно с сим, во-вторых, определить приличную систему хозяйства и на оной; в третьих, назначить выгоднейший севооборот...» [3, с. 41—43]. В дальнейшем Омский опытный хутор, не прекращая исследовательской работы, прошел ряд реорганизаций, переподчинений, переименований.

Значительные изменения в организации опытных работ в Сибири произошли на рубеже XIX—XX вв., что было связано со строительством Транссиба и увеличением числа переселенцев, особенно в годы реформ П. А. Столыпина. С организацией в 1890 г. опытного поля широко велись селекционные работы с сортами зерновых культур, ставились опыты по различным приемам обработки почвы, несколько позже начались исследования в области животноводства по подбору породного состава и кормлению.

В 1918 г. по рекомендации Института опытной агрономии и прикладной ботаники в Омск приезжает профессор В. В. Таланов. Он сразу же поставил вопрос о необходимости создания специальной селекционной станции в сибирских условиях. По докладу В. В. Таланова агрономическое совещание, проведенное в 1918 г. губернским советом народного хозяйства, приняло постановление: «1. Признать необходимость развития областной селекционно-семенной станции им. Н. Л. Скалозубова для черноземной лесостепной полосы и отвода теперь же нужного для нее участка в 400—500 десятин удобной земли из имеющегося земельного фонда сельскохозяйственных учреждений и, во всяком случае, в непосредственной близости такого от Омска. 2. Отпустить в распоряжение станции из сумм совета народного хозяйства необходимую сумму на расходы по ее устройству и оборудованию...» [2, с. 216]. В. В. Таланов в том же году закончил организацию станции, проработав в Омске около 5 лет.

В Омске в то время существовали отдельно и опытное поле, и областная опытная станция, и областная машиноиспытательная станция. В 1924 г. эти сельскохозяйственные учреждения объединяются в одну комплексную областную сельскохозяйственную опытную станцию. Плодотворная работа селекционеров того времени увенчалась успехом. Были районированы сорта пшеницы; Мильтурум 321, Цезиум 111 и Гордеиформе 10. Районированные к 1929 г. эти три сорта вскоре занимали в Западной Сибири площади 3 млн гектаров. Кроме того, эти сорта получили большое распространение во многих районах Казахстана и европейской части СССР. А Цезиум 111 и Гордеиформе 10 успешно конкурировали на мировом рынке с лучшими западными сортавми. Сорт Цезиум 111 долгое время был мировым стандартом хлеба высокого качества [4, с. 158].

В 1933 г. СНК СССР принимает постановление об организации в Омске Сибирского научно-исследовательского института зернового хозяйства (СибНИИЗХоз) на основе ранее действовавшей сельскохозяйственной опытной станции. К тому времени в Омске уже имелись крупные специалисты по земледелию и селекции, кроме того, для работы в институте были привлечены лучшие научные силы из других мест страны. Важную роль в развитии исследовательской деятельности в институте в те годы сыграл дважды Герой Социалистического Труда академик АН СССР Н. В. Цицин. Поле научной деятельности СибНИИЗХоза значительно расширилось, поскольку он в то время являлся единственным научным учреждением такого масштаба в Западной и Восточной Сибири. Начались серьезные крупномасштабные исследования по зерновому хозяйству, как по селекции, так и по агротехнике зерновых культур.

Являясь научным центром в области земледелия и растениеводства, Омск развивался также как ветеринарный научный центр. Омская ветеринарно-бактериологическая станция, открытая в 1910 г., пройдя через череду реорганизаций, в 1921 г. была преобразована в Сибирский ветеринарно-бактериологический институт, а в 1930 г. — в Западно-Сибирский научно-исследовательский ветеринарный институт. В 1934 г. с реорганизацией Западно-Сибирского края и выделением Омской области был передан в областное подчинение и стал именоваться Омским научно-исследовательским ветеринарным институтом (Омский НИВИ).

Картина развития сельскохозяйственных научных исследований в нашем городе будет далеко не полной без учета деятельности коллектива открывшегося в 1918 г. Омского сельскохозяйственного института (ныне Омский государственный аграрный университет им. П. А. Столыпина). В разное время в вузе работали многие выдающиеся ученые [5]. Например, более сорока лет кафедру почвоведения возглавлял К. П. Горшенин, член-корреспондент ВАСХНИЛ, которому за исследование сибирских почв была присуждена Ленинская премия. Специфика научно-исследовательской работы в вузе состоит в том, что она выступает не только как средство решения тех или иных научных проблем, но одновременно является и средством воспитания студента как исследователя, научно мыслящего человека, специалиста высшей квалификации. Вузы располагают кадрами разных специальностей, что позволяет всесторонне исследовать проблему и избежать возможных ошибок.

Уже в 1920—1930-е гг. были осуществлены меры по широкому внедрению в производство новых сортов сельскохозяйственных культур. Для этих целей в стране создается сеть государственных сортоиспытательных участков и районных семеноводческих хозяйств. В это время в сибирском регионе было сдано в производство и районировано 29 сортов сельскохозяйственных культур. Новые сорта давали возможность хорошо поставить и развернуть семеноводческую работу, прежде всего по зерновым культурам. Они обеспечивали повышение урожайности по сравнению с лучшими из имеющихся сортов на 15—20 %, и уже в 20-е годы заняли значительные посевные площади. Некоторые из них длительное время были широко представлены в производстве [6].

Таким образом, в 1920—1930-е гг. Омск стал признанным центром сельскохозяйственной науки в сибирском регионе. В качестве доказательства приведем следующий пример. Во второй половине 1930-х годов советское руководство ставит в повестку дня проблему значительного — на треть — увеличения производства зерновых культур. Для определения основных направлений достижения поставленной цели 26—30 июля 1936 года в Омске состоялась выездная сессия зерновой секции ВАСХНИЛ. Сюда прибыли лидеры советской сельскохозяйственной науки (Н. И. Вавилов, Н. М. Тулайков, Г. Д. Кар-

печенко и др.), а также иностранные гости. На заключительном заседании выездная сессия зерновой секции ВАСХНИЛ призвала работников сельскохозяйственной науки активно включиться в работу по созданию новой зерновой базы, «второй Украины» на востоке Союза ССР за счет освоения 11700 тыс. гектаров в годы третьей пятилетки [7]. К сожалению, поставленная задача не была решена в предвоенные годы.

В годы Великой Отечественной войны омские ученые сельскохозяйственного профиля обеспечивали выполнение оперативных заданий, непосредственно связанных с нуждами обороны и военного хозяйства, оказывали постоянную научно-консультационную помощь сельскохозяйственному производству, продолжали вести научные исследования, работая на перспективу. Именно в Омск было эвакуировано руководство Наркомата земледелия СССР и ВАСХНИЛ. Неудивительно поэтому, что именно Омск стал местом, где были прежде всего организованы аграрные исследования в соответствии с нуждами военного времени. В первую очередь в повестку дня были поставлены изыскания по изучению дикорастущей флоры с целью использования ее для военных целей. В план научной работы СибНИИЗХоза на 1942 г. были включены вопросы агротехники возделывания растений, являющихся ценным сырьем для получения высококачественных дезинфицирующих средств, кровоостанавливающих препаратов и т.д. Кроме того, велись поиски видов растительного сырья, богатых витаминами, а также обращалось внимание на возможность использования некоторых растений в качестве дополнителей и заменителей в -питании.

Ученые сельскохозяйственного профиля решали и другие важные проблемы оборонной направленности. Однако главной и основной заботой научных работников в военные годы была помощь практике, производству в выращивании урожая. Война вызвала к жизни процессы архаизации сельского хозяйства. И как это ни покажется странным, данные процессы имели соответствующее «научное обеспечение». Снижение уровня механизации сельскохозяйственного производства привело к увеличению доли конноручных работ, но и численность поголовья лошадей в сельском хозяйстве сократилась. В этих условиях внимание ученых привлекли вопросы наиболее рационального использования животных. Производству был предложен усовершенствованный конный привод, при помощи которого уменьшалась утомляемость лошадей. Были также разработаны рекомендации по использованию упряжных коров и быков. В целом обращалось особое внимание на разработку способов повышения производительности сельскохозяйственного инвентаря простейшего типа.

В работе ученых, занятых в области ветеринарии, также доминировала практическая направленность. В Омском НИВИ были созданы производственные отделы по выпуску ряда ветеринарных препаратов. Благодаря деятельности ученых по предотвращению заболеваний животных в годы войны не было допущено крупных эпизоотий скота.

В послевоенные годы ученые-аграрники активно занимались решением многочисленных проблем развития сельскохозяйственного производства. С началом освоения целины целинная проблематика стала центральной в деятельности сельскохозяйственных научных учреждений Омска. Непосредственный участник освоения целины, в то время агроном одной из МТС Омской области, а впоследствии академик и председатель Президиума СО ВАСХНИЛ А. Н. Каштанов, оценивая реальную помощь научных работников целинникам, писал: «Они буквально дневали и ночевали в колхозах и совхозах, помогали нам, агрономам, правильно решать вопросы освоения целинных земель» [8]. Рекомендации производству исходили прежде всего из потребностей поддержания высокого плодородия почвы и предотвращения эрозионных процессов. Так, предусматривалось бессменный посев пшеницы на целине проводить в течение 4—5 лет, а после этого переходить к правильным севооборотам.

Одновременно шел поиск нетрадиционных приемов освоения целины. Учеными-аграрниками Омска на опытных полях, в колхозах и совхозах были заложены разновариантные производственные опыты, позволяющие выяснить более эффективные для сибирской целины приемы возделывания зерновых культур. Бесспорно, предложенные целинникам рекомендации были своевременны и полезны, однако широкое применение их в производстве оказалось невозможным. Вопреки мнению ученых региона, в силу жесткой централизации руководства аграрной наукой и практикой в производство внедрялись способы обработки почвы, не учитывающие своеобразия природно-климатических условий края, что привело к усилению масштабов ветровой эрозии почвы. Лишь впоследствии рекомендации омских ученых были учтены и использованы академиком А. И. Бараевым при разработке и внедрении почвозащитной системы земледелия.

В послевоенные годы произошли определенные изменения и в организационно-научной сфере. В 1956 г. СибНИИЗХоз превратился в комплексное сельскохозяйственное научное учреждение. В состав института вошли Омская областная опытная станция животноводства и Омская областная плодово-ягодная станция. В институте создаются новые лаборатории и отделы, он получает новое наименование — Сибирский научно-исследовательский институт сельского хозяйства (СибНИИСХоз). Считалось, что «отсутствие комплексности в исследовании снижает ценность работы и нередко приводит к необоснованным рекомендациям» [9]. Дальнейшее развитие получает Омский научно-исследовательский ветеринарный институт: в 1950 г. он был реорганизован в Сибирский научно-исследовательский ветеринарный институт.

Важно подчеркнуть, что политические вихри того времени затрагивали судьбы ученых Омска. Вредителями были объявлены ученые, являющиеся сторонниками мелкой вспашки, средних сроков сева зерновых культур и т.д. Некоторые из них были расстреляны, как, например, один из организаторов сельскохозяйственной науки в нашем городе В. Р. Берг.

На августовской 1948 г. сессии ВАСХНИЛ взгляды группы Т. Д. Лысенко были признаны единственно верными. Научный автаркизм, изоляционизм, явившийся следствием лысенковского положения о «двух биологиях», отбросил советскую науку на десятилетия назад. От научной деятельности отлучаются кадры квалифицированных научных работников, например, коллектив Омского сельскохозяйственного института лишился десяти профессоров, а профессор К. Е. Мурашкинский, не выдержав травли, покончил с собой [10]. Закрываются необходимые для исследовательского процесса генетические и цитологические лаборатории. По мнению омских ученых, «именно тогда селекция была сведена на нет, разогнаны лучшие кадры селекционеров, разрушены

теплицы» [4, с. 6]. Попытки насаждения в производство непродуманных, скороспелых «рекомендаций», а также полная бессистемность в области организационно-внедренческой деятельности имели своим следствием как ухудшение экономических показателей, так и обострение продовольственной проблемы в стране.

Лысенковщина окончательно себя дискредитировала к середине 1960-х гг., после чего начался процесс «излечения». Конечно, данный процесс имел не одномоментный, а достаточно протяженный характер (как и всякое восстановление организма после длительной болезни), и требовал принятия целого комплекса организационно-научных мер. Большое внимание было уделено укреплению связей аграрных научных учреждений Омска и Института цитологии и генетики СО АН, совершенствованию методики опытной деятельности, изменению структуры сети научных учреждений в области сельского хозяйства, формированию новых подходов в области внедрения.

Опыт региональных научных центров АН СССР убедительно показал целесообразность подобной организации исследований в области сельского хозяйства, в первую очередь на востоке страны. Сибирское отделение ВАСХНИЛ (ныне СО РАСХН) было создано под Новосибирском осенью 1969 г. При создании СО ВАСХНИЛ в его состав были включены реорганизованные и вновь сформированные институты: животноводства; механизации и электрификации; экономики сельского хозяйства; химизации и др. Казалось бы, подобное развитие событий означало утрату Омском ведущей роли в качестве регионального центра сельскохозяйственной науки. Однако этого не происходит. Благодаря организации в 1970 г. Западно-Сибирского селекцентра на базе разрозненных и малочисленных селекционных групп и лабораторий СибНИИСХоза возрождается селекция в институте. Создание селекцентра позволило сконцентрировать и специализировать все селекционные, аналитические и семеноводческие лаборатории на решение единой задачи — создание и освоение более совершенных сортов. Анализ работы по селекции в институте за период 1918—1998 гг. показывает, что наибольшее количество сортов создано в период функционирования селекцентра: всего было выведено 124 коммерческих сорта, из них 85 — за период 1970—1998 гг., то есть две трети (67 %) всех сортов [4, с. 11].

В 70-х гг. прошлого столетия бруцеллез и туберкулез животных имел широкое распространение в большинстве регионов страны. Эпицентром неблагополучия явились районы Западной Сибири и Северного Казахстана. Это послужило основанием для создания в 1985 г. на базе СибНИВИ Всесоюзного (ныне Всероссийский) научно-исследовательского института бруцеллеза и туберкулеза животных. В течение короткого времени были разработаны научно-обоснованные системы противо-эпизоотических мероприятий, новые технологии и вакцины их применения, современные методы и средства диагностики. К 1993 г. были оздоровлены 99,7 % неблагополучных пунктов по бруцеллезу животных и достигнута стабильная эпизоотическая обстановка, которая сохраняется до настоящего времени. Наблюдается тенденция к снижению заболеваемости туберкулезом животных [11].

Итак, выделив основные звенья в исследовательской деятельности, проведя своеобразную «научную» специализацию, ученые-аграрники Омска сохранили свое научное влияние как в сибирском регионе, так и в стране в целом. Более того, Омское Прииртышье в 1970—1980-е гг. формируется как мощный аграрный научно-производственный комплекс. В это время, благодаря эффективной исследовательской деятельности ученых, признанным лидером которых был директор СибНИИСХоза академик ВАСХНИЛ Н. З. Милащенко, и организаторскому таланту секретаря Омского ОК КПСС С. И. Манякина, был осуществлен мощный прорыв в области производственного освоения научных рекомендаций. Омская область превратилась в «оазис» аграрного благополучия: по производству сильной и твердой пшеницы область вышла на первое место в яровопшеничной зоне СССР, потребление мяса жителями области приблизилось к медицинским нормам, а по производству мяса на душу населения Омская область вышла на уровень США. И это явилось результатом «сплава науки и производства». Вот как характеризует обстановку того времени в Омской области современник: «Была создана атмосфера всеобщего стремления к знаниям. Будни руководителей хозяйств, агрономов, зооветспециалистов, специалистов аграрных служб, ученых, ответственных партийных, советских работников были заполнены семинарами, конференциями, конкурсными мероприятиями. Одним словом — учебой, работой, демонстрацией опыта» [12, с. 210]. В 1980 г. СМ РСФСР по предложению СО ВАСХНИЛ и областных директивных органов принимает постановление о создании в Омске Сибирского научно-производственного объединения «Колос» — первого в регионе. Основными задачами НПО были объявлены разработка на эталонных хозяйствах и реализация комплексных программ, внедрение достижений науки и передового опыта в сельскохозяйственное производство. В 1982 г. за разработку и внедрение комплекса агротехнических и организационно-хозяйственных мероприятий по увеличению производства и продажи государству высококачественного зерна пшеницы в Омской области группе ведущих ученых СибНИИСХоза была присуждена премия СМ СССР. Заметим, что данные процессы имели место в Омской области в годы, когда все более и более давала сбои существующая хозяйственная система, заявлял о себе продовольственный дефицит, и это происходило ни где-то далеко, а в соседних областях. По мнению академика Н. З. Милащенко, если бы омский опыт научно-производственной интеграции был вовремя оценен и использован, то «страна, вне всяких сомнений, смогла вновь выйти в мировые лидеры сельскохозяйственного производства. И не к нам бы шли пароходы и эшелоны с американскими окорочками, канадским зерном и бразильским мясом. А от нас — в иные страны и на другие континенты» [12, с. 246].

Общественные катаклизмы, захлестнувшие страну с конца прошлого столетия, наиболее негативно отразились на сельскохозяйственной отрасли. Экспортно-сырьевая направленность экономики имела своим следствием не только ликвидацию целых отраслей отечественного сельского хозяйства, но и формирование импорто-продовольственной системы снабжения населения. Процессы «онаучивания» сельского хозяйства оказались незавершенными. В условиях отсутствия должной государственной поддержки сельского хозяйства ученые-аграрники вынуждены думать не столько об интенсификации производства, сколько о разработке «сценария воспроизводства продовольственных ресурсов Сибири ... с учетом платежеспособности населения

и реальных возможностей развития АПК» [13]. Введение экономических санкций со всей очевидностью обнажило кризисную ситуацию в аграрной сфере и заставило правительство лихорадочно решать вопрос замещения продовольственного импорта Запада за счет продовольствия, произведенного в других регионах мира. Но главной гарантией от внешних воздействий является развитие собственного аграрного производства и внимание к нуждам отечественной науки.

Библиографический список

1. Колесников, А. Д. Омская пашня: Заселение и земледельческое освоение Прииртышья в XVI — начале XX вв. / А. Д. Колесников. — Омск : Моя земля, 1999. — С. 84—85.
2. Учреждения и деятели сельскохозяйственной науки Сибири и Дальнего Востока : биографо-библиогр. справ. / Сост. П. Л. Гончаров, Ю. А. Белоножко, А. В. Карамзин. — Новосибирск : СО РАСХН, 1997. — 663 с.
3. Вараксин, А. В. Омский опытный хутор — начало сибирской сельскохозяйственной науки : пособие для студентов агрономических, исторических фак. учеб. заведений / А. В. Вараксин, Л. В. Катин-Ярцев. — Омск : Омское кн. изд.-во, 1986. — 88 с.
4. Сборник научных работ, посвященных 170-летию Сибирской аграрной науки. В 2 т. Т. 2. Селекция и семеноводство, механизация. — Омск : Фрактал, 1998. — 166 с.
5. Червоненко, В. Н. Ученые Омского сельскохозяйственного института (1918—1993). Профессора. Доценты — руководители вуза, деканы, заведующие кафедрами. Руководители отделов / В. Н. Червоненко. — Омск : ОмСХИ, 1994. — 300 с.
6. Курцев, И. В. Научно-технический прогресс в сельском хозяйстве Сибири (в прошлом — на рубеже веков — в будущем) / И. В. Курцев. — Новосибирск : Сиб. отд-ние, СибНИИЭСХ, 2001. — С. 41.
7. Омская правда. — 1936. — 1 августа.
8. Земля сибирская, дальневосточная. — 1979. — № 3. — С. 3.
9. Научный архив СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 646. Л. 7.
10. Червоненко, В. Н. Очерки истории Омского сельскохозяйственного института (1918-1933) / В. Н. Червоненко. — Омск : ОмСХИ, 1994. — С. 135—139.
11. Актуальные проблемы научного обеспечения АПК в Сибири (к 185-летию сиб. аграр. науки) : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 185-летию основания сиб. аграр. науки, 24—26 июля 2013 г. // РАСХН Сиб. отд-е. СибНИИСХ. — Омск : Вариант, 2013. — С. 16.
12. Время Манякина. Воспоминания. — М. : АНО Омское землячество в Москве, 2011. — 460 с.
13. Краткий отчет о работе Сибирского отделения РАСХН за 2001—2005 гг. — Новосибирск : СО РАСХН, 2006. — С. 151.

РЫЧКОВ Александр Васильевич, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры отечественной истории.
Адрес для переписки: alex-rychkov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 01.12.2014 г.
© А. В. Рычков

УДК 947(571.1)

А. И. ШУМИЛОВ

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Омский филиал

ОМСК КАК ЦЕНТР РАКЕТОСТРОЕНИЯ И КОСМИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ

Статья посвящена становлению ракетно-космической отрасли в г. Омске с конца 1950-х годов до настоящего времени. Впервые комплексно рассматривается вклад омских предприятий ВПК в развитие отечественного ракетостроения.

Ключевые слова: ракетостроение, завод, производство, оборона.

Город Омск перед Великой Отечественной войной представлял из себя провинциальный город, где основным предприятием являлся вагоно-ремонтный завод, ведущий своё начало со времени строительства Транссибирской магистрали как Главные железнодорожные мастерские, переросшие в завод. Мастерские и поселок при нём от города Омска отделял пустырь, тянувшийся от нынешнего железнодорожного вокзала вплоть до появившегося позднее Управления железной дороги.

В самом же городе основными предприятиями были построенный в 1901 г. плугостроительный завод датского предпринимателя С. Рандрупа, на котором работали около 200 человек, и «питерский внучек» — Сибзавод имени Борцов революции, созданный на базе эвакуированного в начале 1918 г. из Петрограда машиностроительного завода, также выпускающий сельскохозяйственную технику. Остальные предприятия специализировались на переработке сельскохозяйственной продукции. Лишь в конце 1930-х гг. было начато строительство предприятий-дублеров, выпускающих оборонную продукцию — авиационного завода № 166, филиала Горьковского автозавода, шинного, кордной фабрики. Однако к началу войны ни одно из предприятий не было пущено в строй.

Великая Отечественная война в корне перевернула сложившийся быт г. Омска. За первые месяцы войны в город было эвакуировано свыше 120 предприятий полной или частичной комплектации из западных районов страны. Около 40 предприятий разместились в других городах и райцентрах Омской области. На территории строящегося в Омске филиала автозавода и действующего обозного завода им. Коминтерна были размещены эвакуированные из Москвы авиационный опытно-конструкторский завод № 156 и из г. Тушино завод № 81, получившие номер 166. Последним к ним присоединился авиазавод № 288 из г. Кимры, который с 1942 г. стал дей-

ствовать как самостоятельный на территории авиамастерских в Куломзино. Кроме того, к Наркомату авиационной промышленности в Омске относились эвакуированный из Запорожья моторостроительный завод № 29 им. Баранова, а также агрегатный завод № 20 из Москвы, который объединился на площадях завода сельхозмашиностроения по улице Герцена с образованным там в ноябре 1941 г. заводом № 495.

Выпуск самолетов, авиамоторов и других агрегатов продолжался все военные и послевоенные годы вплоть до второй половины 1950-х гг. На авиационном заводе освоили выпуск поршневых и реактивных самолетов, в том числе стали собирать первые пассажирские реактивные лайнеры ТУ-104, моторостроительное объединение им. Баранова выпускало поршневые и газотурбинные двигатели, другие предприятия осваивали приборы и системы для авиации.

Однако годы «холодной войны» втянули страну в гонку вооружений, где на первый план стала выходить ракетная техника. Родоначальником серийного выпуска ракет в стране стал Днепропетровский завод № 586. Уже в 1952 г. начался серийный выпуск ракет Р-1 и Р-2. Позднее началась подготовка одноступенчатой баллистической ракеты средней дальности Р-12. Созданное для её разработки в 1954 г. ОКБ-586 возглавил выходец из КБ Королева М. К. Янгель. В 1956 г. ОКБ получило наименование «Южное», а завод № 586 — «Южмаш» [1, с. 76]. После успешного испытания в мае 1957 г. решено было начать её массовый выпуск для армии. Помимо Днепропетровска заказ на изготовление изделия получили заводы Перми, Оренбурга и Омска. Наш город был выбран лично М. К. Янгелем. Руководство страны согласилось, учитывая и такие факторы, как отдаленность Омска от границ СССР, наличие в городе предприятий различного назначения, которые могли бы в короткий срок перестроиться на выпуск ракет, которые предназначались для наземных и шахтных стартовых комплексов. Ракета имела дальность стрельбы — 2100 км; максимальную стартовую массу — 41,75 т; масса головной части — 1,3–1,6 т; длина — 22 м; максимальный диаметр корпуса — 1,65 м.

В конце 1957 г. выходит ряд правительственных постановлений, в соответствии с которыми завод (МПО) им. Баранова должен начать изготовление ракетного двигателя РД-214: агрегатный завод им. Куйбышева — автоматику для пневмогидравлической системы ракеты; завод «Электроточприбор» — измерительно-преобразовательные головки системы управления дальностью и системы боковой и нормальной стабилизации полета; электротехнический им. К. Маркса и им. Козицкого — бортовые приборы системы управления. 31 декабря 1957 г. постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР № 1475-665 заводу № 166 поручалось с августа 1958 г. организовать изготовление ракеты Р-12, индекс 8К63 (8К63У). Наряду с перепрофилированием ряда омских предприятий было принято решение о строительстве электромеханического завода (№ 216) и завода наземного оборудования, в дальнейшем — завода подъемных машин (№ 316) на территории Омского комбайносборочного завода [1, с. 77].

Таким образом, Омску придавался статус центра ракетной промышленности страны, второго после Москвы и Московской области. Здесь было сосредоточено производство как самих ракет, так и большинства узлов и систем к ним.

С этого времени для каждого предприятия началась пора освоения и производства дотоле незнакомой продукции. Помощь шла со всех НИИ и КБ страны, занимавшихся разработкой узлов и приборов. Однако основная головная боль выпадала на заводчан. Особая секретность производства не оставила следов этой работы в открытых архивах. Лишь в постсоветское время на ряде предприятий вышли очерки к юбилейным датам, в которых ветераны вспоминают, да приоткрытые заводские архивы дополняют их рассказы о том времени — непростом, но счастливом, когда их труд был нужен стране.

Авиационный завод, как головное предприятие, на котором должно было изготавливаться множество узлов и производиться сборка ракеты, начал проводить коренную реконструкцию производства, создавал новые цеха, осваивал новые, доселе незнакомые технологии. Учиться ездили в Днепропетровск, на «Южмаш». Приходилось учиться и инженерам, и мастерам, и технологам, да и рядовым рабочим. Если при сборке ТУ-104 применялась клепка корпуса, то в ракетостроении главенствовала сварка. Изготавливались тысячи наименований оснастки.

Если в научно-техническом плане ведущим оставалось ОКБ М. К. Янгеля, то непосредственное руководство созданием ракетного комплекса возлагалось на Совет народного хозяйства Омского экономического района, который возглавлял бывший директор авиазавода Б. П. Еленевич. По его инициативе был принят ряд правительственных постановлений, необходимых Омскому ВПК.

В 1958 г. при плане 10 ракет была изготовлена 1. Ее запуск с полигона Капустин Яр состоялся в апреле 1959 г. В целом испытания проведены были успешно. В июне 1959 г. произошла смена директоров завода. Вместо К. А. Головко исполнять обязанности директора стал Я. В. Колупаев. В этом же году завод перевыполнил производственный план, в том числе и по выпуску ракет. Вместо 80 единиц было изготовлено 90 Р-12, в 1960 г. было собрано уже 190, в 1961 г. — 166, в 1962 г. — 70 при ежегодном перевыполнении плана. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 июня 1961 г. завод был награжден орденом Ленина. Такую же награду получил и директор завода, награждены были орденами и медалями десятки работников предприятия.

Уже в октябре 1959 г. правительственным постановлением предприятию было поручено производство изделия 8К64 — межконтинентальной баллистической двухступенчатой ракеты Р-16 янгелевской разработки с дальностью полета 13 000 км. С этого года завод прекратил выпуск самолетов ТУ-104 и переключился на выпуск ракет. И снова реконструкция производства, освоение тысяч новых технологических процессов, так как новое изделие было намного сложнее. Однако трудно было назвать ракету целиком освоенной, потому что постоянно менялись отдельные узлы и агрегаты. Особенно это касалось головных частей. Отработав технологию одного изделия, переключались на новое. Приходилось ездить на «Южмаш» к Янгелю. Уже в 1961 г. была собрана установочная партия из семи ракет, первое испытание которой состоялось в декабре 1961 г. Но первый пуск ее был аварийным. За счет резонансной частоты двигатель первой ступени разрушился. К счастью, обошлось без человеческих жертв. Надо отметить, что этой ракете катастрофически не везло на начальном этапе. В октябре 1960 г. при испытаниях собранной днепропетровцами ракеты Р-16 на полигоне Тюра-Там случилась страшная авария. Погибли более 70 военных и столько же гражданских специалистов. Погибли Маршал Советского Союза, главно-

командующий РВСН М. И. Неделин, два зам. главного конструктора — В. А. Концевой и Л. А. Берлин. По чистой случайности уцелел Янгель [1, с. 92].

«Карибский кризис» 1962 г. подхлестнул гонку вооружений, особенно выпуск ракет. Директор завода Я. В. Колупаев и главный инженер Г. А. Колоколов, другие специалисты буквально жили на заводе. В 1962 г. завод выпустил 53 ракеты Р-16. Производство же ракет Р-12 (8К63 и 8К63У) с 1962 г. было прекращено. Всего за 1959—1962 гг. было собрано 506 ракет. Ракеты Р-16 выпускали вплоть до 1966 г., изготовив всего 330 изделий.

В 1963—1964 гг. на предприятии шла подготовка к производству ракеты УР-200 (8К81), разработанной в КБ В. Н. Челомея и первой «тяжелой» ракеты Р-36 (8К67) разработки М. К. Янгеля. Но в 1965 г. подготовка и выпуск их были прекращены в связи с получением заводом задания на транспортно-пусковые контейнеры (ТПК). Это были агрегаты, появление которых связано с перевооружением армии на ракеты с повышенной степенью боеготовности. Одной из таких МБР была двухступенчатая ракета РС-10 (или УР-100) на высококипящих компонентах топлива, ампулизированной конструкции, для шахтных пусковых установок [1, с. 97]. Вот для них-то и изготавливались ТПК. Они были составной частью ракеты и предназначались для контроля за состоянием ракеты и запуском её из шахты. После соответствующей реконструкции производства завод освоил выпуск новой продукции, изготовив с 1966 по 1968 гг. 691 ТПК.

Однако уже в 1967 г. завод и сам стал изготавливать ракеты РС-10. В первый год было изготовлено 16 ракет, а всего, судя по заводской документации, изготовили около 700 штук. Этот комплекс находился на вооружении Советской Армии с 1967 по 1990 гг. [2, с. 260].

С 1968 г. начата подготовка, а с 1969 г. выпуск ракеты-носителя легкого класса «Космос-3М». Она была создана на базе стратегической ракеты Р-16. Первый пуск её состоялся в декабре 1970 г. Масса выводимой полезной нагрузки для орбит высотой до 1700 км была 500 кг, а для орбит высотой 250 км — до 1500 кг. Ее полетная надежность составляла 97 % и являлась самой высокой для РН этого класса. Кроме того, омской ракете присуща и наибольшая дешевизна. Если стоимость запуска ракетоносителя московского производства «Рокот» оценивается в 10 млн долларов, то «Космос-3М» обходится в 6—8 млн. Предприятие выпускало их до 1994 г., когда серийное производство было свернуто. Было произведено более 750 пусков, и запуски продолжались до 2013 г. Этой ракетой и ее модификациями было выведено в космос свыше 1000 отечественных и зарубежных космических аппаратов. Произведены были коммерческие запуски для США, Швеции, Германии, Италии, Китая, Англии, Мексики.

Авторы книги «Высота «Полета», посвященной истории ПО «Полет», назвали главу, раскрывающую работу предприятия в период с 1983 по 1992 гг. над ракетными двигателями РД-170 и РД-171 для программы МКС «Энергия—Буран», «Успех, не ставший победой». За этот период был изготовлен 51 двигатель. Многие узлы и агрегаты устанавливались на РН «Зенит» и «Энергия». Однако в 1992 г. программа была свернута и созданная на предприятии замкнутая технологическая база для изготовления двигателей, несмотря на усилия руководства сохранить ее, была закрыта.

Помимо изготовления ракет и ракетных двигателей на «Полете» с 1960-х гг. велась работа над выпуском космических аппаратов. Это и международный исследовательский комплекс МИР-2, в который входила геодезическая ракета «Вертикаль», и высотный астрофизический зонд, и навигационно-связные системы «Циклон-О» и «Парус». В 1970-е гг. на «Полете» изготавливались космические аппараты «Сфера», «Надежда», навигационные системы «Цикада». В 1980-е гг. для системы «Коспас-Сарсат» были изготовлены КА, названные в прессе «Космос-1383», затем «Космос-1447» и др., благодаря которым за 25 лет было спасено более 20000 человек во всех уголках земного шара.

В начале 1980-х гг. на предприятии разрабатывалась глобальная навигационная спутниковая система «ГЛОНАСС», предназначенная для навигационного обеспечения потребителей. Кроме красноярцев и москвичей, с которыми у омичей многие годы существовали тесные связи, в Омске руководил разработками главный конструктор А. С. Клинышков. На предприятии с 1981 г. начался выпуск основного спутника для этой системы — «Ураган». С конца 1980-х гг. началась деградация группировки «ГЛОНАСС». Лишь благодаря усилиям руководства предприятия и Омской области удалось продлить выпуск КА до декабря 2005 г. За 25 лет «полетовцы» изготовили и передали заказчику 90 КА этой системы, а всего создали около 250 различных космических аппаратов.

В 2000-е гг. на предприятии разрабатывались и производились малые космические аппараты как для отечественных, так и зарубежных заказчиков.

В 2006 г. ПО «Полет» вошло в состав ГК НПЦ им. Хруничева в качестве филиала. Это дало надежду на восстановление былой мощи предприятия. С 2009 г. на предприятии идет реконструкция производства для выпуска новой ракеты-носителя «Ангара», которая будет производиться в 4-х модификациях от легкой до тяжелой. Первый запуск РН «Ангара 1.2 ПП» произведен с космодрома Плесецк 9 июля 2014 г., а уже 23.12.2014 г. взлетела «Ангара-5» тяжелого типа. Полетовцы изготовили для новой ракеты головной обтекатель и детали двигателя РД-19 [3]. После реконструкции намечено изготовление до 10 ракет целиком на омском предприятии.

При включении омского завода «Электроточприбор» в объединение по выпуску ракетной техники на предприятии было освоено производство высокочувствительных акселерометров — измерительно-преобразовательных головок для контроля устойчивости полета (ИПГ типов Ф 142, Д 142, Д 139), высотных реле 8 В 521, 8 В 525 и аппаратуры для их настройки и контроля.

ИПГ выпускались для РН семейства Р- 7, «Космос-3М», космических аппаратов «Восток», «Восход», «Молния», «Союз», «Прогресс» и других вплоть до последнего времени.

За высокие производственные показатели предприятие в 1971 г. было награждено орденом Ленина.

С 1957 г. начался новый этап развития и для агрегатного завода № 20 — освоение ракетной техники. Первыми изделиями из этой серии были рулевые машины 8Л242В, приводы 8Л61, 2111. Затем завод стал выпускать главные клапаны маршевых и рулевых двигателей, редукторы, электропневмоклапаны, пиропатроны — всего около 150 наименований [3, с. 153]. Заводчане тесно сотрудничали не только с «полетовцами», но и с «Южмашем». Туда на учебу направлялись с завода рабочие и специалисты. «Производство ракетной техники происходило в круглосуточном режиме (в три смены), без выходных дней.

Такой режим был обусловлен весьма сжатыми сроками, установленными для освоения новой продукции, а также жесточайшими мерами наказания за срыв задания» [3, с. 155].

До конца 1980-х гг. завод выпускал 26 наименований бортовой и 40 наименований двигательной техники для ракет, разработанных в конструкторских бюро Янгеля, Селиванова, Челомея, Уткина.

В тесной связи с заводом трудились специалисты Омского машиностроительного конструкторского бюро (ОМКБ), выделившегося из состава завода ещё в 1947 г. Именно здесь шла разработка и внедрялась в производство различная аппаратура — топливные насосы, агрегаты системы смазки для ракетной техники. Оба этих предприятия — и ОАО «Омскагрегат», и ОМКБ — в 2004 г. по решению правительства вошли в перечень стратегических предприятий.

В число омских предприятий, работающих в области ракетостроения, входит ОАО «Сатурн» (ранее электротехнический завод им. К. Маркса). Здесь с 1960-х годов выпускалась бортовая и наземная радиоэлектронная аппаратура для ракет комплексов ПВО и других типов ракет. В последние десятилетия на предприятии освоено и внедрено в серийное производство более 30 наименований спецаппаратуры для комплексов С-125, С-200, С-300ПС, С-300 ПМУ, С-300ВМ, А-135.

В 2007 г. предприятие Указом Президента РФ включено в состав ОАО «Концерн ПВО «Алмаз-Антей». В рамках государственной программы вооружений ОАО «Сатурн» совместно с головными предприятиями МКБ «Факел», ГСКБ «Алмаз-Антей» осуществляет ряд опытно-конструкторских работ по бортовой аппаратуре для комплексов ПВО: С-300П, С-300ПМУ и С-400 [4, с. 125—126.]

В 1959 г. принимается решение правительства о строительстве электромеханического завода (ныне ОАО «Сибирские приборы и системы»), на котором в течение 50 лет производилось оборудование для ракетной отрасли. Сначала в 1961 г. предприятие приступило к серийному выпуску датчиков программных импульсов, затем начато освоение производства комплекса гироскопических приборов для системы управления баллистической ракетой. Основным потребителем продукции вначале был омский авиационный завод, затем география поставок и номенклатура изделий значительно расширились.

Позднее предприятие вошло в интегрированную структуру ОАО «Информационные спутниковые системы» им. академика М. Ф. Решетнева и осуществляет изготовление контрольно-проверочной аппаратуры и нестандартного наземного оборудования для отработочных испытаний приборов и систем ориентации и стабилизации космических аппаратов. Кроме того, здесь продолжают производить гироскопические приборы для изделий типа «Оникс», «Яхонт», «Искандер», а также изделий «морской» тематики. Объединение участвовало в изготовлении грунтозаборного устройства для КА «Луна-16», привода управления системы терморегулирования КА «Венера», «Марс». Предприятие имеет договоры со многими родственными по тематике предприятиями Омска, Томска, Москвы, Санкт-Петербурга на разработку различных изделий. В 1969 г. коллектив завода был награжден орденом Трудового Красного Знамени, а в августе 1976 г. за освоение производства новой техники была вручена вторая награда — орден Октябрьской революции.

В 1949 г. при заводе № 373 (ныне ОАО «Сатурн») было образовано Опытно-конструкторское бюро, занимавшееся разработкой радиолокационных приборов для авиации. Однако после перепрофилирования завода на «ракетную» тематику решением правительства ОКБ стало в 1961 г. самостоятельным подразделением под названием Центральное конструкторское бюро (ЦКБ-111), на которое была возложена задача по разработке средств радиоразведки, систем противоракетной и противовоздушной обороны. Пассивные радиосистемы стали основной продукцией предприятия. В сравнительно короткий период ЦКБА разработал, испытал и передал в серийное производство пассивные головки самонаведения для ракет Х-28, Х-58, Х-31 и др.; пассивные авиапеленгаторы, аппаратуру целеуказания и другие изделия [5, с. 85].

28 февраля 1972 г. было создано производственно-техническое объединение (с 1976 г. ПО) «Автоматика» в составе ЦКБА и завода «Автоматика». К середине 1980-х гг. в серийном производстве на восьми заводах страны находилось 43 изделия ЦКБА, в том числе и на заводе «Автоматика», который в 2002 г. вошел в состав ОАО «Корпорация «Тактическое ракетное вооружение», где продолжает работу над продукцией оборонного значения. Предприятие награждено орденом «Знак Почета».

Постоянным партнером ПО «Полет» с начала освоения программы ракетостроения было Омское моторостроительное объединение им. Баранова. Именно здесь вплоть до 1975 г. производились жидкостные ракетные двигатели РД-119 и РД-216.

В рамках небольшой статьи невозможно рассказать обо всех омских предприятиях, работавших и до сих пор работающих над созданием ракетного комплекса — надежного щита нашей Родины. Это касается и заводов подъемных машин, им. Козицкого, машиностроительного и моторостроительного КБ и ряда других предприятий. Эта прежде закрытая тема еще ждет своего исследователя.

Библиографический список

1. Высота «Полета». — Омск : Наука, 2006. — 332 с.
2. Энциклопедия Омской области: в 2 т. Т. 2. М - Я / Под общ. ред. В. Н. Русакова. — Омск : Кн. изд-во, 2010. — 592 с.
3. После реконструкции в Омске появится центр по производству ракетно-космической техники [Электронный ресурс]. — Режим доступа : htpp://Omskpress.ru/news/ (дата обращения: 20.12.2014).
4. Руденко, Е. След: завод и судьбы / Е. Руденко. — Омск : Изд. дом Наука, 2014. — 414 с.
5. Косьмина, Е. А. Оценка и интенсивность воздействия интеллектуального капитала на эффективность функционирования предприятия : моногр. / Е. А. Косьмина. — Омск : ОмГТУ, 2012. — 188 с.
6. Устремленные в будущее: посвящается 65-летию Октябрьского административного округа г. Омска. — Омск : Омскбланкиздат, 2007. — 181 с.

ШУМИЛОВ Александр Иванович, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры общественных наук.

Адрес для переписки: г. Омск, ул. Партизанская, 6.

Статья поступила в редакцию 20.01.2015 г.

© А. И. Шумилов

УДК 947 (571.1)

В. П. ВАСИЛЕВСКИЙ

Омский государственный технический университет

ОСОБЕННОСТИ ОПЕРАТИВНОЙ ОБСТАНОВКИ И ЗАДАЧИ ОРГАНОВ ГПУ—ОГПУ В ОМСКОМ ПРИИРТЫШЬЕ

Статья посвящена исследованию влияния оперативной обстановки в Омском Прииртышье на специфику деятельности органов ГПУ—ОГПУ. Выделены особенности деятельности советских органов государственной безопасности, обусловленные географическим положением региона, спецификой его исторического и социально-экономического развития.

Ключевые слова: органы государственной безопасности, ГПУ—ОГПУ, Омское Прииртышье, оперативная обстановка, особенности деятельности.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Омской области. Конкурс «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Ледовитым океаном». Проект 15-11-55003 «Деятельность органов ГПУ—ОГПУ в Омском Прииртышье (1922—1934 гг.)».

В современной исторической науке растет интерес исследователей к региональным особенностям деятельности советских спецслужб, изучающимся в связи с оперативной обстановкой в отдельных регионах страны. Омское Прииртышье, относящееся к «сибирской глубинке», в подобном ракурсе еще не привлекло внимания историков. Здесь усилиями В. М. Самосудова относительно изученными являются лишь политические репрессии [1—3].

Цель данной работы — проанализировать оперативную обстановку в Омском Прииртышье в 20-е годы и, соответственно, выделить особенности деятельности органов ГПУ—ОГПУ в регионе.

Омское Прииртышье, в период колчаковской диктатуры являвшееся столицей белой России, среди сибирских регионов, у победивших в Гражданской войне коммунистов, имело особенно отрицательную, контрреволюционную репутацию. После стремительного захвата Красной армией Омска в городе остались десятки тысяч противников советского государства, не успевших или не захотевших покинуть территорию региона. Они были готовы к различным формам антикоммунистической борьбы: от прямого вооруженного противостояния до скрытого саботажа государственной политики и агитации против коммунистической власти. Соответственно, в условиях затухающей локальной Гражданской войны сибирскими чекистами Омск воспринимался как город, который необходимо очистить от противников нового строя, представлявших угрозу для безопасности социалистического государства.

Видный омский коммунист А. Н. Дианов, некоторое время проходивший службу в органах ВЧК на транспорте, вспоминал: «Омск был переполнен бежавшими с запада и с востока буржуями, офицерством, населением окрестных казачьих станиц настроено монархически, враждебно к Советской власти» [4, л. 1]. Прибывшая в город в 1920 г. для службы в ЧК рядовым сотрудником А. Ф. Ворозенец увидела враждебный город, наполненный врагами нового строя. Она вспоминала: «Сибирь. Омск. Высаживаемся. В первые дни пребывания Омск произвел неприглядное впечатление: пыльный, душный город со скудной растительностью, частными домами-мазанками, с их угрюмыми, враждебно настроенными хозяевами — остатками кулачества, не успевшими убежать с белогвардейцами; базары, кишащие спекулянтами со всевозможной снедью, и рядом оборванные, падающие от истощенья люди... Все это произвело на нас удручающее впечатленье» [4, л. 228]. Это был типичный негативный профессионально обусловленный взгляд сотрудника советских органов государственной безопасности на Омск начала 20-х гг. Он культивировался руководством органов безопасности на всем протяжении 20—30-х гг. С профессиональной точки зрения сотрудников советских органов государственной безопасности, Омск нуждался в масштабной «зачистке» от врагов Советской власти.

Особенность оперативной обстановки Омского Прииртышья 20-х гг. заключалась в наличии на территории региона — бывшей столицы белой России — значительного числа бывших белогвардейцев (офицеров, сотрудников контрразведки). Омские чекисты имели все основания им не доверять. В 1918 г. офицерские подпольные организации совместно с чехами свергли Советскую власть на территории Сибири. После захвата Омска частями Красной армии одним из первых дел, расследованных чекистами, было дело против офицеров на артиллеристских складах, которые способствовали в 1918 г. падению Советской власти в Омске и после освобождения города от колчаковцев вновь остались служить на складах. Их антисоветская деятельность была полностью доказана [5, с. 62—73]. В соответствии с действовавшими в тот период юридическими нормами, на протяжении 20-х гг. бывшие белые офицеры часто изобличались сотрудниками ГПУ—ОГПУ в антисоветской деятельности.

Особенную опасность среди противников Советской власти в Омске представляли сотрудники белогвардейских спецслужб и их агенты. В белой Сибири штаб-квартиры многочисленных белых контрразведок располагались в столице — Омске. По неполным данным сибирских чекистов, в Омске в главном аппарате контрразведки (без милиции, отрядов особого назначения и следственной комиссии) работало

свыше 500 человек [6, л. 6]. Белые спецслужбы имели разветвленный агентурный аппарат. И после завершения Гражданской войны сотрудники белых контрразведок и их агентурный аппарат представляли серьезную антисоветскую силу, угрожавшую безопасности Советской России. В своих интересах их могли использовать представители иностранных спецслужб, которые в разгар Гражданской войны работали на территории Сибири и имели с белыми контрразведчиками личные связи. В годы Гражданской войны в Сибири особенно активно действовала японская разведка. Генерал-майор Такиуки, подводя итоги сибирской интервенции 1918—1919 гг., отмечал: «В то время в Сибири работали офицеры из всех полков Японии, которые занимались изучением края. В результате те местности, о которых мы ничего не знали, были изучены, и в этом отношении у нас не может быть почти никаких беспокойств» [7, с. 304].

После завершения Гражданской войны в России японская разведка продолжила свою работу на территории Сибири. В этой связи сибирские чекисты отмечали, что «почти все работники колчаковской контрразведки перешли на службу к иностранным разведкам (преимущественно в японскую разведку) и являлись организаторами и до сих пор являются активными участниками различных белогвардейских контрреволюционных организаций, — как-то: Российского общевоинского союза (РСВС), Всероссийской фашисткой партии (ВФП), Братства Русской правды (БРП)» [6, л. 9]. Наличие в регионе бывших представителей белой контрразведки и остатков ее агентурного аппарата повлияло на оперативную обстановку в Омском Прииртышье в 20—30-е гг.

На территории Омска работали иностранные миссии, за которыми органы ГПУ—ОГПУ осуществляли негласный надзор. Специалистами общепризнано, что каждая иностранная миссия и представительство имели много разведчиков, а сами учреждения по существу были филиалами спецслужб в России и занимались сбором разведывательной информации [8, с. 301]. К середине 20-х гг. в Омске работали датское, эстонское, латвийское представительства, активно действовали союзы китайских и корейских рабочих, члены которых являлись подданными иностранных государств [9, л. 1, 2]. Органы ГПУ—ОГПУ Омска вели наблюдение за иностранными миссиями, дипломатами и гражданами иностранных государств на территории региона.

В силу географического расположения региона в азиатской России, особым направлением в работе омских чекистов был «восточный вопрос». Работа в этом направлении выражалась в контрразведывательной деятельности в отношении разведок восточных государств — Японии и Китая, а также в борьбе с китайской организованной преступностью (бандами хунхузов). По поводу угроз, исходящих для СССР из Китая, историк А. М. Плеханов отмечает: «Остатки частей генералов Б. В. Анненкова, А. С. Бакича, А. И. Дутова и других, формально интернированные китайскими властями, постоянно угрожали Семиречью. Китай был базой для подготовки диверсантов и бандитских отрядов для нападения на пограничные села Дальнего Востока. Да и сами китайцы постоянно нарушали границу, в 1928 г. дело дошло до вооруженных столкновений» [8, с. 52]. В 20-е гг. наличие многочисленной китайской диаспоры в Омске являлось существенным фактором, определявшим оперативную обстановку в Омском Прииртышье. Оперативная разработка Союза китайских рабочих являлась важнейшей задачей сотрудников органов ГПУ—ОГПУ Омска. Эта работа стала особенно значимым достижением чекистов Омского Прииртышья по восточной линии. Из материалов органов ОГПУ Омска следует, что под вывеской этой организации в городе существовал всероссийский руководящий центр китайской организованной преступности, на некоторых членов союза у чекистов имелись показания представителей китайской диаспоры об их шпионской деятельности в пользу Японии [10].

Город Омск являлся столицей Сибирского казачьего войска (СКВ), представлявшего собой военно-служилое, сословно-территориальное образование, официально существовавшее с 1808 по 1919 год [11, с. 88]. Несмотря на официальную ликвидацию СКВ Сибревкомом в декабре 1919 г., выходцы из казачьего сословия продолжали называться в официальных документах «казаками» вплоть до 40-х гг. Сотрудники ГПУ—ОГПУ вели постоянную работу в отношении бывших сибирских казаков, рассматривая их как активную антикоммунистическую силу. Показательно, что в 1940 г. сибирскими чекистами с информационной целью и для постановки задач для дальнейшей работы своих сотрудников была составлена специальная справка, посвященная деятельности органов государственной безопасности в отношении СКВ. В документе ставилась задача по оперативной разработке бывших казаков: «Большое количество разного контрреволюционного элемента сбежало из казачьих станиц в города, районные центры, многие из них устроились на работу в совхозах, пристанционных пунктах, скрыли свое историческое контрреволюционное прошлое, замаскировались под видом служащих, чернорабочих и т.д., отсюда продолжали вести контрреволюционную работу по сколачиванию антисоветских формирований в гор. Омске и по районам. Материалы по этим ликвидированным организациям показали, что основной питательной и организующей казачье сословие силой является зарубежная белоказачья эмиграция. Отсюда важнейшее значение во всей агентурной работе по этим объектам имеет разработка закордонных связей казачества» [12, л. 20]. *В 20—30-е гг. наличие населения и земель бывшего СКВ являлось значимой особенностью оперативной обстановки на территории Омского Прииртышья.*

Омск являлся крупнейшим транспортным узлом. Город располагался на важнейшей транспортной артерии страны — Транссибе. Кроме того, важнейшей водной артерией краевого, сибирского значения являлась река Иртыш, на берегу которой расположен Омск. Транссибирская железнодорожная магистраль связывала Сибирь и Дальний Восток с европейской частью России. Она имела колоссальное военное и экономическое значение. Перед омскими чекистами, в качестве важнейших, стояли задачи восстановления железнодорожного транспорта после завершения Гражданской войны и обеспечение безопасности его работы в дальнейшим.

К 1922 году у Советского правительства возникли серьезные трудности с обеспечением населения хлебом. Засуха, поражавшая два года подряд 34 губернии, вызвала не только голод в Поволжье, но отразилась и на других губерниях европейской России. Не было хлеба, чтобы накормить голодных, и не было семян, чтобы его посеять в наступившем 1922 году. В Сибири хлеб был изъят у крестьян. Но его невозможно было вывезти из-за разрухи на транспорте, слабой пропускной способности железных дорог,

коррупции, массовых хищений грузов, актов саботажа и диверсий. В январе 1922 г. в край был направлен Ф. Э. Дзержинский, совмещавший должности наркома путей сообщения, наркома внутренних дел, а с февраля 1922 года председателя ГПУ при НКВД РСФСР. В состав возглавляемой им экспедиции входило сорок сотрудников Наркомата путей сообщения, Наркомата продовольствия, чекистов, членов военно-транспортного трибунала и профсоюзных работников.

Успешные результаты работы экспедиции Ф. Э. Дзержинского были подробно освещены еще в советской историографии. А. А. Халецкая отмечает, что «в результате принятых экспедицией мер задание по вывозу продовольствия в феврале 1922 г., несмотря на огромные трудности из-за снежных заносов, было выполнено на 63 %, что было большим достижением по сравнению с декабрем 1921 г., когда оно было выполнено лишь на 19 %» [13, с. 34]. С отъездом Ф. Э. Дзержинского омские чекисты продолжили интенсивную работу по наведению порядка на транспорте. Основными задачами для них стала борьба со взятками и хищениями. В работе по искоренению этих явлений сотрудники органов безопасности опирались на сознательную поддержку трудящихся масс. В одном из номеров омской газеты «Рабочий путь» комячейка ЛООКТОГПУ станции Омск обращалась к гражданам с призывом: «Товарищи! Ведь ГПУ ваша охрана. Так давайте же вместе бороться со злом и контрреволюцией. Давайте помогать друг другу в борьбе. Помогайте искоренять наследие старого прошлого — взятку и хищенья» [14].

Значение Омска, как транспортного узла, привело к открытию в 1923 г. в городе «Сибирской школы по подготовке агентов ТО». Омская школа до 1925 г. готовила специалистов органов ОГПУ на транспорте для районов Сибири и Дальнего Востока. Школа находилась по адресу: ул. 1-я Линия, дом № 20. Продолжительность обучения в ней составляла восемь месяцев [15]. Велико было значение Омска и как узла водного транспорта. Как вспоминал А. Н. Дианов: «Дзержинский, будучи в Омске, ознакомился с положением дел на речном транспорте, и по его рекомендации водный транспорт был выделен из НКПС и в Омске было создано затем Управление Госпароходства рек Западной Сибири. Начальником его назначен Дианов» [4, л. 2]. *Всероссийская значимость работы транспорта в Омском Прииртышье, стала особенностью, определявшей оперативную обстановку в регионе и наличие в нем крупного подразделения органов ГПУ–ОГПУ, обеспечивавшего безопасность на транспорте.*

В 20-е годы большинство населения Омского Прииртышья составляли крестьяне. Западная Сибирь являлась одной из основных житниц Советской России. Сибирское крестьянство традиционно было более зажиточным, чем крестьянство европейской России. В этой связи председатель Сибревкома И. Н. Смирнов в начале января 1921 г. докладывал В. И. Ленину: «Сибирское крестьянство зажиточно. Европейские термины (кулак, середняк и бедняк) к Сибири приложимы в несколько измененном понимании. По количеству лошадей и рогатого скота сибирский «середняк» не уступит российскому «кулаку»» [16, с. 613]. В 1920 г. зажиточное сибирское крестьянство негативно встретило политику военного коммунизма и оказало ей ожесточенное вооруженное сопротивление. Омское Прииртышье было охвачено знаменитым Западно-Сибирским восстанием, которое достаточно подробно отражено в исторической литературе. Несмотря на поражение, наряду с другими крупными крестьянскими выступлениями периода локализации и завершения Гражданской войны, восстание подтолкнуло коммунистов к проведению Новой экономической политики (НЭП).

НЭП зафиксировала временную победу крестьянства в Гражданской войне. Исследователь В. В. Кондрашин обращает внимание на опыт Гражданской войны как на предпосылку для политики коллективизации, проводимой насильственными методами в будущем. «Прежде всего в Гражданской войне большевики получили очень важный опыт взаимодействия с крестьянством. Он подтвердил марксистскую доктрину о крестьянстве как «неудобном классе» для коммунистического эксперимента. Гражданская война показала большевикам ненадежный характер крестьянства как стратегического союзника. Отсюда та подозрительность и неприязнь многих представителей большевистского руководства и государственного аппарата к крестьянину в последующие годы» [17, с. 340]. Руководителями партии НЭП рассматривалась как временная уступка крестьянству. Поэтому ее ликвидация была неизбежна.

Преимущественно крестьянский состав населения Омского Прииртышья становился одним из факторов, определявших оперативную обстановку и задачи органов ГПУ в регионе. Недоверие коммунистов к крестьянину диктовало необходимость активной работы органов безопасности советского государства в сельской местности. В условиях НЭП органы ОГПУ Омского Прииртышья выполняли в деревне следующие задачи: контроль за политическими настроениями с целью предупреждения возможных выступлений против режима и с информированием партийных органов о политическом состоянии деревни; выявление активных противников Советской власти (бывшие каратели, сотрудники контрразведки и пр.) и репрессии в отношении них; надзор за поведением членов Коммунистической партии в деревне; реализация политики государства, направленной на обострение классовой борьбы в деревне и поддержку ее беднейших слоев путем административных мер регулирования экономики. В ходе свертывания НЭП и коллективизации органы государственной безопасности, как и во всей стране, стали инструментом политики государственного террора в отношении крестьян.

Поликонфеесиональный и полиэтнический состав населения являлся важным фактором, влиявшим на оперативную обстановку в Омском Прииртышье и задачи органов государственной безопасности. Во-первых, на территории Омского Прииртышья проживали автохтонные сибирские народы, традиционно исповедовавшие ислам — казахи и сибирские татары. Работа оперативников, обслуживавших территории, населенные этими народами, имела специфику. Руководство требовало особо выделять в информационных сводках из уездов вопрос о положении в среде мусульманского населения, что требовало от оперативника специальной работы в этом направлении. Во-вторых, на территории Омского Прииртышья компактно проживали этнические диаспоры, так называемые «инонациональности» (народы, имевшие государственность за пределами СССР). Это были немцы, поляки, латыши, эстонцы. Советские спецслужбы подозрительно относились к ним из-за их потенциальной вербовочной уязвимости. Исследователь В. Н. Хаустов отмечает, что «в СССР постепенно усиливалась подозрительность в отношении тех слоев населения, которые представ-

ляли собой так называемую «разведочную базу иностранных разведок». По сложившимся в оперативных подразделениях органов государственной безопасности учетам, в качестве такой базы рассматривались советские граждане — представители инонациональностей, особенно тех государств, которые, по мнению высшего руководства, представляли потенциальных врагов СССР» [18, с. 221].

Таким образом, оперативная обстановка в Омском Прииртышье была обусловлена не только общей ситуацией в стране, но и географическим положением региона, спецификой его исторического и социально-экономического развития. Региональные особенности оперативной обстановки в Омском Прииртышье значительно влияли на деятельность органов государственной безопасности: столица белой Сибири стала одним из центров советской репрессивной политики в отношении бывших белых офицеров и сибирского казачества; органами ГПУ—ОГПУ велась активная работа по восточной линии; в Омске были расположены подразделения, обеспечивавшие безопасность транспортного узла; значительно влиял на деятельность спецслужб в регионе его крестьянский, поликонфессиональный и полиэтнический состав населения.

Библиографический список

1. Самосудов, В. М. Исторические этюды о репрессиях в Омском Прииртышье / В. М. Самосудов. — Омск : ОмГПУ, 1998. — 233 с.
2. Самосудов, В. М. Большой террор в Омском Прииртышье 1937—1938 / В. М. Самосудов. — Омск : ОмГПУ, 1998. — 268 с.
3. Самосудов, В. М. Записки из кровавого года / В. М. Самосудов. — Омск : ОмГПУ, 2000. — 168 с.
4. Архив Управления ФСБ России по Омской области. Ф. 87. Оп. 3. Д. 1596.
5. Бударин, М. Е. Чекисты / М. Е. Бударин. — Омск : кн. изд-во, 1987. — 288 с.
6. Архив Управления ФСБ России по Омской области. Ф. 87. Оп. 3. Д. 292.
7. Кирмель, Н. С. Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне 1918—1922 гг. / Н. С. Кирмель. — М. : Кучково Поле, 2008. — 512 с.
8. Плеханов, А. М. ВЧК—ОГПУ. Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921—1928 / А. М. Плеханов. — М. : Кучково Поле, 2006. — 704 с.
9. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. Р-27. Оп. 2. Д. 32.
10. Василевский, В. П. Деятельность органов ОГПУ по оперативной разработке Союза китайских рабочих в Омске (к постановке проблемы) / В. П. Василевский, А. В. Сушко // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2013. — № 2 (54), т. 3. — С. 26—30.
11. Андреев, С. М. Сибирское казачье войско : в 3-х т. / С. М. Андреев, В. А. Шулдяков // Историческая энциклопедия Сибири ; Институт истории СО РАН. — Новосибирск : Изд. дом Историческое наследие Сибири, 2009. — Т. 3. — С. 88—90.
12. Архив Управления ФСБ России по Омской области. Ф. 87. Оп. 3. Д. 20.
13. Халецкая, А. А. Экспедиция Ф. Э. Дзержинского в Сибирь (1922 г.) / А. А. Халецкая. — Омск : Кн. изд-во, 1963. — 69 с.
14. Рабочий путь (Омск). — 1922. — 17 декабря.
15. Василевский, В. П. Кадровый отбор для подготовки сотрудников государственного политического управления (ГПУ) на транспорте / В. П. Василевский, А. В. Сушко // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. — № 15 (158), вып. 27. — 2013. — С. 133—139.
16. Сибирская Вандея. 1919—1920. Документы. В 2-х т. Т. 1 / Под ред. А. Н. Яковлева ; сост. В. И. Шишкин. — М : Междунар. фонд Демократия, 2000. — 664 с.
17. Кондрашин, В. В. Крестьянство в России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма / В. В. Кондрашин. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), Фонд первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2009. — 575 с.
18. Хаустов, В. Н. Иностранцы и советские граждане иностранного происхождения — потенциальные «агенты» буржуазных разведок / В. Н. Хаустов // Исторические чтения на Лубянке: 1997—2008. — М. : Кучково Поле, 2008. — С. 219—227.

ВАСИЛЕВСКИЙ Виталий Петрович, соискатель по кафедре отечественной истории.
Адрес для переписки: vasilevskiy-vitaliy@mail.ru

Статья поступила в редакцию 08.12.2014 г.

© В. П. Василевский